

9 (127)
H-37.

Т.М. АЙТБЕРОВ
Ю.У. ДАДАЕВ

**ХРОНИКА ИМАНМУХАММАДА
ГИГАТЛИНСКОГО -
ТЕКСТ XIX В. ОБ ИСТОРИИ
ИМАМАТА**

Махачкала-2010

9(Дар)
А-37-

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВСЕМИРНЫЙ ФОНД ШАМИЛЯ

АЙТБЕРОВ Т.М., ДАДАЕВ Ю.У.

**Хроника Иманмухаммада Гигатлинского –
текст XIX в. об истории
Имамата**

Учебное пособие

для студентов очного и заочного отделений
исторического факультета

instituteofhistory.ru

Махачкала-2010

Утверждено на заседании кафедры истории Дагестана Дагестанского
государственного университета от 14.10.2010 г.

Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У.

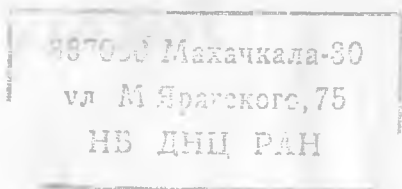
Хроника Иманмухаммада Гигатлинского – текст XIX в. об истории
Имамата: Учебное пособие для студентов очного и заочного отделений
исторического факультета. – Махачкала, 2010. - 201 с.

180805

Рецензенты:

Магомедов М.А., профессор кафедры истории Дагестанско-
го государственного педагогического университета;

Нахибашев З.М., профессор кафедры истории Дагестанско-
го государственного педагогического университета

© Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, 2010

instituteofhistory.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национально-освободительную борьбу кавказских народов, проходившую под военно-политическим руководством трех имамов, – Газимухаммада, Хамзат-бека Гочатлинского и Шамиля – именуют иногда Кавказской войной. Она занимает достаточно важное место в истории Российской империи XIX в., а также – Османской Турции, Каджарского Ирана и, в некоторой степени, Великобритании.

Исторические отношения России и старожильческих народов Северного Кавказа, уходящие вглубь столетий, складывались, как известно, не всегда мирно и бесконфликтно. Особое место занимает тут первая половина XIX века, охватывающая самый, наверное, напряженный и трагический период в истории их, ставший, однако, как бы фундаментом для будущего неразрывного единства коренных северокавказцев с русским народом, а также с другими народами великой России – не большими по численности этносами, не имеющими возможностей для своего языкового и культурного развития кроме как в ее пределах. Сегодня, несомненно, обретает политическую востребованность их опыт совместного продвижения к вершинам цивилизации, – при бесспорном конечно лидерстве Москвы – как общественный фактор, выдержавший трудные испытания временем. Это – опыт титанической борьбы народов Северного Кавказа за свое социальное развитие и этнокультурное будущее, проводившейся ими совместно с великим русским народом.

Обогащать и беречь названную здесь многовековую практику сотрудничества народов России – долг и обязанность каждого ее гражданина, а собирать соответствующую тут фактологию и анализировать ее должны, прежде всего, ученые-гуманитарии. Особая ответственность ложится, при этом, на профессиональных историков, о чем сказал недавно Президент РФ Медведев Д.А. – за ту историю региона, которую они пишут и пытаются затем донести до широких народных масс, за то, чтобы была она глубоко научной – со стороны методики и теории исследования и, что важно, объективной – в аспекте, прежде всего, изложения и толкования наличных фактов.

В течение ряда столетий уделяли и уделяют неослабное внимание Северному Кавказу, как Восток, так и Запад. Ныне имеет место это, прежде всего, со стороны США и некоторых союзных им стран, входящих в блок НАТО (особенно активна тут, причем, Англия), которые заинтересованы в том, чтобы отторгнуть Северный Кавказ от России – ради отделения ее от закавказских нефтепроводов и газопроводов, и, в конечном итоге, развалить Российскую Федерацию, как многонациональную евразийскую державу. Они целенаправленно

действуют на данном поприще в течение уже многих лет, правда, с разной степенью напряжения своих интеллектуальных и материальных ресурсов. Для нас, дагестанских ученых, данная политическая позиция, проводимая в жизнь Западом, является, однако, неприемлемой. Поэтому мы, бесспорно, должны: убедительно показывать всем историческое значение процесса вхождения народов Северного Кавказа и Дагестана в состав России, афишировать его как величайшее, можно сказать, эпохальное достояние жителей гор и степей, а следовательно, беречь единство наших народов и территориальную целостность Российского государства.

Мудро пишет академик Ю.А. Поляков, что «Северный Кавказ – один из столпов Российской Федерации. Невозможно представить Россию без Северного Кавказа и Северный Кавказ без России», хотя, правда, отдельными политиками «роль Северного Кавказа в истории России явно недооценивалась»¹ и, мало того, продолжает недооцениваться.

Многие события последнего времени, происходящие вокруг нас, являются свидетельством возрастания роли и места северокавказского региона, как неотъемлемой и весьма важной части Российского государства. Последним, ведущим свидетельством особого внимания Руководства нашей державы к данному региону стало образование в феврале этого года Северо-Кавказского федерального округа, с центром в г. Пятигорске, осуществленное в соответствии с указом Президента России Д.А. Медведева.

В наши дни проблема необходимости объективного изучения реальных фактов и последующего осмысления тех или иных вопросов истории коренных народов Северного Кавказа и Дагестана, в том числе событий первой половины XIX века, – времени, когда развернулась на названных территориях национально-освободительная, антиколониальная и антифеодальная борьба, – встает на повестку дня вновь. Она имеет непреходящее, без сомнения, значение для дела обеспечения дружбы и братства между всеми народами России, а также для укрепления морали, духовности и культуры, и обеспечения устойчивого социально-экономического развития и, как результат, процветания Северного Кавказа – обширного густонаселенного и потенциально богатого региона в составе Российской Федерации.

История борьбы народов Кавказа за право на свое этническое существование, проходившей в XIX в., изучается уже более двух веков, причем многими кавказоведами – как отечественными, так и зарубежными. За это время издано

¹ Поляков Ю.А. Слово о Северном Кавказе // сб. «Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской конференции». Ставрополь, 2001. С. 7.

огромное, как известно, количество статей и монографических исследований. Наибольшее количество фундаментальных, основательно, причем, документированных работ, посвященных названной теме, входящих в блок «историография», принадлежат при этом, отечественным кавказоведам.

«Странно, что ни один уголок нашего отечества» – писал в конце девятнадцатого столетия академик Н.Ф. Дубровин, крупный специалист по истории южных регионов Российской империи, государственный деятель высокого уровня, – за исключением, конечно, двух столиц, «не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ»². Необходимо подчеркнуть, при этом, что значительная часть имеющейся на данный момент научной и научно-популярной литературы: на русском, немецком, французском и английском, на арабском, персидском и турецком, а также на других языках, в том числе на языках народов Дагестана, Чечни и других кавказских территорий, – посвящена описанию и осмыслению (не всегда, впрочем, правильному) многолетней героической и, одновременно, трагической – по отдельным позициям – борьбы народов Северного Кавказа и Дагестана, проходившей на протяжении большей части XIX века.

В глазах исследователей Кавказской войны особую ценность представляют тексты, которые исходят с рук современников и очевидцев тех или иных ее событий, по какую бы сторону баррикад они тогда не находились. К ним, особенно к тем материалам, которые не переведены еще на русский язык и, практически, не введены еще в научный оборот, приковано сегодня большое внимание: ученых, прежде всего кавказоведов, политиков, государственных деятелей и представителей общественности.

В ходе той долгой войны, которую вели в XIX в горы под руководством имамов, прошли через штабные структуры России многие тысячи документов разнообразного содержания и различного, в том числе восточного, происхождения³. Мало того, целый ряд российских офицеров – участников Кавказской войны, написали воспоминания о тех или иных событиях, имевших место на Кавказе первой – начало второй половины XIX в., а прошедших либо при их личном участии, либо при участии их друзей и товарищей, которые, причем,

² Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. I. С. 14.

³ Часть их опубликована. См. например, Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866-1904. Т. I-XII (ниже АКАК); Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х годах XIX века: сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959 (ниже ДГСВК). Последнее фундаментальное издание: Гаджиев В.Г.; Дадаев Ю.У., Рамазанов Х.Х. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: сборник документов. М., 2005 (ниже НОБДЧ)

выступили позднее в качестве информаторов. Эти их записи превратились ныне в важный исторический источник, широко используемый для нужд кавказоведения⁴.

В плане анализа и обобщения информации об эпохе Кавказской войны представляют исключительную ценность документы, родившиеся внутри государства Имамат, в орбите отношений существовавших там. Это – специальный вид письменных материалов, появившийся внутри государства Имамат, не известный тогда русскому колониальному командованию. Он представлен официальными письмами Шамиля, его мудиров, наибов, муфтиев, кадиев и рядовых людей, а также решениями Государственного Совета (*Диван-хана*), и общеимаматских съездов, рекомендациями и положениями различных комиссий, создававшихся в Имамате по важнейшим вопросам государственного строительства.

Относится данная характеристика написанного материала, несущего информацию о Кавказе XIX в., и к повествовательным сочинениям дагестанских авторов – очевидцев тех великих событий, соратников Шамиля и людей из его окружения, которые писали как на арабском, так и на дагестанских языках, прежде всего по-аварски. Среди этой группы источников входящих в массивный пласт исторических материалов о Кавказской войне имеются и такие, которые еще и не введены в широкий научный оборот.

После пленения Шамиля (1859 г.) официальные структуры – прежде всего связанные с военным ведомством великой Империи – организуют написание обстоятельных, обобщающих по своей форме работ о войне России с кавказскими народами, которая удивила петербуржцев и москвичей, показав, что последних «шапками» не «закидаешь». В сочинениях этих подробно описываются и анализируются как отдельные этапы и эпизоды названной выше многолетней эпопеи, отложившейся в памяти русского народа, так и дается общий обзор событий конца XVIII – первой половины XIX вв., которые имеют отношение к борьбе кавказцев с великой императорской армией⁵. При написании

⁴ Ярким примером является в данном случае работа **Н.А. Окольничего** «Перечень последних военных событий в Дагестане: 1843 год» // Военный сборник. СПб., 1859, № 1-5. (переиздание: Махачкала). См. также: **Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйлов А. М.** Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Нальчик, 2008. С. 471-483; **Дадаев Ю.У.** Наибы и мудир Шамиля. Махачкала, 2009. С. 562-578.

⁵ Здесь можно упомянуть, кроме фундаментальной монографии **Н.Ф. Дубровина** («История войны и владычества русских на Кавказе»), пятитомный труд **В.А. Потто** «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1895»; **Он же.** Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1-5 (переиздание труда, который увидел свет в Петербурге в 1895

данного блока работ, исходной точкой которого является эпоха Ивана IV, увидевшего свет в конце XIX – начале XX вв., был использован, что интересно, и дагестанский материал – как письменный, часть которого недоступна в настоящее время кавказоведам, так и устный.

Так, например, кроме знаменитого сочинения Мухаммадтахира Карахского-Цулдинского, которое было известно, так или иначе, многим русским 2-й половины XIX в. (прежде всего военным и чиновникам), использовался при анализе ситуации на Кавказе и иной дагестанский материал. Если взять тут офицера «для особых поручений» при «штабе войск Прикаспийского края», подполковника Н.А. Окольниковичего, то он при написании своего исключительно ценного труда, привлек, как сам отмечает, «рукописные сочинения... дагестанских ученых», написанные по-арабски и, как видится, на языках тех или иных горских народов. Это были: во-первых, «Жизнеописание Шамиля», принадлежащее руке неизвестного автора, и «Летопись о дагестанских народах», являющаяся произведением некоего «Айгум-кадия», возможно, даргинца по национальности; во-вторых, «изустные сведения, собранные», названным выше русским офицером «во время» его «поездки» по Дагестану (1858-1859 гг.), причем от таких лиц как гимринец Исал Махамма – «родственник и ученик» имама Газимухаммада, как «прапорщик» Хайдарбек – «сподвижник» наиба Хаджимурада Хунзахского, как «аварец» Алихан – майор Дагестанского конного полка, как «лекарь» названного полка по имени Ниматулла-хаджи⁶ и т.д.

В дореволюционных русских брошюрах об эпохе Имамата и в объемистых исторических сочинениях – особенно в первых по времени из числа их, созданных до того, как сформированы были «общепризнанные» для Империи Александра III взгляды на Кавказскую войну – содержатся много ценного. Это и датировка тех или иных событий, имевших место на Кавказе XVIII – XIX вв., и четкое определение особенностей местного климата и ландшафта, – в связи с вопросом проложения стратегически важных дорог и продовольственного обеспечения имперских войск – и оценка таланта конкретных горских военачальников – на глаз опытного русского офицера, и т.д.

В наши дни, однако, появились писаки, – к сожалению, весьма популярные в кругах определенных этнокультурных групп, обитающих в пределах СНГ, – которые *изрыгают* о великих горцах XIX в. всяческие *гадости*. Одной из таких фигур является Мурад Аджи – выходец из Дагестана, «человек извест-

г.); Богуславский Л. История Апшеронского полка: 1700-1892. СПб., 1892. Т. I-II (переиздание: Махачкала, 1993. Т. I-II).

⁶ Окольникович Н.А. Перечень... С. 61, 268.

ный в тюркском мире»⁷. Вот что измышляет об имаме Шамиле этот «толкователь» многих эпизодов русской и всемирной истории⁸.

«Имам Шамиль... Кто он, герой или предатель? ...если смотреть объективно, это ..., Шамиль, открыл ворота Кавказа и пустил неприятеля в горы, это ... Шамиль расколол ряды защитников, ...это Шамиля русские отпускали уже пойманного... в его биографии много ясного и неясного. Был ли Шамиль мусульманином и когда им стал?... В Кавказской Албании суннитов не было, а католики среди аваров, к коим относился Шамиль, были... строго говоря, мюридизм вовсе не ислам, он очень далек от ислама, он даже не секта, а что-то еамодельное, примитивное... А не католики ли поднялись за Шамилем?... Бунт, который вынес Шамиля к вершинам власти, вспыхнул на земле Прикаспийской провинции Римской католической церкви... За что после победы над Кавказской Албанией русский царизм платил Шамилю пенсию? За что дал его детям огромное состояние, службу при императорском дворе? И почему архив английской разведки хранит личное дело Шамиля, где описана его вербовка?...

В Кавказской войне центром сопротивления и идеологии горцев были албанские монастыри. Не мюридизм. Церковь Тенгри сопротивлялась до последнего дыхания, ее и душили двумя руками агрессоры, потому что в ней видели оплот духа всего Кавказа... На Кавказ пришел мюридизм. Из Петербурга он шел. И из Лондона»⁹.

Наше, твердое авторское мнение относительно того, что пишет этот «географ», выступающий под псевдонимом «Мурад Аджи», о мюридизме и Шамиле, а также об истории России, Востока и Запада – вообще, – бред и ложь форменного идиота. Закрывать ему рот, однако, не стоит, чтобы видна была бы всем выдуманная им грязная блевотина.

После обретения Дагестаном автономии в составе РФ, полученной из рук И.В. Сталина¹⁰ – посланца большевистского Политбюро, началось на нашей земле постепенное изучение Кавказской войны, причем с опорой на научную методику, которая была в ходу среди западноевропейских и признанных российских исследователей; основное внимание уделялось, естественно, дагестанскому театру военных действий. Стоял во главе данного процесса, думается, Алибек Тахо-Годи из сел. Урахи – видный государственный деятель довоенно-

⁷ Мурад Аджи. Дыхание Армагеддона. М., 2006. С. 4.

⁸ Он же. Указ. соч. С. 21.

⁹ Там же. С. 202-204.

¹⁰ Об этом см. например, Троцкий Л. Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 28: 13. XI. 1920 г. «Сталин выступает с докладом в Дагестане на съезде народов Дагестана для декларации об автономии Дагестана».

го Дагестана, человек получивший прекрасное образование в имперскую эпоху. Ученик и главный продолжатель его благородного дела Магомедов Р.М. написал и опубликовал перед Отечественной войной обстоятельный труд об утверждении российской власти в Дагестане – поразительно насыщенный фактами и глубокий своими обобщениями, для того времени¹¹.

Печально знаменитая статья в «Правде» (1951 г.), вышедшая за подписью М.-Д. Багирова – на волне послевоенного шовинизма, отражавшая фактически тогдашнюю линию Политбюро ЦК, против которой не мог стоять ни один советский человек, нашла – это естественно! – отражение свое в кавказоведении¹². После довольно долгого ухода ученой мысли в чисто «политическое» направление – в форме ряда газетных статей и иных по виду публикаций о «плохом» Шамиле и о его «реакционности»¹³ и т.п. ситуация начинает меняться. Появляются, на волне развенчания Н.С. Хрущевым¹⁴ «культы личности», работы уже научного, можно сказать, характера. Они, правда, носили характер больше оценочный – в отношении личности Шамиля и его деяний, чем конкретно исследовательский.

Дагестанцы послевоенной эпохи не могли, понятно, быть не затронутыми названным выше, условно, «багировским» направлением в подходе к анализу многих моментов в истории горцев, к Кавказской войне, где одним из главных «теоретических» постулатов, была четкая привязка имама Шамиля к западной военно-политической агентуре, действовавшей тогда на Российском Кавказе. Апофеозом той сложной в жизни СССР эпохи – для науки о Дагестане Нового времени – стало появление в 1961 г. монографии Х.-М.О. Хашаева, – в довоенные годы видного государственного деятеля Дагестанской АССР, – посвященной развитию Дагестана в XIX в.¹⁵ В работе этой имеется объемистая глава

¹¹ Магомедов Расул. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1839; Он же. Указ. соч. Махачкала, 1991 (второе издание, вышедшее под грифом «Библиотека Фонда Шамиля»). Сюда же примыкает по своей научной позиции, и монография С.К. Бушуева: Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л. 1939.

¹² Об этом см. Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник русского исторического общества: Россия и Северный Кавказ. М., 2000. Т. 2. (150). С. 158, 159.

¹³ Полезной работой – с точки зрения науки, как общечеловеческого фактора – «багировских» времен является публикация подготовленная коллективом грузинских ученых, опиравшихся на архив наместников Кавказа, названная «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сборник документальных материалов / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953».

¹⁴ Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // История СССР. М., 1956. № 3; Бушуев С.К. О кавказском мюрдизме // История СССР. 1956. № 12; Он же. Мюрдизм на Кавказе. М., 1962.

¹⁵ Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

«Мюридизм в Дагестане», написанная, как мы понимаем, в то время, когда идти в открытую против озвученной позиции Политбюро ЦК КПСС, было невозможно. Это была объективная реалья той жизни, даже если члены последнего теперь, после XX съезда и разгрома сталинизма – совсем другие личности. Поэтому в содержании названной главы, имеющей отношение к проблеме Имамата, написанной Хашаевым, присутствует «марксистская» мысль, что Кавказская война, была «движением», имевшим исходным моментом своим борьбу угнетенных масс «против» дагестанских и иных северокавказских «феодалов». Со временем, однако, «превратилось» это движение «классового» характера «в национально-освободительную» борьбу кавказцев «против ... политики царизма». Имам Шамиль, подобно предыдущим имамам Кавказа, хотя и не сумел «дать» традиционно угнетенным слоям дагестанского и чеченского общества – рабам, крепостным, переселенцам из других аулов (*апарак*) и т.п. – «социального освобождения», но все равно, в «движении» XIX в., которым он «руководил», имелся «прогрессивный элемент». Выступал последний в виде борьбы дагестанцев, чеченцев и черкесов «против национально-колониального гнета»¹⁶. Вряд-ли стоит тут сомневаться, что столь *сложные* построения при толковании кавказских реалий 1-й – начала 2-й половины XIX в. могли возникнуть в чрезвычайно умной голове Х-М.О. Хашаева – человека, как рассказывают, очень доброго, любившего свой горный народ и желавшего защитить его героев, сражавшихся с мировой державой, – лишь в ту историческую эпоху, когда тотальный контроль со стороны КПСС, могущество данной партии была неоспоримой реальией.

Кавказоведы сумели, за последние 80 лет, создать длинный ряд ценных – основанных на довольно большом фактическом материале, отчасти не известном историкам имперской эпохи, – статей исследовательского характера, монографических исследований и, наконец, обобщающих трудов о Кавказской войне и сопутствовавших ей событиях. Среди этих работ, в которых были использованы, кстати, отдельные документы государства Имамат и некоторые арабоязычные нарративные тексты дагестанцев, упомянуть следует, прежде всего, труды: Н.И. Покровского, Н.А. Смирнова, А.Ф. Фадеева, Г.-А.Д. Даниялова, В.Г. Гаджиева, Х.Х. Рамазанова, Х-М. Ибрагимбейли, Г.Г. Гамзатова, А.М. Халилова, М.М. Блиева, Б.Х. Ортабаева, Ф.В. Тотоева, Б.И. Гаджиева, М. Гаммера, В.В. Дегоева, Ш.А. Гапурова, А.Р. Шихсаидова, М.Р. Гасанова, А.Х. Рамазанова, Ю.У. Дадаева, Я.З. Ахмадова, С.М. Хайбулаева, Д.М. Магомедова, Т.М. Айтберова, Хаджи Мурада Доного, Ш.М. Казиева, М.Б. Магомедова, М-Н.А.

¹⁶ Там же. С. 43-64.

Ибрагимова, Д.М. Шигабуудинова, М.М. Гасаналиева, А.М. Магомеддадаева и других¹⁷. Они внесли большой вклад в изучение многих важных проблем Кавказской войны, а также в трудоемкое дело поиска и последующего введения в научный оборот массы документов хранящихся в огромных по своему объему архивах России. Поработал кое-кто из них и за рубежом, а также в некоторых частных коллекциях, созданных, к примеру, потомками офицеров, служивших в XIX в. в рядах императорской армии России, и наследниками имперских дипломатов, которые работали на Западе.

После написания историками имперской эпохи (до 1917 г.) объемистых трудов о Кавказской войне, статей и брошюр о военно-политических предводителях кавказцев XIX в., в том числе о трех наших имамах и об отдельных наибах, а также после переосмысления – с позиций дагестанца – плеядой крупных советских ученых (к примеру, Магомедовым Р.М., Данияловым Г.Д., Хашаевым Х-М.О., Рамазановым Х.Х. и др.) того, что уже сделали первые, положительное развитие знания по обозначенной теме оказались как бы исчерпанными. Внешне выразилось это обстоятельство в том, что ряд научных якобы трудов о Кавказской войне обрел фактически вид простого пересказа, того, что было написано ранее. Опора на адаптированные тексты – на Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто и на других почтенных авторов, а не на разные по происхождению документы XIX в., приводит, в конце концов, к появлению в читающих кругах Дагестана и Чечни отвращения от *новых трудов* о Кавказской войне, ибо нет в последних ни новых фактов, ни разумных новых идей.

В разгар Перестройки, которая принесла демократию, и в первые постсоветские годы появились, довольно ценные публикации неизвестных ранее дагестанских источников. Речь идет о текстах, которые повествуют о Кавказской войне, написанных по-арабски во второй половине XIX в., а также *аджамом* – на тех или иных языках Дагестана¹⁸.

Огромным вкладом в дело изучения внутреннего строя Имамата и хода событий, имевших место в процессе Кавказской войны, представляют нам книги **Омарова Х.А.**, содержащие в себе переводы писем имама Шамиля и писем

¹⁷ Полные названия трудов, которые созданы, вышеперечисленными исследователями, приведены в монографии Дадаева Ю.У.: *Наибы и мудиры ...* С. 563-578.

¹⁸ Примером служить могут тут «Историко-биографические и исторические очерки», принадлежащие руке Хайдярбека Геничутлинского (Махачкала, 1992), «Хасаниласул къьиса. ГъазимухАмад-имам. Махачкала, 1992» (авар. яз.).

наибов Шамилю – своему командующему и главе государства¹⁹. Данная характеристика должна быть отнесена с полным правом и к труду Р.Ш. Шарафутдиновой²⁰, представительнице знаменитой на весь мир петербургской научной школы.

Среди *специалистов по переосмыслению* трудов предыдущих авторов (серьезных исследователей) – их *уточнению*, а сказать проще, по передвижению чужих фраз, – высказанных, к примеру, в царскую эпоху – при помощи компьютера, труды Х.А. Омарова и Шарафутдиновой Р.Ш., особого интереса, однако, не вызывают. Это – при всей их потенциальной ценности. Ведь работать над документами Имамата – государства кавказских горцев, извлекать из них по крупицам полезную информацию и анализировать ее затем при помощи сравнительно-сопоставительного метода в науке означает: заниматься делом, требующим огромной научно-поисковой, кропотливой научно-технической и, наконец, аналитической работы. А это ведь не всякому доступно, хитрой шельме делать здесь нечего!

Одним словом, значительная часть *аналитических* работ, имеющих, «обобщающий», как иногда говорят, «характер», написанных в последние годы на тему Кавказской войны – «на базе Потто» или в форме *переоценки* текстов Дубровина, причем, без опоры на местные источники, не имеет какой-либо научной ценности. Это несомненно, на фоне того, что было создано дореволюционными (ими лично, или же через своих сотрудников, проработаны были главные архивные собрания Российской империи и введены в научный оборот многие факты содержащиеся в них) и первыми советскими исследователями названной проблемы. Речь идет о таких могучих личностях как Покровский Н.И., Магомедов Р.М., Даниялов Г.-А.Д., Хашаев Х.-М.О., Гаджиев В.Г., Рамазанов Х.Х. и др. На том базисе, который представлен двенадцатью томами АКАК, причем с использованием ряда местных источников, не включенных в данное собрание, сделано ими очень многое. Их анализ и оценки допустимо корректировать, думается, лишь тогда, когда имеешь на руках солидную массу новых материалов дагестанского или западноевропейского происхождения.

Прежде всего, когда изучаешь внутреннее устройство Имамата и его военную жизнь, необходимо уделить повышенное внимание нарративным источникам. Это работы дагестанцев: Мухаммадтахира Карахского *Блеск дагестан-*

¹⁹ **Омаров Х.А.** 100 писем Шамиля. Махачкала. 1997; **Он же.** Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в.: хрестоматия по чтению, переводу и комментированию. Махачкала, 2002; **Он же.** Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. Махачкала, 2002.

²⁰ Арабоязычные письма эпохи Шамиля // Сост., перев., введен., коммент., примеч. и указ. Шарафутдиновой Р.Ш. М., 2001.

ских сабель в некоторых шамилевских битвах²¹; Хаджиали Чохского-Нахибашева *Сказание очевидца о Шамиле*²²; сейида Абдурахмана Казикумухского *Книга воспоминаний*²³; Хайдарбека Геничутлинского *Историко-биографические и исторические очерки*²⁴; Алкадари Г.-Э. *Асари Дагестан*²⁵; Халила из Ангида *Ал-Хабар*²⁶ и другие.

Перечисленные выше исследователи, представляющие собой старшее поколение ученых, погрузившихся в море дагестанской истории, понимали значимость дагестанского материала – для изучения почти всего круга научных вопросов, имеющих отношение к Кавказской войне. Поэтому те из них кто были, руководителями научно-педагогических коллективов, организовали – привлекая тут местных арабистов и оплачивая их труд, – сбор кавказских арабографических хроник, несущих информацию о событиях XIX в., а также документов мусульманского государства Имамат. В рамках такой-то вот работы и узнал Х.-М.О. Хашаев – скорее всего, от М.Г. Нурмагомедова, сотрудника ДНЦ РАН – о существовании арабоязычного сочинения об эпохе *газавата*, принадлежавшего руке Иманмухаммада Гигатлинского²⁷.

Дальше упоминания о существовании сочинения данного гигатлинца дело, однако, в советские годы не пошло. Увидеть его текст представителям русскоязычной науки, даже арабистам, не удавалось. Получалось же это так по той, вероятно, причине, что Нурмагомедов М.Г. – талантливая личность, добрейший и порядочнейший человек, хранитель поразительного (для второй половины XX в.) объема знаний о старом Дагестане и дагестанцах прошлых эпох – подчинился заветам хранителей рукописи о газавате. Дело в том, как выясняется, что Иманмухаммад Гигатлинский, написав свой удивительный по научной ценности труд об эпохе газавата, в начале 70-х гг. XIX в., стал опасаться за свое место – не последнее в западно-аварском обществе 2-й половины XIX в., за служебную карьеру в административной системе Дагестанской области Российской империи и за сильно зависевший от нее уровень материального благо-

²¹ Хроника Мухаммед Тахира аль-Карахи (О дагестанских войнах в период Шамиля) // Пер. с араб. А.М. Барабанова М.-Л., 1941; Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах // Комментированный перевод Айтберова Т.М. Махачкала, 1990, Ч. 1.

²² Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990.

²³ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. / Пер. Саидова М.-С. Д. Махачкала, 1997.

²⁴ Геничутлинский Х. Историко-биографические и исторические очерки / Пер. Айтберова Т.М., коммент. Гаджиева В.Г. Махачкала, 1992.

²⁵ Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан: исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929.

²⁶ Об этом сочинении знаем мы пока еще мало.

²⁷ Хашаев Х.-М. Общественный строй... С. 52.

состояния своей семьи. Он по всей видимости был, с одной стороны, напуган репрессиями, которыми завершилось восстание 1877 г., а с другой стороны – он верил, в 70-е годы XIX в., в долговременность существования имперской власти над Аваристаном, и действительно: последняя функционировала там до 1917 г. По этой-то причине и был пущен по Гигатлю и по соседним селениям слух, что в тексте Иманмухаммада содержатся-де исторические факты XIX в., которые могут подорвать гигатлинскую внутриобщинную прочность. Это – сообщения текста, что такой-то гигатлинец XIX в. убил якобы тайным образом такого-то своего земляка; что такая-то гигатлинская семья обрела свое благосостояние в результате того, якобы, что ее предок, живший в XIX в., украл богатства у семьи такого-то своего односельчанина; что в такой-то семье Гигатля, во 2-й половине XIX в., некоторые особы женского пола вели себя якобы неподобающим образом, а их родственники – мужчины закрывали, мол, на это глаза и т.д. Знакомство с арабской рукописью, автором которой признается Иманмухаммад Гигатлинский, причем в двух ее редакциях – являющихся авторскими экземплярами, показало, что ничего такого в тексте не имеется, возможно, причем, по той простой причине, что в Гигатле 2-й половины XIX в. названных преступлений и аморальных поступков просто не было.

«Сейд Мухаммад-хаджи Гигатлинский», скончавшийся в глубокой старости, в 1934/35 г., получил каким-то образом доступ к историческому сочинению Иманмухаммада Гигатлинского. Ознакомившись с содержанием последнего, этот сейид – человек исключительно начитанный – сделал, как видится, два вывода: а) часть тех событий, происходившие в XIX в., которые описывает Иманмухаммад Гигатлинский, является малоинтересной для мусульманского населения Дагестана, ибо они касаются лишь истории Цумады; б) другая часть событий XIX в., отмеченных в груде Иманмухаммада хорошо известна дагестанцам благодаря Мухаммадтахису Карахскому, а последнего считать следует автором якобы более авторитетным, ибо ход его работы контролировал имам Шамиль. По этим двум причинам сейид Мухаммад-хаджи, известный в Аваристане как «Ротолмухаммад» – автор аварских стихов и поэт религиозного содержания, и арабских сочинений религиозного содержания – решил создать сокращенную редакцию исторического труда Иманмухаммада Гигатлинского. Ротолмухаммад убрал тут малоинтересные, как он посчитал, сюжеты – имеющие отношение, практически, лишь к цумадинцам и их соседям – тиндинцам, и повторы, имеющие параллели в груде Мухаммадтахира Карахского. В результате появилась краткая редакция исторического сочинения Иманмухаммада Гигатлинского, перевод текста публикуется нами ниже.

Сочинение Иманмухаммада Гигатлинского доступно нам в трех списках, точнее – в их ксерокопиях. Первым попал в наши руки список – ксерокопия из библиотеки ныне покойного гимринца Рамазана-хаджи Газимагомедова, кадия Унцукульского района РД. Входит он в собрание различных, в том числе исторических по содержанию материалов, в числе которых преобладают ранее известные. Как выясняется из рукописных колофонов, которыми заканчивается почти все материалы, включенные в названный сборник, переписан был последний в 1974 г. Сделано это было рукой некоего «Мухаммедтахира Анчихского (Гланчхъ) – сына Шейхулислама». С этого, анчихского списка, который обозначен в нашей работе буквой «А», и был сделан ниже приводимый перевод исторического сочинения Иманмухаммада Гигатлинского – в его краткой редакции.

الحاج
ومضان بن غازي محمد
الكراوي

Позднее попал в наши руки список сочинения гигатлинца Иманмухаммада, который принадлежит руке араканца М.Г. Нурмагомедова. Последний, «Мухаммад – сын Нурмухаммада, сына Хаджиява Араканского (Харакан)», сообщает, что данное историческое сочинение, имеющее большую «ценность», которое и «создал великий ученый Иманмухаммад Гигатлинский (Хилал) – сына Кади, сына Кадиласул Мухаммада» переписал он, М.Г. Нурмагомедов, в 1369/1949 году. Имеется, при этом, собственноручная приписка названного араканца – к тексту сделанного им списка сочинения Иманмухаммада Гигат-

линского, в которой говорится, что опорой для М.Г. Нурмагомедова послужил тут текст, который был «написан рукой сейида Мухаммада-хаджи Гигатлинского». Там же указано, что названный потомок пророка, то есть гигатлинец Мухаммад-хаджи, «завершил написание» своей редакции текста Иманмухаммада в 1331/ 1912 г., кстати, в конце «декабря». Данный список имеет огласовки (аварские имена собственные и топонимы), но вспомогательные значки, которые должны облегчать понимание грамматически сложного текста – отсутствуют. Следует отметить здесь и такой еще момент – в ряде мест текста Иманмухаммада, по списку М.Г. Нурмагомедова, в его краткой редакции, имеются приписки на полях и пояснения арабских терминов и т.д. они являются, по нашему мнению, плодом творчества Нурмагомедова М.Г., кстати, хорошего знатока эпохи газавата – по версии, сложившейся на базе дагестанских преданий, сказаний и разнообразных письменных источников.

Нурмагомедовский список сочинения Иманмухаммада Гигатлинского – в краткой редакции Ротолмухаммада – обозначим мы здесь буквой «Б».

Третий (В) список текста краткой редакции сочинения Иманмухаммада, который попал в наши руки в самый последний момент, имеет приписку: «написано рукой Ротолмухаммада – гигатлинского Хусайнида, живущего в Агвали (*Агьвали*)». Почерк, которым сделана данная запись, говорящая о Ротолмухаммаде, отличается от каллиграфического, а поэтому лишенного индивидуальных черт почерка, которым написано сочинение Иманмухаммада.

Текст исторического сочинения огласован и снабжен пояснительными значками.

Различий между списками А и В мы не заметили.

Когда читаешь текст, вышедший из-под руки Иманмухаммада Гигатлинского, поражаешься уровню его знаний, прежде всего, в сфере лексики арабского языка, а также в сферах как история Востока, социальная философия, политология и т.д. Скажем уверенно, – после наших бесед с самыми прекрасными знатоками арабского языка, обитающими в пределах Дагестана, которые отлично овладев арабским языком в юные годы на дагестанской земле, затем проучились еще по несколько лет в ВУЗах арабских стран, на гуманитарных факультетах, – что, во-первых, без использования словаря, хотя бы в очень ограниченном масштабе, ни кто из природных россиян не сумеет прочесть и полностью понять текст Иманмухаммада. Во-вторых, среди представителей коренного населения РФ не найдется, как видится, арабиста который может сравниться с гигатлинцем XIX в., носившим имя Иманмухаммад – по уровню активного знания арабского языка. Имеет место это в сферах описания, к примеру,

ландшафта или человеческих чувств, что делается такими фразами, которых одинаковые по семантике понятия передаются различными по корню арабскими словами.

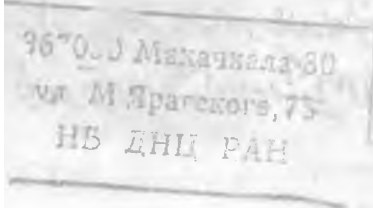
Важный момент здесь – достоверность информации, которая представленная в сочинении Иманмухаммада Гигатлинского. Для того, чтобы разобраться с этим, проведено было сопоставление информации, которую дает последний – житель горного Гигатля, с данными, архивных и мемуарных по своему характеру, русских, первую очередь, и дагестанских арабграфических источников. Работа эта, требовавшая внимательности и затраты значительных усилий нашла отражение свое в комментариях к тексту русского перевода сочинения Иманмухаммада. Она показала, причем, то, что Иманмухаммад, когда писал, например, о чеченцах и родственных им этносах, а также о другом, ничего не выдумывал от себя. Мало того, он фиксировал на бумаге, не все, что он где либо слышал, а лишь достоверную информацию о государстве Имамат и его структурах, которая отмечена, в том или ином виде, в донесениях российских шпионов и отражена в генеральских отчетах и докладных, а также – в независимых (по происхождению своему) от текста Иманмухаммада арабоязычных материалах.

Из этого вытекает, в свою очередь, не бесполезный для кавказоведения вывод. Суть его – мы имеем весьма большие основания доверять и тем словам и фразам Иманмухаммада Гигатлинского, которые не находят себе ясных параллелей в русском архивном материале. Касаются данные слова и отсутствия параллелей между текстом нашего гигатлинца, с одной стороны, и между текстами Мухаммадтахира Карахского, или Хайдарбека Геничутлинского – с другой. Одним словом – перу Иманмухаммада принадлежит ценный для кавказоведения источник, дающий много нового о государстве Имамат, особенно о событиях, которые происходили, в XIX в., в западных зонах последнего – в горной Чечне, например, в пределах Цумадинского района РД и на соседних территориях. Написан этот исторический источник, дающий при этом, информацию по северо-восточнокавказской топонимике и горской ономастике XIX в., на великолепном арабском языке.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

اعلم يا ابا الدية ارشدك الله الى دينه العظيم الذي ارادنا ان نغتنم وارفضه و
 فساد وقتك ونفس وعلمك وعيادك لم يجتمع اهلها قط تحت طاعة احد محمدين بكاتبه
 محوسب تحت رايه ورايته بل كان في كل قرية قبيد قورنساء كما يكون بالرسم
 المخالف للشرع الغراء ولم يكن لهم طواف للاعانة من الظلم المظالم به ولا
 من الاغنياء للفقراء والساكين ولا السبيل الى المشكاة وصل الى اهدى غير قرية
 فلو كان له اهدى من على اهدى غير قرية لا يورد به اليه الا ان ياتي اهدى من قرية من
 عليها اليه الى قرية من ليل الدين ويترك ليعود على مضيق ولما ارشد طريقه ويبلغ
 الى ما افد الا سبيلك يا فذ هذا الدين منه مثلا مكلف ويقول له انه له دينا على اذنة
 ربه لم فلان فيذ له صدقة الا اهدى الى قرية وخذ ترك مكلف مثلا في اذنه فيبت
 شكواه الى رسله قرية فيحضره من ذلك الدين وياعرفه ان ياتي بل لا تكمل الله
 اذنا بله نصيب ومطلب فلم يكن له مجال به ان يسترد المكلف باذنا ما عليه
 له الله او ياتي الله ليله الجمعة الى قرية مدينه ويترك على مصير العود في ذلك القرية
 على وجه الضيافة ويخص بساكنه الى ان يجتمع الجماعة المسجد الصلاة الجمعة في
 يدرك المسجد والجماعة في الصلاة فيربح في بيته المضيف ببعضها في الجماعة
 لمحمد فرغوا من الصلاة ولم يجدوا العالم يتفحصون عن ما يفتها فيقول ضيف
 اذني بتي فلانا من قرية فلانية وهو يقول انه له اذنة ربه لنا فله دينا فله
 اذنا نعالكم في ابر الجماعة على ذلك الرب الذي عليه له فقد استردوا السلام
 باذنا ما عليه ان كان مقرا والا فبضم وعواه وباهد لعائيه القاعدتين يصل
 المطالم الحق والام يكن في قره وانسان من سبيل المطالم عنده بل كانت

القرى

ПЕРЕВОД ТЕКСТА

Этот исторический труд создал великий ученый Имаммухамад Гигатлинский – сын Кади, сына Мухаммада, сына Кадилава (*Къадила-сул МухАммад*). Посвящен он тем событиям, которые имели место при имаме Шамиле (*Шамуил*).

В данном труде встречается такие тонкости и блески исторического характера, которые не найдешь ты ни в одном труде, посвященном предкам дагестанцев.

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного. Хвала Аллаху – Господу миров! Да будут благословение и мир над Его пророком Мухаммедом, над родом последнего и над всеми его сподвижниками!

Гигатлинская устная традиция именует названного ученого – в соответствии с законами аварской фонетики (?), – «Иманмухаммад».

Иманмухаммад
Гигатлинский
(с рис. XIX в.)

Горцы (XIX в.)

Некоторые неучи, происходящие с земель, лежащих к югу от Дербента, утверждают, – под влиянием отдельных политиканов, – что термин «Дагестан» создан де российскими администраторами XIX в.,

§ 1. О, мой брат по религии! – да направит тебя Аллах к своей прочной религии! – знай, что округа Дагестана (*Дагъистан*) были первоначально очагом для смуты, гниения, убийств, грабежей, нападений и упрямства. Все дагестанцы никогда не собирались в каком-либо месте для того, чтобы повиноваться одному какому-либо человеку. Они никогда не находились под защитой какого-либо объекта повиновения – под охраной взора и знамени человека, который был бы этого достоин. Напротив – были в каждом дагестанском селении те или иные предводители и судьи (*русам*), которые судили по нормам традиционного права (*расм*), противоречащего блистательному шариату.

У дагестанцев – далее, – не было мощи, чтобы помогать тем из числа их, в отношении кого применено было насилие тиранами. Они не могли также избавить бедняг и людей неимущих от давления, исходившего от богачей. Человек не имел тогда возможности, также, обратиться с жалобой на кого-либо,

причем в имперских целях. Это – ерунда, которую обсуждать бессмысленно. Территория, расположенная между Андийским хребтом и р. Самур, именовалась «страной (*вилаят*) Дагестан» уже в XV в.

Горцы (XIX в.)

Селения: **Гигатль**, **Тинди**, **Сильди** и **Гакко** – расположены в Цумадинском районе РД. Большинство жителей этой территории подчинялось и, кстати, платило подати ханам Аваристана.

Селение **Чадири** лежит в Шаройском районе Чеченской

кто не был бы его односельчанином.

К примеру, был у кого-либо из дагестанцев должник, не принадлежащий к числу односельчан, который не выплачивал свой долг. Тогда человек, давший ему что-либо в долг, поступал своеобразно. Он ждал: пока в его селение не придет кто-либо из сельчан должника и не остановится у своего *гостя*. Затем последний, то есть *гость*, провожал – через какое-то время – названного человека в обратный путь, и доводил, в конце концов, до того места, где допустимо брать *ишкиль*. Вот тут-то человек, давший ранее в долг нечто, брал что-либо у того, кто приходил в его селение, – к примеру, ружьё, – говоря ему, при этом: «Мне причитается долг с вашего человека, которого звать так-то».

Тот, с кого взяли *ишкиль*, шёл теперь в своё селение, оставив вещь свою – к примеру, ружьё – в руках у того, кто взял это. Придя домой, обращался он тут с жалобой к судьям, опиравшимся в своей работе на местное право, которые проживали то-

Республики (ниже ЧР). Жители его платили подать ханам Аваристана: ежегодно по 50 овец и по 3 годовалых барана (см. ФОД, С. 265).

Селение **Зубутль** (*Цюбокь*) лежало на левом берегу Сулака, выше Миатлинской ГЭС, т.е. в пределах Казбековского района РД; кумыки называли его *Зубут*. Зубутлинцы платили подать князьям Казаналиповым: с каждого дома давали им по одной корзинке винограда или же по 20 копеек серебром, а также – по одному барану с каждого 50 овец (см. Хашаев Х.М. С. 202).

Селения: **Унцукуль, Харачи, Бетль, «Белое селение»**, то

гда в его селении. Те же, в свою очередь, приводили к себе названного должника, из-за которого взят был *ишкиль*, и приказывали ему: принеси ружьё, которое взято из-за проступка (*таксир*), совершенного тобой, из-за волокиты, созданной тобой. Как результат, у человека такого, на котором лежал долг в пользу жителя другого селения, оставался один лишь выход, чтобы возвратить ружьё своему односельчанину, а именно – уплатить для этого долг свой тому, кто ранее дал его ему.

Поступали в таких случаях иногда, впрочем, и по-другому. В ночь на пятницу отправлялся человек, который дал кому-либо что-либо в качестве долга, в селение – то, где жил его должник. Там он садился перед таким человеком, со словами которого считались в обозначенном селении, и объявлял себя его *гостем*.

Сидел затем этот пришелец, в тайне от других, до тех пор, пока не собиралась сельская община (*джамаа*), чтобы совершить пятничную молитву. Тут входил он в мечеть –

есть **Кахабросу**, и **Балахани** – расположенны в Унцукульском районе РД. Жители их связаны были традиционно – в политическом, административном, судебном и экономическом планах – с шамхалами Тарковскими, а не с ханами, которые сидели в Хунзахе. Так, унцукульцы давали шамхалам ежегодно по $\frac{1}{2}$ маленькой мерки (*рати*) масла с каждого двора и 10 овец, но это уже со всей их общины. Харачинцы давали шамхалу, ежегодно по большой мерке (*кайл*) бобов – с каждого двора. Балаханцы – $\frac{1}{2}$ большой мерке пшеницы и $\frac{1}{2}$ маленькой мерки конопляного семени, ежегодно и, причем, с каждого двора. Нель-

это притом, что члены общины исполняли тогда молитву — и возвращался затем в дом того, кто оказывал ему гостеприимство, захватив с собой часть обуви, принадлежавшей общинникам.

Когда молитва заканчивалась и не находили тут общинники своей обуви, то начинали они расследовать: кто же это взял их обувь. Вот тут-то *гость* вышеназванного пришельца и говорил своим односельчанам: «В моём доме сидит такой-то человек, пришедший из такого-то селения». Он говорит, что такой-то наш человек должен ему нечто. Может быть, это он взял нашу обувь?».

Члены общины давали тут приказ тому мужчине, — на ком лежал долг, — чтобы возвратил бы он обувь их им, уплатив для этого то, что обязан он был тут сделать, если бы налицо было его признание.

Тяжбу, таким образом, — при отсутствии добровольного признания в своей обязанности уплатить долг, — прекращали дагестанцы согласно одному из двух упомянутых

зая, впрочем, умолчать здесь о том, что по мнению лиц, которые собирали (в 70-е гг. XVIII в.) разведывательную информацию для российского военного министерства, действуя тут под научным прикрытием, политическая ситуация в Унцукульской зоне была иной. Академик И.-А. Гильденштедт, к примеру, пишет что Унцукульский «округ», куда входят Харачи, Балахуни, Ашильта и др., «подвластен» хану Аварии, как и чародинский Мукратль (стр. 246).

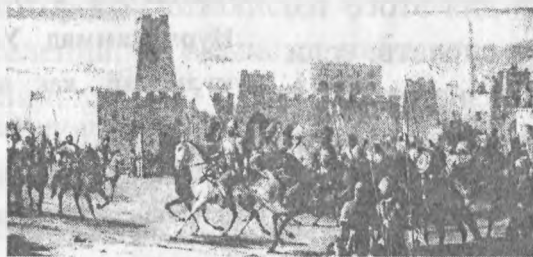
Нурмухаммад Унцукульский, как военный деятель начала XIX в., упоминается в российских источниках.

Сел. Карата распо-

выше порядков (*кайда*). Именно к ним прибегал обиженный, ради защиты своих прав. Что делать, однако, если в селениях Дагестана не окажется на тот момент человека, которому может пожаловаться обиженный?

Другая сторона вопроса: в Дагестане были тогда большие селения и даже целые города, жители которых творили насилия над жителями маленьких селений и хуторов, лежавших вокруг них. В них ведь распоряжались люди эти – так, как хотели!

§ 2. В прошлые времена проживали в дагестанских округах предводители (*цевехъан*), которые участвовали в священной войне. Имело место это до появления на арене истории имама Шамиля.

Выезд Уммахана из Хунзаха

ложено в Ахвахском районе РД. По русским разведывательным данным начала XIX в., каратинцы платили «ясак» ханам, которые сидели в Хунзахе, и слушались их.

Горский отряд (XIX в.)

Кеди – селение в Цумадинском районе РД. Жители его платили ежегодную подать ханам, которые сидели в Хунзахе.

Тиндинец **Мухаммад** – сын **Аличу** (авар. *Галичул МухАммад*; вар. *Галичулав* «Аличувич») упоминается в

Некоторые из тех предводителей русских и дагестанских (арабографических) источниках. Мало того, одни даже приняли участие в священной войне, делая это совместно с последним.

Возвращение из набега (XIX в.)

Сабля Кадиласул Мухаммада

Из обитателей нашего Западного края, к примеру, принадлежали к числу таковых предводителей: Кадиласул Мухаммад Гигатлинский (*Гьигьаль*); Аличул (*ГПаличу*) Мухаммад Тиндинский; Кихкка Цунтинский (*ЦПунтIа*), ряд сильдинцев — Ахмадхан, Мухаммад сын Али-

Этот Курбан из Карата зафиксирован в письменных материалах недагестанского происхождения.

Тушетия — территория, лежащая в верховьях Андийского Койсу, но в пределах Грузии. Часть тушинцев имеет в качестве родного языка особый диалект грузинского, а часть говорит на нахских, то есть чечено-ингушских диалектах, один из которых находится ныне в стадии вымирания. Тушинцы,

галбаца (*ГалигъалбацI*), его брат Султанахмад, Дамадан и Бийбулат; Нурмухаммад Гаккоевский (*Гъакъо*); Ххути Чадириинский. Имелись в пределах Западного края и другие лица указанного типа.

Были среди предводителей и такие личности, происходившие как из нашего края, так и из других мест, которые ушли из жизни — перейдя в места, расположенные по соседству с милостью Всевышнего Аллаха! — еще до прихода к нам эпохи Шамиля. Упомянуты могут быть в числе их: Бацилав (*БацIлав*), Зубутлинский (*Цобокъ//Зубут*); два унцукульца (*онсоколо*) — Усманиль Нурмухаммад и Чеэрав Хужа (*ЧегIерав ХIужа*); Ражбадин Харачинский (*ХарачIу*); далее, это Габаалилав (*ГъабагIалилав*) Бетлинский; Юсуп из Белого селения; Мусал Адалав (*Гадалав*) Балаханский; два каратинца (*кIкIаратIа*) — Курбан и его отец, которого звали Муса; Кушканти (*КIушкIантIу*) Кединский (*Къеди*). Были среди дагестанцев, наверное, и другие предводители.

хотя и составляли (в XVIII в.) часть гвардии царей Восточной Грузии, но платили, при этом, «ежегодную дань» ханам Аварии — по 10 мулов или 600 овец со всего участка (см. И.-А. Гильденштедт, стр. 177).

Под Грузией имеются здесь в виду равнинные территории с грузиноязычным (*картвели*) населением, прежде всего **Качетия**.

Аракань — селение в Унцукульском районе. Араканцы, являясь «войском ... и помощниками» шамхалов, платили им, как своим правителям, ежегодную подать — с каждого двора по две маленькие мерки вина и по одной такой же мерке уксуса, а со всей

Названные здесь великие предводители дагестанцев выросли на фехтовании и боксе. Это имело место на земле дагестанцев, в то время как другие дети – рожденные на их земле – росли, не выпуская изо рта грудь матери.

В стране неверных вели себя эти предводители, которых я упомянул выше, подобно свирепым хищникам. Поступали они там, – с тем, что видели, – словно бы львы или барсы, которые, будучи голодными, рвут свою добычу на куски.

Перечисленные предводители вели свою священную войну против неверных Тушетии (*Туш*) и Грузии (*Гурджистан*). У них были, при этом, отряды различной численности, которые формировались из дагестанских юношей. Мужчин, из числа неверных, которых встречали эти дагестанцы, зачастую они убивали, детей уводили в плен, а имущество подвергали разграблению. Дагестанцы, между прочим, увели тогда в *страну ислама* огромное количество овец, коней, иного скота и мулов. Не меньшее, наверное, коли-

своей общины – по 40 овец и по 20 ягнят.

Гимры – селение, стоящее близ Унцукуля. Гимринцы платили шамхалам ежегодную подать – в размере одной корзины винограда с каждого хозяйства.

Гоцатль – селение вблизи Хунзаха. В нем жили аристократические фамилии кумухского и, возможно, хунзахского корня.

Койсубулу – кумыкское название группы аварских селений, лежащих по берегам р. Койсу, в пределах Унцукульского района, которых считала хунзахская знать начала XIX в. подвластными (*ихтийар*) шамхалам Тарков-

чество женщин, мальчиков и взрослых мужей постигла та же участь – их увели. Но каков же был тут результат? Их тушино-грузинские **породы** (*таифа*), как оказалось, **смешались со свободными** дагестанскими родами (*кабила*) и, в конце концов, **растворились в них бесследно** – так, как соль растворяется в воде. Ныне же потомство тех пленников и [искони] свободные дагестанцы относятся друг к другу как родственники – как тесть к зятю, и наоборот.

Положение дагестанцев оставалось таковым, как мы упомянули здесь, вплоть до появления имама Газимухаммада Гимринского – обновителя шариата. После того как этот Газимухаммад пал смертью мученика, занял его место: в деле распространения шариата Хамзат-бек Гоцатлинский. Он стал действовать, причем, по всем основным направлениям. После же того как и Хамзат-бек погиб – правда, от рук негодяев из числа хунзахцев (*хунз*) – встал на его место Шамиль-гази. Он-то и показал себя величайшим

ским.

Деятельность этого араканца, носившего имя Саид, которого один из русских офицеров-историков назвал деликатно «любимцем А.П. Ермолова», отражена в многочисленных источниках, написанных по-русски и по-арабски.

Наиболее наблюдательные и проницательные русские люди характеризовали ситуацию в Аваристане начала XIX в., существовавшую до появления Газимухаммада-имама, так: мечети были в каждом селении, молились «хорошо», шариат имел «ограниченную силу», ибо применялся в сферах лишь семейного и наследственного права. Горцы «пили вино,

имамом.

Да помилует Всевышний Аллах названных здесь деятелей. Да принесет Он пользу нам – через благодать, которая идет от их прекрасных деяний!

§ 3. В 1242/1826-27 году распространились – по селениям Дагестана – вести о появлении в селении Гимры человека по имени Газимухаммад. Он, как говорили, притязает на звание шейха (*машиха*) и, одновременно, призывает людей следовать шариату. В сфере науки были у этого Газимухаммада позиции солидные. В искусстве предсказания будущего (*кашф*) он возвышался над другими. Нормы обычного права устранял он из жизни – то здесь, то там, – с успехом. Благочестивого мужа, мог отделить этот человек от плохого. Все это, в свою очередь, стучало по ушам людей. Каждое слово проникало внутрь их и, как результат, оказывало воздействие на сердца и умы. В итоге, начали посещать Газимухаммада различные группы. Познакомившись с ним, объявляли они о своём подчи-

женщины ходили без покрывал, молодежь кутила, волочилась и развратничала направо и налево».

По данным русских офицеров-историков, хорошо знавших Кавказ и источники по истории Кавказской войны, гимринец Газимухаммад уже в молодости собрал «сочинения разных дагестанских ученых» и принялся «за их» изучение, «многое пополняя» тут «собственными выводами и размышлениями». Какое-то время Газимухаммад учился у Саида Араканского, «который... был не прочь» вкушать некоторые из «удовольствий жизни», запрещенные «Кораном». Имевший место «недостаток на-

нении последнему, а затем возвращались назад.

После всего того совершил этот святой, по имени Газимухаммад, — да освятится его тайна! — обход койсубулинских (*хьиндалал*) селений. Тогда-то вот и пришел он в селение своего профессора (*устаз*) Саида Араканского (*Гьаракан*) — высокого столпа в сфере науки, где разлил по земле спиртные напитки, а также сжёг книги с записями норм традиционного права, которые находились в противоречии с шариатом. Он сместил адатных судей с их постов и, соответственно, назначил в Койсубулу кадиев для решения людских проблем.

Аракань (XIX в.)

учного образования», был «пополнен». Газимухаммадом «строгим размышлением» над возникающими проблемами. Ко времени «ссоры» с Саидом и ухода из сел. Аракань, Газимухаммад, как бы там ни было, «достиг» уже «той степени знаний, когда сам мог» он «поучать» других людей.

Яраг — заброшенное ныне лезгинское селение, находившееся на территории нынешнего Магарамкентского района. В этом населенном пункте, откуда видна ситуация на дороге «Куба — Дербент», проходящей по Прикаспию, жили потомки Сурхай-хана I. Пребывали они, причем, в статусе окружающих правителей.

*Араканский наиб
(Доногонол Магома)*

В каждом койсубулинском селении поставил Газимухаммад по одному деревянному предмету, типа креста. На них собрался он распинать людей, которые будут проявлять нерадивость в религиозных вопросах. Газимухаммад приказал также: мужчинам – повязать на голову себе чалму, а женщинам – носить покрывало и чадру (*никаб*). Он, далее, показал: как следует совершать *зикр*. При этом те, кто хотели, брали тогда у Газимухаммада Гимринского *вирды* накшбендийского *тариката*.

Этот Газимухаммад был, если

Цулда – селение в Чародинском районе РД.

Карах – северная часть Чародинского района. Карахцы считались традиционно «воинами» ханов Аварии, служащими им «за награды». Что же российских ученых, работавших в 70-е гг. XVIII в. под академическим прикрытием, то они писали, что Карах «подвластен Ауархану». Так думал, к примеру, И.-А. Гильденштедт.

Газимухаммад-имам, после своей гибели (XIX в.)

Деяния Газимухаммад-имам выглядят – в свете сообщений

сказать кратко, в числе величайших ученых своей эпохи. Он являлся одним из наиболее аскетичных и богобоязненных людей того времени. Тарикат принял он от святого шейха Мухаммада-эфенди Ярагского (*Ярагъ*) – наставника (*муршид*), которого называли *Ясная защита*. Да станет тайна его святой! Мало того, Газимухаммад, в своё время, женился на благородной дочери названного человека, который, как уже говорилось, считался тарикатским *муршидом*. После этого склонились, ещё больше, сердца людей к этому гимринцу, а число его последователей умножилось.

Что касается подвигов Газимухаммада, его достоинств, а также его военных походов, то все это упомянуто в историческом труде высокочтимого Мухаммадтахира Цулдинского (*Цулда*). Здесь нельзя не отметить, кстати, что этот выходец из Караха (*Къарахъ*) был крупнейшим ученым, – да помилует его всевышний Аллах! – носителем истин!

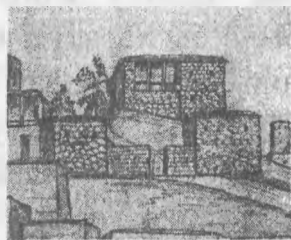
После мученической гибели

Мухаммадтахира Карахского, а также некоторых других, в том числе русских источников, – следующим образом: в 1824 г. Газимухаммад, этот «молчаливый голубь» (характеристика, данная ему Шамилем), прибыл в чеченское сел. **Майртуп** для оказания поддержки **Авко Герменчукскому**; летом 1825 г. Газимухаммад и Авко захватили штурмом русскую крепость **Амирхаджи-юрт** (в районе г. Гудермес), которую защищали пушки и 181 солдат; в 1828 г. Газимухаммад пришел в город «Чиркей» и установил там *шариат* – действуя в течение «примерно» месяца; в 1829 г. Газимухаммад посетил **Махдишамхала Тарковско-**

имама Газимухаммада, обновителя религии, – да станет тайна его святой! – встал на его место и принял за распространение шариата Хамзат Гоцатлинский. Он был великим храбрецом. События, которые имели отношение к этому Хамзату, и в том числе его мученическая смерть – известны. Они зафиксированы в упомянутом уже труде по истории, который создал карахец Мухаммад-тахир.

После мученической кончины храбреца Хамзата взял его дело в руки свои Шамиль, – да обретет святость тайна его! – особо верный *товарищ* названного гоцатлинца. Здесь же отмечу, что в историческом труде цулдинца Мухаммад-тахира упомянуты: краткая история того, как появился этот Шамиль и как пошли затем дела его, а также – его подвиги, военные походы и его храбрость. Показан там и его ответ на запросы времени – во всех, причем, ожиданиях. Что же касается меня, Имаммухаммада Гигатлинского, то на этих листах бумаги упомяну я – касаясь тут личности

го, который приглашал его к себе с 1827 г., и «грубо» сказал этому князю: «Вводи шариат в своем» округе; тот в ответ «размяк», испугавшись речей имама, и оказался в состоянии близком к тому, чтобы «намотить» себе «в штаны», но ради ислама так ничего и не сделал; в 1830 г., после посещения сел. Корода (Гунибский район РД), куда ездил Газимухаммад «искать правды» и методики установления «шариата» среди койсубулинцев, он прибыл «в селения

Гимры (XIX в.)

Каранай и Эрпели»

Шамиля, – кое о чем том, чем пре- небрег названный выше Мухаммад- тахир. Имеется в виду не отмечен- ное этим карахским установителем истин – в его труде по истории, но- сящем название *Блистание са- бель...*

Имаммухаммад красноречи- вый до предела ученый, современ- ник имама *Шамиля* – его *наиб*, хотя и был он таковым в течение лишь короткого промежутка времени. Это чудо своей эпохи, – сын Кади, сына Кадиласул Мухаммада Гигатлин- ского – упоминая *Шамиля*, расска- зывал в своем историческом труде следующее:

§ 4. Знай, что в селении Гимры жил человек по имени Деньга. Про- исходил он из рода свободных сельчан. Уровень хозяйства, кото- рое было у этого Деньги, можно было бы характеризовать, как сред- ний. Существовал он за счет труда своих рук, а потому не был ни бога- чом, – обладателем величия, славы и материального изобилия – ни бед- няком – человеком, испытывающим постоянно недостаток в чем-либо и

(Буйнакский район РД); там «арестовал» крикунов и смутьянов, а многих и «наказал» –

*Штурм Гимры
(XIX в.)*

согласно норме ша- риата, – палками, чем «дал им надлежащее воспитание»; после этого шариатское вой- ско, с Газимухамма- дом во главе, вступило в *Араканы*, откуда «профессор» Саид ус- пел убежать, а мест- ные жители, «трепеща перед» имамом, кото- рый «угрожал» им в случае неповиновения «сжечь их» обители, «выдали... аманатов»;

унижения. Положений своей религии этот Деньга – человек, который жил за счет того, что приобрели его руки, – держался, но границ в данном вопросе он не переходил.

У этого Деньги был сын* Мухаммад, который, в свою очередь, имел сына, именуемого Шамиль. Был последний – на фоне других мужчин – очень красив и обладал достойным, в глазах мужского пола, характером. *Внешние науки* усвоил этот Шамиль от крупнейших ученых того времени, которые были подобны морю, к примеру, от превосходного Саида Араканского, а также – от других ученых. После этого углубился в *отрасли* науки, а особенно в правоведение (*фикх*) и основы (*усул*). Как результат, стали для Шамиля красноречие и риторика как бы частью его природы: *«Если складывал он стих, то создавал жемчужное ожерелье, а если творил прозой, то как будто бы цветы рассыпал».*

Что касается скрытых наук, то к их усвоению будущий имам Шамиль, обратился позднее. Он познал

в том же 1830 г. Газимухаммад-имам был в *Унцукуль*, где «обошелся» с населением «мягко», к принятию норм «шариата» последнее он «расположил», хотя и сказал, при этом, что в случае возникновения бунта, имамская «шашка научит» их, то есть унцукульцев, «повиноваться» исламскому порядку; затем, в том же 1830 г., Газимухаммад прибыл в *Гумбет*, где наказал палкой мехельтинского кадия, который попытался было игнорировать «приказы» шариатского имама и его «запреты», после чего гумбетовцы «подчинились»; из Гумбета (в 1830 г.) Газимухаммад двинулся в направлении *Андийского участка*, где встретил бы-

их от святого Газимухаммада – имама, которого считали обновителем религии.

Шамиль встал на путь тариката. Со временем взошел он, причем, на ступень (*дараджа*) шейхства и стал, таким образом, одним из шейхов *накишбендийского тариката*. Шамиль овладел также, главное – в правильных формах, искусством проницательности и предсказания будущего (*кашф*), и обрёл, вследствие этого, редкую догадливость.

Шамиль стал, со временем, принимать участие в священной войне. Совместно со своим шейхом Газимухаммадом, – имамом, обновителем религии – совершил он военные походы и, как результат, получил известность в этой стране. Затем получилось так, что вкусил мученическую смерть упомянутый имам-обновитель, то есть Газимухаммад. В тот день проявились, причем, храбрость и благородство Шамиля, внешним отражением чего стал тот факт, что тело его оказалось покрытым ранами.

Позднее – после того, как Гази-

ло вооруженное сопротивление со стороны части местных жителей, которые, однако, были «побеждены» шариятским войском, потеряли «много» людей убитыми, после чего и «возвратились» по своим домам «покорными» власти имама, «смирненными» – приняв все, что «приказано» законами ислама и все то, «на что был заложен запрет» в авторитетных книгах; во 2-й половине февраля 1830 г. Газимухаммад-имам напал на **Хунзах**, во главе *койсубулинцев и гумбетовцев*, но был «разбит», вследствие чего «лицемеры» (*мунафик*) «обрадовались», а среди многих «других людей появились вялость и чувство униженности»; под

мухаммад стал мучеником за веру, а раны, которые получил тогда Шамиль, исцелились, последний устремился к имаму Хамзат-беку. Он начал теперь действовать совместно уже с ним и продолжалось это до тех пор, пока не потух огонь. Имеется в виду тот, который исходил от Хамзат-бека. Свет, который давал миру этот имам, был, таким образом, уничтожен.

Тут положение дел у нас изменилось. Дело в том, что прекращено было действие норм шариата, и это после того, как была проделана работа по укоренению их. Вновь начали действовать положения местного права (*русум урфийа*), которые были вроде бы уже уничтожены.

Шамиль, который был человеком удачливым и, что не маловажно, умел проводить дела свои тонко, задумался тут: *какими же путями можно возродить шариат?* Как сделать, чтобы шли дела в соответствии с последним? В конце концов, убедился он, что в данное время — после гибели имама Хамзата — единственной возможностью дос-

влиянием названной ситуации, а также «из-за коварства» известной Баху-бики, правительницы ханства Хунзахского, к Гимрам подошел — в конце мая 1830 г. — «в ночь курбан-байрама» отряд генерала Р.Ф. Розена (4 батальона знаменитой русской пехоты, 500 кавалеристов и 8 пушек, но по другим сведениям: 6 тыс. штыков пехоты, а также 23 пушки и мартыры), что дагестанцы оценили фразой: «на Газимухаммада напали русские», вследствие чего имам решил «выйти из гор» в предгорье, в Буйнакскую котловину, и взяться за «сооружение крепости Агач»; примерно в это же время, в мае 1830 г., Газимухаммад *напра-*

тичь желаемого и единственным путем к обретению цели является *опора на Коран* – взятие в руки Книги Аллаха, которого называют Славным. Необходим призыв людей следовать содержанию последней, для чего нужно повторять беспрестанно формулу единобожия и прославлять Его. Конкретным же средством: к осуществлению задуманного в глубинах души – *орудием*, которое позволило бы подобраться к тому, чего требуют обстоятельства, – *сделал тут Шамиль тарикат*.

Первым делом избрал для себя Шамиль – поэтому – уединение, а также самоотстранение: от всего того, к чему душа его испытывала любовь. Продолжалось же акцентирование на двух этих моментах до тех пор, пока не стали они оба для него как бы привычкой. Далее, подготовив себя к голоду, Шамиль теперь мало спал, полагая, что отоспится в могиле. Днем он постился, а ночью поэтому вставал. Лицо своё Шамиль намазал пылью, лоб свой как бы приклеил теперь к земле, а тело, как результат, – к костям.

вил в Чечню Абдуллу Ашильтинского. – для проведения там мобилизации среди местных мусульман, а осенью имам сам посетил те северокавказские территории;

в начале марта 1831 г. Газимухаммад-имам, имея меньше 150 воинов, приступил к возведению полуподземного оборонительного сооружения из толстых бревен (авар. *цӀулал галан*, кум. *агъач хъала*) в местности «Чумгескен», которое было бы способно противостоять русским пушкам; на названную крепость (из бревен), стоявшую в примерно в 17 км. от кумыкского сел. Казанище (Буйнакский район РД), где, кстати, командовал тогда «частью»

После всего того, однако, Шамиль приподнялся. Затем встал и начал призывать людей к повторению того, что делает он сам. Держа в руках – поднятых выше уровня плеч, – Коран, эту Книгу Аллаха, стал тут Шамиль произносить соответствующие поучения. Были они, причем, такими, что скалы от них размягчались, а твердые субстанции растекались – когда слышали их.

Тут стали приходить к Шамилю славные люди, с разных сторон – для оказания ему поддержки, а также те, кто терпел неприятности из-за поведения племен (*кабила*) и некоторых главарей. Они увидели, что характер у этого гимринца – благородный, что его поступки – похвальны, а общее положение у него столь хорошее, что у других такого никогда не бывает. Поэтому-то отмеченные славные люди, добровольно подчинившись, стали покорными последнему.

После своего возвращения назад, люди те, которые приходили к Шамилю ранее, – они тогда подчинились, кстати, его приказам и за-

мюридов Алисултан Унцукульский, напали Махди-шамхал и Ахмадхан Мехтулинский, но потерпели они «жесточайшее поражение»; в том же 1831 г. в Чумгенкенскую «деревянную» крепость, прибыл князь Ирази-бек Тарковский, что вызвало «усиление» антироссийских волнений «по всему» шамхальству, и теперь, как результат, «большинство населения равнины склонилось... на сторону Газимухаммада» и стало последнее подчиняться «его приказам»; в таких условиях, в апреле 1831 г., двинулись на Чумгенское укрепление мюридов русские (силой до батальона солдат, во главе с генералом Бековичем-

претам – обратились к источникам тариката, взявшись тут, однако, за канат шариата. На головы свои они повязали чалмы. В руках стали держать теперь длинные четки, громко произнося формулу единобожия и восхваляя Аллаха высокими головами. Города наши и селения украсились, в результате, возгласами тех, кто прославляли Всевышнего и напоминали людям – через чтение Корана, подобное пению – о содержании Книги Аллаха.

Из разных краев стали приходить к Шамилю уже другие люди. Прибывали к нему и целые делегации – так, как идет отец к своему сыну, который считался давно потерянным. Шамиль стал, в результате, человеком издающим для них приказы. Количество его *мюридов* умножилось, в результате чего, стало гимринцам тесно в своих домах и на улицах, где ставили они базы. Вот, что произошло из-за людей, которые появлялись тогда на гимринской территории: желая видеть Шамиля!

Мало того, жители селения

Черкасским – ?), но когда они дошли до местности «**Арюв терек**», напал на них (1 мая в 1831 г.) унцукулец Алисултан, рядом с которым сражалась тогда такая известная в горах личность, как «**дервиш**» **Нурмухаммад** из сел. **Инхо** (в Гумбетовском районе) и они – потеряв «двух» воинов из числа *мюридов*, – «нанесли русским», во главе с полковником **Мищенко**, «поражение»; осенью того же 1831 г. **Хамзат** **Гочатлинский**, «спросив разрешение» у Газимухаммад-имама, прибыл с большим войском в пределы аварязычного **Джара** (Азербайджан), где уже стояла тогда русская крепость; но видя, что, не взирая на

Гимры испугались бедствий, которые могли бы принести им русские (рус) армии, подобные тем, которыми поражены были они ранее, из-за действия святого имама Газимухаммада – обновителя религии. Тут начали гимринцы обращаться к Шамилю со своими жалобами, чем показали, что желают они того, чтобы ушли от них все те люди. Имам же, Шамиль, взял себе в пример тут слова произнесенные кем-то:

«Разрушь свои палатки, стоящие на земле, которая из-за них подвергается унижению. Сторонись, в то же время, состояния приниженности, потому, хотя бы, что эта приниженность и сама тебя сторонится».

А вот другое двестишьё:

«Когда появится в сих жилищах какой-либо недостаток, то уходи прочь, ибо даже сырая тряпка может вспыхнуть у себя на родине, как дрова!»

Говорят ещё так:

«Изучай историю тех, кто оставил в ней свой след.

И тут найдешь ты такие мыс-

«ожесточенное сражение», нет возможности «выжить», то есть вытеснить, русский гарнизон из той крепости, горские военачальники (Хамзат и Шихшабан Бохнодинский) решились на переговоры, во время которых, однако, их арестовали и вывезли в Тифлис; в том же 1831 г., к середине мая, русские роты стояли на Кафиркумухских «высотах», а 16-го мая Газимухаммад, покинув на время Чумгескен, подошел со своими воинами к Атлыбоюну (ныне Ленинкент), где его атаковал генерал Таубе; «атака» мюридской «позиции» ему, однако, «не удалась» и русские (около 3-х батальонов - ?) «принуждены были», после недельных боев

ли, которые заставят тебя забыть, то, что видишь ты ныне перед собой.

Ты увидишь великих людей прошлого, которые были сильно опечалены. О, сколько же сердец стало жертвой смуты, возникшей из-за бедствий, которые поразили мир!».

Выйдя из Гимр по обозначенным выше причинам, Шамиль направился в селение Ашилъта (Гаццилтла), куда пошел он вместе со своими домочадцами. Дело в том, что Ашилъта – место, где упокоился прах его матери. Позднее, однако, вынужден был Шамиль перебраться из данного пункта – вместе, причем, с названной группой людей, – в близлежащие леса и горные пещеры. Бедствия ведь прямо таки кружат вокруг решительных личностей!

В таком положении прошло некоторое время. Лицемеры называли уже Шамиля человеком порочным, смутьяном. Что же касается последнего, то написал он в данной ситуации письма. Произошло это тогда, когда узнал, что русские ар-

«отступить с потерей», которую дагестанцы расценили как «жесточайшее поражение»; к началу июня 1831 г. Газимухаммад-имам напал на сел. Параул, где «находились» тогда «сокровища» Махди-шамхала и его приближенных, а также их прочие «драгоценности», и, взяв «все» то, что «имелось там», доставил в Чумгескенскую крепость; после событий при Парауле подошел Газимухаммад-имам к Таркам, в июне 1831 г., и, заняв это селение, осадил крепость «Бурную» (4-х угольный «вал», сложенный «из камня», и приспособленный «к ружейной и артиллерийской обороне»), но был организован тут взрыв русского порохового

мии ищут его, что бегство является тут бесполезным, ибо не дает ему избавления от русских военных. С другой стороны - укрываться и бегать Шамилю надоело.

Испытывая неприятные чувства из-за утомления, а также отвращение к возникшим неприятностям, обратился, в конце концов, Шамиль к предводителям, вельможам и ученым. Были ими тогда предводители: Гумбета, Анди (*Гландал*), Хунзаха (*хунз*), Технуцала (*ТехИнуцал*), Салатавии (*Салату*), Чамалала (*Чамалал*), Багвалала, Тинди (*тИндал*), Караты (*кИкАлалал*), а также — других мест. В письменной форме попросил Шамиль тут помощи у этих могучих и дорогих ему людей — не для себя лично, а для дела, которое касается религии Господа миров. Были у него на сердце и иные моменты, нашедшие отражение свое в содержании просьб, обращенных к этим дагестанцам: к гумбетовцам, андийцам, хунзахцам, технуцальцам, салатавцам, чамалальцам, багвалальцам, тиндинцам и каратинцам. Изложено было все

погребая; вследствие этого погибло 1200 воинов имама и «в том числе около восьмидесяти чиркеевцев»; в бою, который случился при крепости Бурной — после вышеупомянутого взрыва

*Хунзах — замок ханов
Аваристана*

большого количества пороха, Газимухаммад принял личное участие; он «три раза бросался там в гущу русских», пришедших к Тарки из под **Карабудахента** (?), а когда один из «солдат» чуть было не пронзил имама своим «штыком», бросился вперед «храбрец **Нурмухаммад Зубутлинский**»,

это так, причем, что пожалел бы тут Шамиля даже заклятый враг, не говоря уже о братьях по религии – полных сострадания.

Когда были зачитаны перед упомянутыми лицами шамилевские послания, зашевелилась кожа, покрывавшая их тела, ибо существует связь в виде исламской нити, которая объединяет отдельных мусульман – подобно нити кровного родства. Связь, которая порождена религиозной утробой, подобна ведь той связи, что идет по линии внешнего, то есть расового (?), сходства и родovitости!

Вот тут-то и двинулись – из краев дальних и ближних – знатные лица и видные люди, представлявшие различные племена и кланы Дагестана. Так, например, из наших западных краев прибыли тогда, по зову Шамиля, следующие лица: Алибек – сын Хириясулава Хунзахского (*Авар*); Абдулла Ашильтинский – мулла (*имам*) койсубулинцев-хиндалальцев; кадий (?) Абдулла Кванадинский (*Квананда*) – человек, который был примером для

который «убил» того солдата своей «саблей».

Русский офицер-историк **Н.А. Окольничий** (с 1866 г. генерал-майор), окончивший в 1850 г. Императорскую Военную Академию и служивший: в штабе главнокомандующего гвардейскими и гренадерскими корпусами, а также в Генеральном Штабе Российской империи, дал интересную характеристику имаму Шамилю. Названный подмосковный дворянин, участвовавший в 50-х годах XIX в. «в делах против горцев», а с лета 1858 г. являвшийся «старшим адъютантом» в штабе «командующего войсками в Прикаспийском крае», писал, отражая мнение своих

горцев; Иманали Данухский (*Данухъ*) – человек, который был примером для гумбетовцев-бактлудальцев (*бакълъулал*); Нурали Арадерихский (*Гъарадерихъ*); два андийца – Лабазан и Газияв (*Гъазияв*); Мухаммадамин Харахинский (*Харахъи*); Абакар-дибир Аргванийский (*Аргъвани*); Хаджияв Ботлихский (*Болъихъ*); Галбац-дибир Каратинский; два гигатлинца – Кадила-сул Мухаммад и Хаджар-дибир; Аличул Мухаммад Тиндинский; Басханил Мухаммад Кванадинский. Были – в числе откликнувшихся тогда на зов Шамиля – и другие достойные личности, прибывшие из различных краев. Каждого из них, а также тех, кто поименно названы выше, сопровождали, при чем, близкие их *товарищи*.

Когда прибыли люди эти в селение Чирката (*Чиркъатла*), то услышали, что Шамиль находится, на данный момент, в узком месте Гимринского ущелья – там, где встречаются две реки. Поэтому были посланы ими в то место люди, чтобы привезти его.

коллег: Шамиль был «не столь религиозной», точнее – фанатичной (авт.), личностью, как Газимухаммад-имам; но был он, при этом, и «не столь опрометчивым» человеком, как Хамзат-имам. Шамиль, по мнению образованных офицеров-практиков, «превосходил» обоих своих предшественников «умом, настойчивостью», а главное «умением все делать кстати». Он был человеком озабоченным не только теорией, но и вопросами «практического» решения – того, что ранее задумано (стр. 94).

В лекциях, которые читались в военной академии, функционировавшей при Генштабе Российской империи, говорилось, что

Следующим утром был Шамиль привезен в Чиркату. Там встретили его знатные лица, видные и иные люди — с ликованием и весельем, с демонстрацией своей мощи, хорошего настроения и радости.

Когда подошел Шамиль к личностям, которые тогда собрались в Чиркате, то обнял он каждого из них, — да так еще, что уподоблялись они арабской лигатуре *алиф-лам* — что воспринято было теми с великим почтением. Затем, однако, они все же отошли от Шамиля, чтобы посоветоваться: как тут поступить им с этим гимринцем?

В конце концов, после проведенного между собой совета, сказали те знатные лица, видные люди и другие достойнейшие личности, прибывшие в Чиркату, следующее: «Искусный мастер не станет вырезать лютню прежде, чем покусает и пожует материал. Мы должны, поэтому, испытать Шамиля — посмотреть на его ум и на те меры, которые может он предпринять. Это должны мы сделать для того, чтобы

Шамиль соединял «в себе редкие дарования воина и администратора».

Русские офицеры также отмечали, что Шамиль, «будучи одарен от природы блестящими способностями и редкой силой воли», стал — по мере усвоения «наизусть» сур Корана, — выходить «из ряда людей обыкновенных». С течением времени, он, действуя на поприще тариката, — продолжая развитие своих духовных качеств, «научился распознавать» суть складывающихся «обстоятельств» и тайные мысли тех или иных «людей».

Речь идет, по-видимому, о таких горских лидерах 30-х годов XIX в., как Саид

знать: каким покажет себя Шамиль в ситуации мягкой, а каким — в жесткой; каким будет он тогда, когда налицо верность со стороны людей близких, а когда — измена; что увидим мы от Шамиля, когда будет присутствовать в обществе справедливость, а когда — произвол и высокомерие; каким он покажет себя, когда есть у него основание для гордости и каким тогда, когда окажется этот человек в положении бедственном. Надо нам представлять себе: будет ли он тогда по настоящему твёрдым? Мы должны также понять: принадлежит ли этот гимринец к небольшому числу тех, кому можно верить дела мусульман? или же он из тех, кого охватывает страсть к золоту и серебру, что не должно, теоретически, крутиться между ним — повелителем — и между правами людей, обиженных насильником? Учтите также, что в ходе испытания: либо проявляется превосходство мужчины, либо он оказывается внизу. Ведь победителя на скачках с большим призом показать может только бег его скакуна!

Игалинский, Газияв Каратинский, Кебедмухаммад Телеглинский и Абдурахман Карахский, а также об их сподвижниках.

Дагестанская историческая традиция XIX в. утверждала, что *мюрид* это не обязательно член суфийского ордена. Напротив, по-аварски, как и на некоторых других языках Дагестана, называли мюридами тех, кто признавал над собой «шариатскую» систему «управления» и «повиновался» имаму, «хотя бы внешне».

Как известно, после разгрома Розеном укрепленного лагеря имама Газимухаммада, возведенного последним в Гимрин-

Поэтому, если увидим мы, что Шамиль – тот человек, который может отдавать приказы, если окажемся мы довольны ревностным характером этого Шамиля, его верностью по отношению к близким и его опытностью, то вступим мы в договор с ним – о покровительстве (*зимма*) и, затем, приведем народы Дагестана в подчинение ему.

Если же Шамиль не справится с предложенным нами испытанием, то возвратимся мы в свои обители, а дело, за которое ныне взялись, оставим как совершенно напрасное.

Мы, давайте-ка, подождем поэтому до завтрашнего утра. Посмотрим: что там будет получаться у этого Шамиля».

Упомянутые выше личности: Алибек Хунзахский, Абдулла Ашильтинский, Абдулла Кванадинский, Иманали Данухский, Нурали Арадерихский, два андийца – Лабазан и Газияв, Мухаммадамин Хархинский, Абакар-дибир Аргванинский, Хаджияв Ботлихский, Галбацдибир Каратинский, два гигатлинца – Кадиласул Мухаммад и Хаджар-

ском ущелье, и гибели того в бою (29.X.1832 г.), «русские» войска *спокойно* «вступили в Гимры, не встретив» там со стороны гимринцев *никакого «сопротивления»*.

После победы мюридов над генералом Ланским, что произошло 27-го сентября 1834 г., напал на гимринцев большой *отряд унцукульцев*, которые принялись тут вырубать виноградники и сады, имевшиеся на левобережье Койсу. Мало того, они *привели* с собой несколько *снайперов*, чтобы те пристрелили бы Шамиля, который защищал от них мост через Койсу, действуя во главе 13-ти *воинотоварищей*. Прорваться на правобережье

дибир, Аличул Мухаммад Тиндинский и Басханиль Мухаммад Квандинский, которые прибыли тогда в Чиркату, ввели – следующим утром – Шамиля в свою среду и затем заговорили с ним. Сделали они это для того, чтобы познать: в чем заключается его внутренняя сущность, – отделив её для этого от внешнего вида. Они, таким образом, как бы допросили Шамиля, чтобы понять: каковым будет он тогда, когда окажется в трудном положении, в состоянии униженном. Они, далее, испытали Шамиля в следующих аспектах: смешивает ли он в ходе разговора, который сам и ведет, истину с ложью; далее, что соответствует, по мнению его, ответственному посту, который может он ныне занять, а что ему не соответствует?

Перечисленные личности, собравшиеся в Чиркате, обратились к Шамилю, в конце концов, со словами, которыми вроде бы связали его с появлявшейся в Дагестане смутой и с общим разложением. После того, однако, как проведено было данное испытание, они – в свете

этим унцукульцам, – их кстати «поносили» тогда мюриды Шамиля, – так и не удалось, а затем пришли ночью из Унцукуля влиятельные личности. Это были *братья* старшины Кебед-хаджиява и военачальника по имени Тахир, которые сказали: «все люди» настроены «против мюридов», в числе врагов Шамиля находятся *ругуджинцы*, которые ныне приближаются сюда, и Уллубий-карачи. Этого мало – «русские возвращаются» из-за Гимринского хребта. Названные люди, пришедшие тогда из Унцукуля были первыми, кто сказали Шамилю: «советуем» тебе и твоим приверженцам «перейти» на время «в какое-либо *труд-*

всего того, что было проведено ранее, – убедились, что Шамиль подобен великой горе, которую не пошевелят самые сильные ветры. В то же время, однако, подобен он и тихому морю, водную массу которого не могут пошевелить никакие бури.

Каждый раз, давая тот или иной ответ, Шамиль попадал прямо в точку. Речь его как бы плавилась скалы. Ненависти к людям он, действительно, не знал. Желания обманывать их не имел. Плохих черт человеческого характера Шамиль сторонился. Коварства и *лицемерия* в вопросах религии не признавал. Имела место и такая черта: ему не нравилось, когда пытался кто-либо полностью уравнивать и, как результат, унифицировать человеческие натуры.

Сердце Шамиля оказалось, одним словом, чистым. Намерения его и убеждения – правдивыми. Совершенная храбрость этого человека и его религиозность не могли вызвать подозрений – даже у тех, кто ненавидит окружающих. Знания Шами-

недоступное место». На это Шамиль ответил: *нет*, «мы закрепимся» в одном из замков, стоящих «в селении *Гимры*». Там «встретим» мы наших врагов – всякого, кто «приближается».

В ситуации осени 1834 г. захватили унцукульцы, хитростью, «большую часть... имущества» гимринцев – по причине того якобы, что претерпели они в эпоху имама Хамзата «ослабление» из-за действий Шамиля. *Спаслись* же тогда гимринцы от голода, *благодаря*, прежде всего, «начальнику *русских*» – тому, который находился тогда «в *Шуре*», то есть в современном Буйнакске. Им был *Клюки фон Клюгенау*, командир знаменитого Ап-

ля и его конкретные мероприятия расхождений, как оказалось, не имеют. Шамилевский ум и его святость (*вилайа*) – две равновеликие единицы.

Пройдя указанные здесь испытания, которые организовали ученые и предводители, собравшиеся в Чиркате, стал тут, однако, Шамиль говорить им: «Среди вас находятся мужи, которые более, чем я, подходят для того, чтобы отдавать приказы (*имара*). У них есть силы для проведения тех дел, которые связаны с имаматством (*имама*). Другая сторона вопроса – я не обладаю имуществом, которое может, в принципе, помочь человеку, а также не имею высокой степени, которая может склонить к себе людей. Далее, между мной, с одной стороны, и группой известных вам мусульман – с другой – произошел раскол. Для проведения дела, которое намечается, у меня нет, таким образом, каких-либо возможностей».

Шамиль сказал, далее, что есть у мусульман пословица, которую разносят по миру кавалеристы и пу-

шеронского полка, который вступил, таким образом, в приятельские отношения с жителями сел. Гимры. В числе последних были те, кто «имели право разрешать» землякам определенные акции или «запрещать» их. Все это, однако, привело к тому, что «испытала» душа Шамиля, с которым тогда особо не считались, настоящее «отвращение». У него пропала – по словам Мухаммад-тахира Карахского, – «симпатия» к своим односельчанам.

В скором времени, точнее – в 1835 г., из Ашильта пришли в *Гимры*, по просьбе Шамиля, 16 юношей, которые рано утром стали переправлять его семью на левый берег Аварского Кой-

тешественники: «Кого не исправило благородство, проявленное по отношению к нему, того исправит унижение». Тот, «кто ищет для себя места более высокого, чем предопределено ему свыше, испытает», — сказал Шамиль — «в конце концов, острую нужду и лишения». Поэтому, вы — собравшиеся здесь, в Чиркате — поручите-ка лучше решение дел, касающихся мусульман, кому-либо из вас или же назначьте тут какого-либо другого дагестанского ученого».

Здесь следует отметить, что среди перечисленных выше личностей, собравшихся тогда в Чиркате, имелись и такие, которые считали себя фигурами вполне подходящими для выполнения названного выше дела. Они, поэтому, подготовили себе помощников, которые должны были бы *подхватывать там стрелы*, то есть содействовать. [Под строкой основного текста сочинения сделана следующая приписка — А.Т., Д.Ю.]: «Рассказывают, что было тогда три личности, которые считали себя людьми подходящими

су. Покидая родное гнездо, Шамиль сказал: в этом селении не получается у меня «установить законы» мусульманской «религии», но я еще вернусь в Гимры, — подобно тому, как Пророк возвратился из Ясриба в Мекку, — хотя «крыша» моего гимринского дома и «изгажена» была недавно «солдатским калом». Сделаю я, Шамиль, это тогда, когда появится реальная возможность для «установления» здесь «законов» мусульманской «религии».

Согласно тексту Мухаммадтахира Карахского, «прожил» Шамиль — после того, как покинул он родные Гимры — в сел. **Ашильта**, насчитывавшем, кстати, около 500 домов, «около

для того дела, которое стал исполнять позднее Шамиль. Ими являлись такие фигуры, как ученый Абдулла Кванадинский, ученый Абдулла Ашильтинский и ученый Иманали Данухский. К каждому из них троих склонялись, при этом, симпатии части людей – особенно, из состава земляков. Аллах, однако, определил тут победителя на должность – в соответствии, причем, с пожеланиями большинства своих творений.

Написал это Хусайнид».

Вождь группировки, имевшей своих кандидатов, который обычно произносил речи от имени её членов, вышел тут, однако, вперед. Как бы отрезая и, таким образом, разрывая со своими прежними надеждами он и сказал: «Шамиль, сынок! Ты претерпел известные беды – в поисках утраченных дагестанцами религиозных положений, уже давно указанных Аллахом. Ты сделал это, однако, не просто так, а для того, чтобы вывести личность свою из фактического небытия и затем ввести ее в мир действительного существ-

двух лет».

В 1835–1837 годы происходили у Шамиля и его *товарищей*, которые сидели тогда в Ашильта, стычки с унцукульцами. В конце концов, он написал последним следующие слова: «Не касайтесь пальцами ваших рук задницы медведя. Он вас уничтожит».

Из текста Мухаммадтахира Карахского не видно, что Шамиль – под давлением *лицемеров*, – вынужден был уйти, в конце концов, из материнского селения Ашильта и скрываться в «ближайших» лесах и горных «пещерах».

Лицемерами называла дагестанская традиция (XIX – начало XX в.) тех коренных

вования». Далее сказал Шамилю тот вождь группировки, которая содержала в себе претендентов на лидерство: «Мы передали сейчас ремень власти тому, кто может затянуть его. Мы освободили, таким образом, пространство, существующее между усадьбой и её потенциальным строителем». О Шамиль! – продолжил отмеченный здесь вождь: «Да направит Аллах стрелу твоего взгляда прямо в цель благоразумия! Да откроет Он тебе ключами, несущими победу, все ворота, которые были закрыты!».

Затем вождь сказал Шамилю: «Мы здесь ставим тебя, вместо того, чтобы выдвигать кого-либо из нас, и, таким образом, уполномочиваем тебя на решение тех вопросов, которые находились ранее в нашей власти. Означает это – право нарушать существующие договора и заключать новые».

В заключение речи своей вождь отмеченной группировки, имевшей в своем составе прежних претендентов на власть, сказал Шамилю: «Есть здесь, однако, следующие ус-

дагестанцев, которые, оставаясь «истинными правоверными» - с точки зрения догматики и обрядов, либо «присоединялись» к русским (имеем в виду присоединение в военно-политическом аспекте), либо «убегали» на контролируемую последними территорию и «поселялись» там.

Русские XIX в. полагали, что внешний отход Шамиля от политики, углубление его «в чтение и толкование Корана», в посты и молитвы, а также рассылка им «своих проповедей» по общинам Дагестана – со «скромными» призывами к «исполнению законов шариата» - относятся к 1835 г. Текст Иманмухаммада

ловия:

В великие дела можешь ты вмешиваться только лишь после совета с нами;

ты не будешь нападать лично ни на кого из твоих подданных (*раийна*), ибо благородные люди такого обыкновения не имеют;

кровь мусульман, как людей, которые ориентируются на киблу, ты можешь проливать на основании только судебных решений (*хукума*), которые выносить будут благородные ученые, точнее – столпы науки из числа их.

Если станешь ты – о, Шамиль! – придерживаться всех этих условий, то окажешься в ряду людей благочестивых. Если же нет, то знай, что дом тирана обязательно развалится. Это произойдет, хотя бы и по прошествии какого-то промежутка времени!»

Так закончилась речь выступавшего, то есть вождя группировки. Надежды лиц, желавших верховенства, в конечном итоге, пресеклись. Им оставалось теперь одно – бродить по грязи и подпрыгивать.

Гигатлинского наводит, однако, на мысль все началось тут еще в 1834 г.

Гумбет – Мехельта и близлежащие селения, расположенные на горах, откуда выходило (конец XVIII в.) на поле боя 1500 «воинов». Жители Гумбета платили ханам Аварским ежегодно по одному ягненку – с каждого барановода – за использование горных пастбищ, а со всего Гумбета давали еще 100 овец.

Андия – места расселения «верхних» андийцев (в конце XVIII в. их было 800 «семей»), то есть Анди и близлежащие селения, откуда, кстати, выходил в Грузию (XVIII в.), совместно с соседними чеченцами-

Затем те люди, которые собрались тогда в Чирката, назвали Шамиля имамом, но дать ему присягу там, правда, не получилось. Дело в том, что в названном месте отсутствовали тогда ученые; имеются в виду такие, которых можно было бы уподобить морям знаний.

Затем эти люди выступали из Чиркаты и пошли, поставив впереди себя Шамиля. Впереди же его как бы шли два момента: помощь от Аллаха и поддержка с Его стороны!

Первым делом направлялись упомянутые выше лица – знатные и видные – в область (вилаят) именуемую Гумбет. Поступили они так лишь после того, как попросили предварительно разрешение на это у гумбетовцев. Сделан был такой шаг ими для того, чтобы не прервалась бы нить ислама при первом же рывке. Что же касается *лицемеров*, то они говорили тут: «Он, Всевышний (?), поручил это им. Он поручил это!»

Когда люди, во главе которых шел Шамиль, – выйдя из Чирката, – достигли, в конце концов, Аргвани,

чеберлоевцами, отряд в 1500 бойцов. Население данного участка входило, традиционно, в политическую систему Аварского ханства. Что же касается академика И.-А. Гильденштедта, то приведенная характеристика касается, по его мнению, лишь «некоторых сел», а большинство же андийцев «подвластно» князьям Аксая (стр. 250).

Технуцал – группа селений современного Ботлихского района РД, расположенных по берегам Койсу. Все технуцальцы, кстати, выходившие на войну с грузинами (XVIII в.) отрядом в 2000 бойцов, платили традиционную подать ханам, которые сидели в Хунзахе (см. ФОД.)

Салатавия – Чир-

то там оказали ему уважение. Ар-
гванийцы почтили тогда Шамиля
различными яствами. Они, таким
образом, оказали этому предводи-
телю соответствующее гостеприим-
ство.

Затем двинулись те люди к го-
роду (*балда*) Мехельта (*МелъелтIа*),
население которого приняло Шами-
ля с радостью. Мехельтинцев охва-
тило тут прямо-таки веселье. Из-за
того, что Шамиль остановился в их
городе, стали люди эти проявлять, в
конце концов, настоящее ликован-
ие, причем, величайшее.

После удаления Шамиля из
двух названных выше местечек,
проявили вдруг себя две людские
категории. Одна – принимала всту-
пление Шамиля в места их прожи-
вания и оказывала ему соответст-
вующий почет. Другая же – препят-
ствовала ему входить в их селения,
оправдываясь тем, что женщины
мол, а также дети, пугаются, когда
появляется перед ними большая
масса воинов – похожая на темную
тучу. Последнюю категорию со-
ставляли, причем, люди, которые

кей с его землями и
значительная часть
Казбековского района.
Салатавцы подчиня-
лись князьям Эндирея
и платили им ежегод-
ную подать (см. Ха-
шаев Х.-М., стр. 202).

*Джигитовка аульской
молодежи
(худ. Т.Горшельт)*

Чамалал – часть
селений цумадинского
левобережья Койсу,
ориентировавших на
сел. Гигатль, жители
которого собирали по-
дати с горных чечен-
цев, действуя по пору-
чению ханов Аварии.

Багвалал – часть
селений цумадинского
правобережья Койсу,
ориентировавших на
Хуштада.

держались тогда за шариат ну прямо таки зубами. Были же это, в первую очередь, андийцы и ботлихцы.

Начнем тут с андийцев. Они воспрепятствовали имаму Шамилю войти тогда в их город и встал он лагерем, поэтому, на Зилоской площадке. Что же касается жителей их *города*, известного как Анди, то они к тому времени уже расставили в названном месте – перед Шамилем и его войсками – столы с едой. Расположили они их, причем, в виде как бы круга, а утром прибыли к Шамилю уже андийские всадники, покрытые сверкающим оружием. Они, следует отметить, выразили тогда готовность выступить со своей территории туда, куда направится Шамиль.

Что касается жителей Ботлиха, то они, препятствуя Шамилю войти в их селение, проявили тогда – если можно так сказать, – настоящую чрезмерность. Они даже вознамерились было сражаться с последним и, как результат, произошла тут драка с применением палок и камней. Имела место она между этими бот-

Тинди – крупная община, которая располагалась в правобережной части Цумадинского района, игравшая заметную роль в политической жизни Закавказья XVIII – начала XIX вв.

*Вооруженный горец
(худ. Т. Горшельт)*

Карата – речь идет о Каратинском обществе, состоявшем из нескольких селений. По русским данным 30-х годов XIX в., население данного «общества» платило по-

лихцами, с одной стороны, и воинами имама Шамиля — с другой.

Когда течение дел, — возымевших место между двумя названными группами, то есть между ботлихцами и воинами Шамиля, — стало развиваться в сторону смуты (*фитна*), вмешаться пришлось ученым и большим людям. Они встали тогда между ними обоими, причем подняв свои шапки над головами, и, как результат, и добились заключения мира. Сделано было это на следующих условиях:

во-первых, имам Шамиль остановится сейчас, вместе, причем, со своими войсками, в местности Ачабата (*Глачабатла*);

во-вторых, ботлихцы дадут имаму Шамилю заложников — по одному человеку с каждого своего рода (*кабила*);

в третьих, ботлихцы будут кормить (*тарбийя*) войско Шамиля — делая это до тех пор, пока стоять будет он в местности Ачабата.

Что же касается Шамиля, то простоял он тогда в Ачабата целых три дня, а после этого направился в

земельный налог ханам, которые сидели в Хунзахе.

Как пишет Н.А. Окольничий, опиравшийся не только на русские, но и на многочисленные дагестанские, — письменные и устные — источники (стр. 61), заучил Шамиль уже в детстве, причем «наизусть», многие «изречения Корана». Следовательно, имел он объективные предпосылки к превращению своему в прекрасного стилиста — при письме на арабском языке. В данной связи нельзя не отметить, что известный еврейский кавказовед М. Гаммер охарактеризовал *обращение Шамиля к «воинам Дагестана»*, написанное в 1837 г.,

Каратинский округ.

Дойдя до Кванхидатлинского (Кванхидаль) моста, имам Шамиль посоветовался по определенным вопросам с Галбац-дибиром Каратинским – известным ученым и храбрецом. В результате же этого, то *усердие*, которое проявлял Шамиль ранее, сменилось – в округ каратинцев он теперь не пошел. Мало того, там, у Квахидатлинского моста, убил вдруг Шамиль одного ученого. Был им Джамал-дибир Харахинский.

После убийства последнего Шамиль повернул воинов своих назад и отправил в их обители. Сам же вернулся он тогда в свою обитель – в Чирката.

То, что произошло тогда между Шамилем и ботлихцами (*балъхал*), а также убийство им Джамал-дибира Харахинского, не обошлось без последствий. Люди стали говорить, правда между собой, что Шамиль нарушил здесь два условия из числа тех, которые были поставлены перед ним в селении Чирката.

Конечно, постановка условий и

как «шедевр ораторского искусства».

Этот *хунзахец* по имени Алибек упоминается в русских и дагестанских источниках.

Лабазана Андийского хорошо знают дагестанские источники XIX в.

Под термином *товарищ* (авар. *гьалмагъ*) – кстати, идет он, возможно из иранской историко-культурной традиции (срав. *рафик* у исмаилитов домонгольской эпохи) – подразумеваются в дагестанских текстах особые близкие сподвижники, дружинники.

Чирката – селение в Гумбетовском районе. В традиционный

принятие их имели свое место. Когда, однако, в аспектах управления народом и общего лидерства по отношению к нему, *ноги у имама Шамиля окрепли*, смотреть на то, что поставили ему в Чиркате – в качестве условий, он уже не стал. На последнее обстоятельство он не стал даже взор свой обращать – *Шамиль убивал теперь каждого, в ком замечены были малейшие элементы лицемерия или крошечное, хотя бы, отрицание шариатских решений*. А таких людей было весьма много!

Убивал Шамиль также и тех, на кого поступали сплетни от его наибов, которые сообщали, что *имярек выступает против него*, то есть *имама*, не подражает ему в своем поведении. *Наибы* нередко *измышляли*, при этом, что обозначенное *лицо* *делает все это* по той причине, что *на его личности* заметны *пятна богоотступничества (иртидад)* и *лицемерия*. Вот тут-то Шамиль и приказывал убивать жертву наибских сплетен, говоря: «Если тот муж таков, каковым его описывают, то убейте его». Проис-

Гумбет, оно, однако, не входило, находясь «под ведомством» шамхалов. С каждого чиркатинского двора получали последние по одной большой мерке «серы» ежегодно.

Это означает «крест-накрест».

Данная версия избрания суннитского имама Восточного Кавказа сильно отличается, как мы видим, от той, которая утвердилась в современной исторической литературе – на базе записок русских деятелей XIX в.

Как известно Шамиль принимал личное участие в походах Газимухаммада и Хамзата, и имел на теле многочисленные раны.

ходило же это по той, прежде всего, причине, что *покойный имам Шамиль* произносил устами своими лишь правдивые слова и излагал истину. Он также твердо *верил своим наибам* – Шамиль полагал, что *наибы*, по характеру своему *подобны ему*. Поэтому-то иногда и обманывал имама Шамиля подлый человек – из числа *наибов*, благородный же направлял его на верный путь.

Среди *наибов* Шамиля оказались, в конце концов, как благородные личности, так и подлые. Когда подлецы видели, что мирская жизнь обрела для кого-либо свою широту – человек стал красиво одеваться и ездить на хорошем коне, то начинали они распускать сплетни. Они *сообщали Шамилю* о том, что *такой-то человек*, чье благосостояние значительно улучшилось, *является лицемером и богоотступником*, хотя в нем ничего такого не было. Была тут лишь *наибская сплетня!* Шамиль же прислушивался к словам этих *наибов-сплетников*, а это, в свою очередь, позволяло последним убивать того или иного зажиточно-

Русские офицеры XIX в. считали, что даже молодой Шамиль «превосходил» Газимухаммада и Хамзата своим «умом».

По русской версии XIX в., имам Шамиль был сыном «бедного пастуха». Это, однако, сомнительно, ибо мать его принадлежала к княжескому роду кумухского корня и являлась дочерью видного военачальника, совершавшего походы в Закавказье.

Шамиль, находясь в плену, рассказывал русским, – согласно их записи, – что когда горцы стали «угovarивать» его принять на себя функции «имам», он «отказывался» вначале и тогда они «все вместе плакали». Наконец, однако

го человека – для того, чтобы захватить его имущество. Мало того, эти подлецы, облеченные званием наиба, губили, бывало, родню и даже детей такого человека, который, благодаря их сплетням, превращался – в глазах имама Шамиля – в лицемера и богоотступника.

Действия подлых наибо-сплетников оказались главной *причиной бегства* многих людей из своих селений и последующего перехода их к русским. Через этих беглецов, в свою очередь, обрели русские реальную мощь и, как результат, смогли войска их войти в самые тесные места дагестанских ущелий, а также подняться на вершины гор. Впрочем, однако, конец тех подлецов, которые собрали для себя имущество названным выше путем – через распространение в народе бед, оказался не хорошим. Ведь существует поговорка: *«Заставив плакать бедного трудягу – после бедствий своих, как же может радоваться приобретению тот, кто взял принадлежащее ему»*, то есть имущество.

«Шамиль согласился со своим избранием».

Кванада – старинное селение в Цумадинском районе.

Данух – селение в Гумбетовском районе. Жители его платили ханам Аварским ежегодную подать – мелким рогатым скотом.

Арадериx – селение в Гумбетовском районе, жители которого традиционно не считались частью Гумбета. Арадериxцы платили ежегодную подать ханам Аварским – голозерным ячменем (по 1-2 мерки с каждого хозяйства), овцами (с каждого барановода по одному барану и по 2 ягненка) и домотканым грубым сукном (по 2 шали-сугьур), а также *хвалченбухьи*

§ 6. О том, что произошло до начала боя за Аргвани и до того, как приступил Шамиль к подготовке Ахульго, чтобы могли бы там он и его последователи спокойно собрать силы для священной войны

Русские построили к тому времени крепости в следующих местах: в Унцукуле, в Моксохе (*Моксохъ*), в Цатанихе (*Цатанихъ*), в Балаханах (*Балахъуни*), в Зирани, в Гергебиле (*Хьаргаби*), в Ахальчи (*Пахьалчи*) и в Хунзахе (*Хунзахъ*). Тут-то вот и обратился ученый Галбац-дибир Каратинский за помощью к имаму Шамилю, а также – к предводителям, ученым и большим людям таких коллективов, как чамалинцы, багвалинцы и тиндинцы. Галбац-дибир, сказал им, при этом, что неверные встали лагерем на горе тукитинцев (*тлукIкIал*), с целью проникновения в округ, который именуют Ккур.

В данной связи выступили со своих мест, следует отметить, Кадиласул Мухаммад и ученый храбрец Хаджар-дибир Гигатлинский,

(на 54 куруша). См. ФОД. С. 262, 263.

Харахи – селение в Хунзахском районе. Жители его платили ежегодную подать ханам Аварии (по 264 мерки зерна, по барану с каждого барановода) и выполняли барщину – должны были развозить удобрения по полям хана на «своих ослах», а также чистить ханские конюшни и хлева).

Гергебель (XIX в.)

Аргвани – старинное селение в Гумбетовском районе. Расположено оно в стратегически важном месте, в той же зоне

причем вместе с теми, кто присоединились к ним обоим – из числа людей округа Чамалал. Выступили тогда же ещё и следующие лица: Микаил Гакваринский (*Гъаквари*), причем вместе с сопровождавшей его группой; Басханиль Мухаммад Квандинский, вместе с теми багвалинцами, которые обычно сопровождали его; Аличул Мухаммад Тиндинский – с теми людьми, из округа тиндинцев, которые обычно бывали вместе с ним.

Имам Шамиль с мюридами
(худ. Х. Мусаясул)

названного района, что и Данух. В нем жила аристократическая фамилия, пришедшая туда – как можно думать, – из Дарияльского ущелья.

Такие обвинения: в создании смуты на территории Дагестана и атмосферы морально-политического разложения, Шамиль получал – как известно, – неоднократно, особенно со стороны своих настоящих противников.

Под *Хусайнидом*, то есть потомком Хусайна ибн Али ибн Абу Талиба, подразумевается здесь *Ротлав Гигатлинский* – автор публикуемой редакции исторического текста, принадлежащего руке Иман-

Когда эти чамалинцы, гакваринцы, кванединцы и тиндинцы прибыли в ущелье, известное как Зоно, — в то, которое расположено между селениями Тукита и Карата, — то обнаружили они там имама Шамиля. Были вместе с последним, при Зоно, его *товарищи* и небольшое число койсубулинцев-хиндалальцев, и примерно столько же андийцев.

Они — те, кто пришли, а также те, кого нашли там, сидящими вместе с Шамилем, провели ту ночь в ущелье Зоно. Утром следующего дня вдруг показались на горах неверные. Последние, причем, направились тогда в сторону названного ущелья — к Зоно.

Упомянутые выше предводители — Кадиласул Мухаммад Гигатлинский, ученый храбрец Хаджардибир, Михаил Гакваринский, Басханиль Мухаммад Кванединский и Аличул Мухаммад Тиндинский — и их *последователи* соскочили тут со своих мест. Поступили эти люди так для того, чтобы оказать сопротивление показавшимся неверным.

мухаммада Гигатлинского.

Горские войны
(XIX в.)

В российских источниках, к примеру, в записке известного Прушановского, — кстати, пристава, который доставил много неприятных минут плененному имаму — говорится, что после убийства Хамзата Гочатлинского «многие» жители северо-восточного Кавказа «желали» занять его «место». Шансы, однако, «выше всех были» тогда у двух «соперников» на имамство — у Шамиля Гимринского и у Ташав-хаджия Энде-

Обе группировки – состоящие как из неверных, так и из вышеупомянутых предводителей и их людей, – среди последних были тогда чамалинцы, багвалинцы и тиндинцы – вступили тут в бой. Продолжался последний почти весь день, но в конце концов мусульмане ослабли. Оказывать сопротивление неверным оказались они тогда не в силах. Они, поэтому, словно птицы, разлетелись тут по разным сторонам.

Раздавленные и, как результат, отступающие, они возвращались с места боя назад. Сердца этих чамалинцев, а также багвалинцев, тиндинцев и других воинов, были поражены тогда страхом. Имело место это до такой, причем, степени, что ряд мужей – из числа тех, кто здесь упомянуты, – погиб не от оружия неверных, а вследствие прыжков своих с высоких скал, что есть вблизи ущелья Зоно.

Когда увидел имам Шамиль это поражение, нанесенное мусульманам, о котором уже сказано выше, когда узрел это великое несчастье, которое тогда поразило их, то он

реевского, причем «перевес» среди потенциальных выборщиков был-де «в начале» – как пишет А.Б. Закс, кавказовед первой половины XX в., – у последнего. Дело в том, что Ташав-хаджи, как пишет И. Гржеговский (XIX в.), «превосходил Шамиля в предприимчивости и твердости характера».

Согласно шариату, прежде чем будет дана «присяга» будущему суннитскому имаму, то есть военно-политическому и религиозному предводителю (народа той или иной территории), нужно чтобы его «признали» бы научные авторитеты из числа юристов. Под последними подразумеваются лица обладающие правом на

сильнейшим образом опечалился. Шамяля охватило тут великое уныние. Всю ночь провел он без сна – размышляя: каковым же, в конце концов, станет положение его дел, куда же оно повернется? Тут, наконец, наступило утро и тогда к Шамилю обратились видные личности из числа его воинов. Что же касается последнего, то организовал он для них в это время соответствующее заседание. Сам Шамиль, причем, сел тут среди этих личностей, словно бы он – один из них, а не имам, имея в этом дело опору для себя в следующих словах Ибн Хабиба ас-Согди:

«Если ты не можешь найти человека, который справедлив в оценке существующей истины, то оставь это дело и обратись к величайшему Господину – к той силе, которая удерживает небесный свод!

Подобно человеку, который держит в руках горячие угли, удержали в тот день дело религии: сын негра, а также те люди, которые имели решительные намере-

с собственное мнение, которых именуют на Востоке *муджтахидами*.

Известно, что в 1830 г. Газимухаммад-имам совершил – согласно дагестанской традиции, – крупный *поход* во главе войска, сформированного из мюридов. Предпринят он был по следующему направлению: Унцукульская зона // Гумбет // Андийская котловина, где ему пришлось выдержать «сражение», в результате которого андийцы стали «покорными, смиренными и послушными» // Хунзахское плато, где шариятское войско потерпело поражение от *лицемеров*.

Не исключено, что Шамиль, когда «на-

ния!»

Затем Шамиль сказал: «О, благородные ученые! О, великие предводители, входящие в число неучей!

Знайте, что полнейшая приверженность к этой религии, то есть к мусульманству, является обязанностью, но что важно — не для каких-то особых личностей. Это — обязанность, которая возложена на меня, Шамиля, на вас и на каждого мусульманина, который следует верному пути. Так говорит Книга Аллаха, который прославляем!

Эти неверные, которые нанесли вам поражение при Зоно, и принесли, таким образом, великое несчастье, не являются врагами только моими, то есть людьми, чьи поступки вас не касаются. Нет, эти неверные — враги для всех, то есть как для меня, так и для вас!

Мне наскучило ныне видеть: как вы тут убегаете, как кружитесь, как прячетесь, как закрываетесь чем-либо, как вы, наконец, вертитесь. Сегодня я призываю вас, поэтому, — именем Аллаха, — чтобы показали бы мне вы всю скрытую

звали» его выборщиками «имамом», хотя и без принесения необходимой «присяги», повторил (в 1835 г.?) поход Газимухаммада — в символических целях. Сделано было это для того, чтобы продемонстрировать горцам наличие у него духовной связи с первым суннитским имамом Кавказа. В русских источниках, однако, данная акция Шамиля, которую описывает Иманмухаммад Гигатлинский, отражения своего, кажется, не нашла.

Зило — селение в Андийской зоне Ботлихского района.

Ачабата — хутор в Ботлихской зоне.

Кванхидатль — се-

сущность; чтобы явили бы вы те тайны, которые скрываете в своих душах. О, братья по религии! Если предпочитаете вы покой – напряжению сил и последующей усталости, если вы избираете для себя сидение по домам – вместо того, чтобы быть обремененными священной войной и терпеть черствость людей в окружающем мире, то возвращайтесь вы – лучше – в свои обители. Я, же, Шамиль, буду сам хранить голову свою, в случае возникновения каких-либо неприятностей, и, таким образом, буду стараться сам: разрешить касающиеся меня вопросы. Делать это буду я до тех пор, причем, пока не уложат меня в могилу».

Тут заговорил каждый, – из числа тех чамалинцев, багвалинцев, тиндинцев, а также других людей, к кому обращался ранее Шамиль, – открывая, таким образом, то, что было у него на сердце. Он как бы высypал тут перед последним содержимое своих сердечных хурджинов.

Среди ученых, предводителей и

ление в Ботлихском районе, которое входило в состав Технуцала. Кванхидатлинцы платили ежегодную подать ханам, которые сидели в Хунзахе: 90 мерок соли.

Этот Джамал, происходивший из сел. *Харахи*, не известен (авторам данных строк) по каким – либо другим источникам. Впрочем, может быть, что он был племянником известного хабреца Али-хаджиява Харахинского (уб. в 1832 г., вместе с имамом Газимухаммадом, в Гимринском ущелье) – сына ученого Джамала, сына ученого Муртазаали Харахинского.

Как государственный деятель, как глава

простых воинов, которые тогда как бы раскрылись, оказались такие личности, которые желали мира с неверными. Имеется в виду заключение его при посредстве Ахмадхана – эмира, который сидел тогда в Хунзахе, то есть того, кто был предводителем русских во время наступления их при Зоно. Присутствовали на том заседании и такие субъекты, которые считали нужным для себя вступить в подчинение к этому Ахмадхану – так, как вступил ранее на данную позицию округ именуемый *Аваристан*. Были приверженцы, понятно, и иных точек зрения. В результате этого, в свою очередь, беседа, которую вели на том заседании, затянулась. Она стала уже просто таки долгой. Поэтому-то имам Шамиль и направился тут к Кадиласул Мухаммаду Гигатлинскому и сказал ему: «Мухаммад! Я вижу что ты молчишь, не производишь ни слова. Что скажешь ты в связи с обсуждаемым здесь вопросом?»

Кадиласул Мухаммад сказал тут следующее: «Шамиль, сын мой!

маленького народа, воюющего с мировой державой, поступал *Шамиль*, в 30-е годы XIX в., совершенно правильно – когда репрессировал своих политических противников, а также *крикунов, паникеров, изменников* и т.д.

Эти нападки на *наибов*, обвинения их в несправедливости, в том, что именно на них лежит невинная кровь тех или иных простых людей (подобные фразы есть в тексте чохца Хаджиали Нахибашазулава – начальника контрразведки Имамата: *наибы «из корыстных видов» нередко «приказывали умерщвлять людей»; они, при этом, уговорили Шамиля «не принимать «жалоб от*

Что могу я сказать перед лицом этих достойных мужей, в присутствии этих ученых, то есть людей, которые характеризуются народом как крупные лидеры. Я ведь человек безграмотный – наивный невежда.

Шамиль! Человек, находящийся внутри дома, знает лучше: что там происходит. Я же, Кадиласул Мухаммад, ведаю о той ситуации пребывая снаружи. Далее, слышал я из уст ученых, что нить ислама не рвется, хотя и может она стать – на тот или иной конкретный момент – тонкой. Далее, война – это быстрые отходы и нападения. Что же касается жизни, то она, не будем забывать, похожа на круговорот. Поэтому я думаю, что если вернемся мы на поле брани и, таким образом, появимся там вторично, то возвращение на битву – после того, как ранее, был ты разбит – поступок похвальный. Он, соответственно, самый что ни на есть достойный для мужчины. Могу я, Кадиласул Мухаммад, последовать здесь, впрочем, и иной позиции – той, которую излагают сейчас ученые, присутст-

ств» простолюдинов, в руках «у которых не будет бумаги от наива», с жалобой него действия), мы видим и в XX – начале XXI в. Как известно многие простачки – или же большие хитрецы! – пишут, что советские репрессии, как система, происходили-де по вине исключительно местных властей (в Дагестане *валят* тут многое *на Н.П. Самурского*), о действиях которых не знали ничего Политбюро и Совнарком.

Абдулла Ашильтинский упоминается как в русских, так и в северо-восточнокавказских письменных источниках.

Если тот или иной

вующие на данном заседании. Ум этих людей ведь наиболее высокий и, в то же время, наиболее совершенный!».

К Кадиласул Мухаммаду Гигатлинскому обратился тут с речью Махо Урадинский (*Гурада*), – человек надменный и во многом несправедливый. Заговорил он с ним, причем, грубо – так, по форме своей, что даже и упомянуть не прилично. Это заметил, однако, Хаджар-дибир, ученый муж своей эпохи. Сей достойный и заслуженный гигатлинец, видя грубую речь названного выше урадинца, обращенную к его близкому человеку – дряхлому старику, который уже угасал, совладать с собой не сумел.

Хаджар-дибир встал тут и, первым делом, обратился с грубыми словами к тому надменному урадинцу по имени Махо, которому, как видно, было незнакомо чувство справедливости. Затем повернулся этот Хаджар-дибир к имаму Шамилю и привел, как пример, следующий стих:

«Когда стеснит тебя положение

*наиб Имамата брался
за близких родственников
казненного лицемера,
то поступал он тут правильно.
Это – с точки зрения законов
управления государством,
которое воюет с могучей силой,
обладающей большой казной.*

Русские военные посылали разведчиков в горную часть Дагестана – под видом друзей того или иного влиятельного местного жителя, топографов, кровников и т.д. – еще в дошамилевскую эпоху. Поэтому знали они многое и без содействия названных «беглецов», покинувших территорию Имамата.

**Моксох, Цатаних,
Зирани** – селения в

ние дел, складывающееся в какой-то день, то верь ты только Единственному, то есть Аллаху. Будь уверен только в Нем – Уникальном и Высоком.

Держись ты за Пророка и тогда все думы уйдут прочь. Именно так бывает, когда держишься ты за Пророка!»

После этого прочел Хаджардибир Гигатлинский голосом, который распространялся, причем, максимально далеко, одну суру из Корана. Это были следующие слова всевышнего Аллаха: «Когда станут поступать в отношении тебя коварно, – те, кто не веруют в Аллаха, – стараясь: зарезать тебя или же убить тебя, или же изгнать тебя из дома, то учти, что они поступают тут коварно, но тогда и Аллах поступит с ними коварно. Аллах, может быть, ведь самым коварным!».

После произнесения всех этих слов, вышедших из уст Хаджардибира Гигатлинского, выпрямился Галбац-дибир, горделивейший из ученых той эпохи, и встал сбоку от Шамиля. Так поступила названная

Унцукульском районе.

Ахальчи – селение в Хунзахском районе. Ханский двор относил его к числу «узденских деревень Аварского ханства».

Это строительство русских крепостей в горах имело место в конце лета – начале осени 1837 года, но продолжалось оно, по видимому, и в последующее время.

Дело здесь в том, видимо, что в августе 1837 г. русские войска, обосновавшиеся в Хунзахе, подобрались – как сообщает Н.А. Окольникович, – «даже к неприступной Карате». У их командира, **К.К. Фезе**, было, причем, намерение идти дальше – «в самую

личность – человек из Карата, которого считали самым превосходным всадником тех времен, – не просто так. Он сделал данный шаг для того, чтобы показать имаму – в данной ситуации – свою поддержку.

Затем повернулся этот каратинец к имаму Шамилю и привел, в качестве примера, следующие слова:

«Ты не печалься из-за дум, которые в твоём сердце. Спи всегда со спокойной душой.»*

Между тем моментом, когда глаза закрыты, и тем, когда они внимательно смотрят, стоит ведь только лишь промежуток времени, хотя и необязательно короткий, в течение которого возникают те или иные ситуации».*

Затем прочел Галбац-дибир следующий аят Корана: «Не слабейте и вас без помощи не оставят, ибо вы – люди наивысшего сорта!».

После этого начали они двое, Хаджар-дибир и Галбац-дибир, провозглашать, причем, как бы одним языком: «Неверным и их помощникам-лицемерам, да не помо-

глубь гор, для открытия сообщений с Кахетией», сделав это через Главный Кавказский хребет (стр. 98, 99).

Тукита – селение в Ахвахском районе. Жители его платили подать ханам, которые сидели в Хунзахе: с каждого хозяйства давали им по мерке голозерного ячменя, по овце и по ягненку (см. ФОД. С. 265).

Ккур (*Кур?*) – это, может быть, каратинцы.

Гаквари – селение в Цумадинском районе.

Зоно – местность (точнее – *ущелье*), находящаяся на территории Ахвахского района и как бы разде-

жет всевышний Аллах и опозорит Он их, дадим мы только одно – вот эти сабли!» Названные два лица, – присутствовавшие на данном заседании, – гигатлинец и каратинец, восклицали, при этом: «Мы заставим их вкусить это через смерть – вместо пищи!».

Имам Шамиль тут улыбнулся. Затем, засмеявшись, открыл он рот свой до самых коренных зубов и сказал: «Как же похожи вы оба на две счастливые звезды, что появились на небе в день битвы, которая проходила при Окопе!».

После всего этого развернул Шамиль ход заседания, *крутанув* – как говорится, – *мельничный камень*. Сделал он это, причем, в полном соответствии с тем направлением, которое обозначили словами своими два названных лица. Имеются в виду Хаджар-дибир Гигатлинский и Галбац-дибир Каратинский.

Как результат, они – имам Шамиль, ученые мужи и предводители, которые находились тогда при Зоно, – приняли тут решение (*ака-*

ляющая Карату и Ахвах.

Речь идет о событиях 1837 г., описанных в различных российских источниках, во время которых возглавлял русских солдат К.К. Фезе – имперский генерал, имевший швейцарское происхождение.

Речь идет о члене знатной фамилии, дававшей ханов Мехтуле (Дженгутай // Охли и т.д.), которая была ответвлением рода ханов Хунзаха.

Мехтулинца *Ахмадхана*, уже имевшего в Хунзахе «многочисленную партию» сторонников, *привел* туда *русский* военный отряд, а другой отряд русских (более 5 тыс.

да): вступить вторично на стезю оказания сопротивления неверным, среди которых находился тогда, кстати, вышеупомянутый Ахмадхан – эмир, который сидел в Хунзахе. Решили на том заседании также и то, что недопустимо больше бегать от неверных – тех, которые подошли к ущелью. Поворачивать к ним спины свои можно будет только там, где разрешено это Аллахом.

Тем временем вступила названная часть неверных, среди которых находился тогда эмир Ахмадхан, в отдельные селения. Были это такие, конкретно, как: Тукита, Местерух (*Местерухъ*), Ингердах (*Ингердахъ*), Рацитль (*Рацитль*) и Цолода (*Цолода*), которые входят в округ, именуемый Аваристан. С жителей их взяли неверные, причем, *аманатов*, которых направили они в Хунзах.

Неверные, среди которых находился эмир Ахмадхан, пришедшие тогда в указанную часть Аваристана, встали затем лагерем на одной горе. Это – та, конкретно, которая как бы смотрит в сторону хуто-

чел.) закрепил там его позиции.

Урада – селение на Гидатлинском участке Шамильского района.

Местерух, Ингердах и Цолода – расположенные поблизости друг от друга селения, находящиеся на территории Ахвахского района. Жители их, выходившие на войну с грузинами отрядом в 1500 бойцов, платили ежегодную подать ханам Аварии.

Рацитль – небольшой населенный пункт в Ахвахском районе.

Опирающийся на многочисленные российские источники, авторитетный изра-

ра Ачикоро, входящего в Каратинский округ. Вскоре, однако, вознамерились они зайти туда, то есть на названный здесь хутор, лежащий, кстати, в глубоком и тесном ущелье, между высоких краев последнего. Края эти, причем, соответствовали: солнечной стороне – один и теневой стороне – другой, который располагался, между прочим, несколько ниже первого.

Что касается имама Шамиля, то он прибыл тогда, вместе со своими воинами, на вершину края солнечной стороны отмеченного выше ущелья, в котором лежал хутор Ачикоро. Сделал он это, причем, раньше, чем успели зашевелиться неверные, которые находились в своём лагере, вместе с эмиром Ахмадханом. *Глашатай имама* закричал тут, что сегодня пойдут в бой не все воины, а только сам Шамиль и его *товарищи*. Допущены будут также и те, – кричал тот глашатай – кто не участвовали в вышеупомянутом сражении, которое произошло ранее в ущелье Зоно и закончилось для мусульман пора-

ильский кавказовед М. Гаммер отмечает, что в конце лета – начале осени 1837 г. «усмирят» генерал Фезе «аварские селения, не признавшие власть» ставленника России Ахмадхана Мехтулинского (стр. 137).

Ачикоро – расположен на территории Ахвахского района.

Хварши – община, состоявшая из нескольких населенных пунктов правобережья Андийского Койсу, которая входила в состав княжества Ун-кратль; территория Цумадинского района.

Аманат – персидский термин арабского происхождения, имевший значение «залог; заложник».

жением.

Но вот настал момент. Обе стороны, нацелившиеся на бой, сдвинулись со своих мест. Русские начали спускаться к упомянутому выше поселению, именуемому Ачикоро, которое находилось – по отношению к ним, – внизу, двигаясь тут по теневой стороне ущелья. Что же касается имама Шамиля, то он, причем, вместе со своими людьми, двинулся туда, – опять же сверху вниз, – но с уже солнечной стороны последнего.

Я, ученый-историк Имаммухаммад, упомяну теперь о том, что сообщил сам имам Шамиль, – причем в качестве как бы анекдота, – когда был он ещё жив.

Мы спускались по солнечной стороне ущелья, – того, в нижней части которого стоит хутор Ачикоро, – делая это с напряжением наших тел, ибо дорога была тяжелой и, соответственно, ноги у нас скользили. Одни из нас, по данной причине, двигались – как рассказывал покойный имам, да поместит его Аллах в райских пущах! – на двух

Муджтахид – авторитетный знаток теологии и мусульманского права, имеющие право, в суннизме, «составлять юридические заключения», то есть *фетвы*, но лишь «по отдельным казусам».

Согласно теории, разработанной Маварди (X–XI вв.), которая изложена по-русски И.П. Петрушевским, халиф обязан лично «исполнять обязанности имама», то есть председателя, руководящего молитвой «в пятничной мечети», стоящей на тот момент в пределах его «резиденции».

Теоретик Маварди считал, что халиф, то есть правитель му-

своих, другие – на четвереньках, а третьи – ползком. Тут чья-то сильная рука вдруг схватила меня сзади за плечо. Я, Шамиль, повернулся и увидел кого-то высокого черного мужчину: с лицом, на котором выделялась высокая переносица. Глаза его тогда горели, словно метеориты. Мужчина этот говорит мне: «Эй, гимринец! Ты думаешь, наверное, что мы юнцы. Когда тебе хочется, ты запрещаешь нам сражаться. Когда же тебе вдруг захочется, то будешь ты приказывать нам делать это–? В день поражения, которое потерпело наше войско при Зоно, был я одним из участников той битвы с русскими. А вот сегодня – не взирая на твой запрет, – я в сражение вступаю и делаю это вместе с вами! Я сейчас просто-напросто проникаю в него!». Затем тот мужчина бросился вниз, подобно рысаку – прыгая тут, словно он горный козел.

Я, имам Шамиль, сказал людям, которые ходили тогда вокруг меня: «Кто этот мужчина?» Они ответили: «Да это же известный предводи-

сультманской империи, должен «происходить» обязательно «из» мекканского «племени» *корейш*. Это авторитетное мнение «отвергает», однако, другой знаменитый теоретик *Ибн Халдун* (XIV – начало XV в.).

Хадис – рассказ о жизни Пророка.

Шариат, для которого служит *базисом* прежде всего *Коран*, признает «распятие на кресте» - в качестве формы наказания. Применяется оно по отношению к мусульманам, но не ко всем, а лишь *восстающим против государственности*, построенной на основе *исламских норм*.

тель, Аличул Мухаммад Тиндинский». На это имам Шамиль сказал: «Я никогда не завидовал ничему так, как позавидовал сегодня умению Аличул Мухаммада, а также — его храбрости и совершенству, проявленными в тот день в бою!». После этих слов, кстати, Аличул Мухаммад даже как бы выпрямился. Также, примерно, воздействовали данные слова и на остальных воинов, которые выступили в тот день против неверных.

В конце концов, вошли в названное выше поселение, то есть в Ачикоро, две вооруженные силы. С верхней стороны вступили туда неверные, а с нижней стороны вступили мы. Сошлись эти две группы в середине поселения, именуемого Ачикоро, и, как результат, разгорелось тут сражение между ними. Мужики наши стояли крепко против русских штыков и сабель, и так продолжалось это в течение определенного времени.

Проклятый эмир, известный как Ахмадхан Хунзахский (Авари), предводитель тех неверных, кричал

Мусульманские ученые XIII–XV вв. признавали законным правителем того приверженца ислама, кто, опираясь на *шариат*, избавил от смут и иных бедствий мусульманскую общину, которая не получала реальной защиты от халифа — главы мусульманской империи.

Маварди, автор (X–XI вв.) труда «по суннитскому государственному праву», считает, что шариатский правитель обязан «лично наблюдать за государственными делами и проверять состояние органов управления».

Казнить приверженцев ислама мусульманский правитель право имеет, но

тогда издалека: «Атакуйте мусульман! Не отступайте! Не поворачивайтесь к ним своими спинами!» Что же касается меня, имама, то я тут ответил ему: «Людьми этими сегодня управляю я, Шамиль! Я же сегодня руковожу и данной битвой. Считаешь ли ты, – о, эмир Ахмадхан! – что день сегодняшней похож на день вчерашней, когда разбили вы нас при Зоно? Разве не исчезает звезда при восходе солнца –?».

Неверные, предводителем которых был тогда Ахмадхан Хунзахский, ослабли вскоре. Терпение у них пропало. Они, в конце концов, побежали назад. Но разве может быть бегство полезным –?

Что касается мусульман – чамалинцев, багвалинцев, тиндинцев, койсубулинцев и андийцев, а также *товарищей* имама Шамиля, – то разожгли они позади неверных, что были в той части Каратинского округа вместе с Ахмадханом, настоящий пожар. В результате, смогли последние выскользнуть оттуда, но лишь бросив своих убитых.

Они лежали тогда на всех там

лишь: тех *мусульман*, которые «отказываются исполнять требования шариата» и в том числе, например, «повиноваться» ему; далее – *вероотступников*; далее – *убийц*, совершивших свои преступления умышленно, но делает это правитель лишь по просьбе пострадавшей стороны.

Омейяды правили с 661 г. по 750 г. При них присоединены были к Халифату огромные территории – расположенные в Азии, Африке и Европе. В Омейядскую эпоху, в 680 г., был, однако, *убит* воинами данной династии *внук Пророка*, Хусайн ибн Али, а также *много других* членов племени *корейш*.

дорогах, имевшихся близ хутора Ачикоро.

Неверные, среди которых находился названный эмир, убегая из под Ачикоро, бросили там две пушки. Мы же, заметив это, затем взяли их себе.

Неверные, предводителем которых являлся в том походе эмир Ахмадхан, в конце концов, возвратились в Хунзах — не получив помощи от кого-либо, и потерпев поражение при Ачикоро. Мы же — Кадиласул Мухаммад, Хаджар-дибир, Микаиль Гакваринский, Басханиль Мухаммад и Аличул Мухаммад, вместе с нашими чамалинцами, багвалинцами и тиндинцами, а также *товарищи* имама Шамиля и прибывшие вместе с ним немногочисленные койсубулинцы и андийцы — возвратились тогда в Карата, при помощи Всевышнего Аллаха, и причем, победителями».

Это — конец тому, что рассказал имам Шамиль.

На третий день, то есть уже после ухода неверных из Каратинского округа в Хунзах, призвал имам

Ибн Зубайр — Абдаллах, сын *корейшита* Зубайра, известного в историографии *сподвижника Пророка*. В 680 г. большая часть мекканцев провозгласила этого Абдаллаха своим халифом — в противовес Йазиду Омейяду, которого мусульмане считали узурпатором. Не смотря на это, в современную ориенталистику вошел он, то есть Абдаллах, как *антихалиф*. Его политическое *движение* подавлено было омейядской армией в 692 г., то есть при халифе Абд ал-Малике Омейяде. Сам же *Ибн Зубайр* погиб в бою, который произошел около Каабы.

Аль-Хадждадж — известный полководец

Шамиль воинов своих — в селение Карата (?) — и подстрекнул их отправиться в селения Аваристана. Имеются в виду те, с жителей которых взяли неверные *аманатов*, о чем уже говорилось выше. Что же касается воинов Шамиля, то они, применив тут определенную силу, вошли в них, в конце концов, — в Тукита, Местерух, Ингердах, Рацитль и Цолода, — и, первым делом, съели скот сельчан. Затем воины эти подожгли усадьбы, принадлежавшие последним, выселив оттуда — предварительно — их обитателей, то есть тукитинцев, местерухцев, ингердахцев, рацитлинцев и цолодинцев.

Этих тукитинцев, местерухцев, ингердахцев, рацитлинцев и цолодинцев воины имама Шамиля эвакуировали тогда. Их переправили они в селения багвалинцев и каратинцев. Что же касается самих селений, входивших в состав Аваристана, покинутых их жителями, — тех которые перечислены выше, — то обратили их воины Шамиля в руины, где завывали волки. Обитате-

Омейядов, победитель Ибн Зубайра. Это был талантливый, но жестокий, государственный деятель, а также — известный ученый, борец с «крайними» *хариджитами*. С 694 г. стал аль-Хадждаж омейядским наместником в Ираке и в иных восточных областях державы. Остался он затем на этих ответственных постах до 714 г., когда его постигла смерть.

Под влиянием политики «кровавого террора», проводившейся аль-Хадждажем, а также в следствии военных действий, которые развязал на территории Халифата Ибн Зубайр, *погибли в VII в. сотни тысяч мусульман.*

лями последних стали теперь совы и вороны.

Там же – в зоне боев, которые имели место при Ачикоро, убит был саблей имама Шамиля вышеупомянутый паникер Махо Урадинский. В смерти своей был этот Махо виноват сам. Дело в том, что поступал он тогда словно баран, ищущий её своим копытцем. Или, можно тут сказать иначе: как тот человек, который сам себе нос отрезал, *размахивая саблей*. Хвала, все же, Аллаху – Господу миров!

После событий и военных походов, упомянутых выше, а прошедших при лидерстве (имама) Шамиля, который получил статус лидера в Чиркате – от посетивших его предводителей и больших людей ряда округов, какой-либо остановки не произошло. Названный лидер вновь выступил. Двинулся он, то есть Шамиль, тогда, понятно, не один, а в сопровождении ученых и больших людей, подчинившихся ему, которые пришли из своих округов. Следуя теперь как бы по кругу, заходили они в различные селе-

Этот **Чанка-Али Каранаевский** упоминается и в других письменных источниках.

Аббасиды правили мусульманами – пребывая на территории Ирака – с 750 г. по 1258 г. Происходили они от *ал-Аббаса Хашимида* – родного брата отца Пророка.

Халиф **ал – Мустасимбиллах** правил, сидя в Багдаде, с 1242 г. по 1258 г.

Хулагу был внуком великого *Чингиз-хана*. По поручению своего брата Менгю-кагана, всемонгольского императора, Хулагу завоевал почти всю Западную Азию. Под власть его – правда, в качестве представите-

ния и города Дагестана и, в конце концов, прибыли в селение Харахи.

Там, точнее, в соборной мечети харахинцев, организовал Шамиль собрание. На нем попросил этот лидер у ученых и больших людей, пришедших в Харахи вместе с ним, чтобы они, - а также иные люди, - присягнули бы ему. Нужно было это Шамилю для того, чтобы его *имамство* стало бы правильным - соответствующим требованиям шариата.

Среди ученых, которые присутствовали тогда в Харахинской соборной мечети и долго там между собой разговаривали, возникли все же разногласия. Одни из них говорили, что дать *присягу* Шамилю - допустимо. Другие же сказали, что делать это непозволительно. Каждый ученый, причем, приводил тут доводы в пользу своих утверждений.

Имам Шамиль, видя всё это, сказал, в конце концов: «О ученейшие мужи нашей эпохи! Мне кажется, что это собрание начало уже содрогаться из-за ваших голосов.

ля могущественного Менгю-кагана - попали: «весь» Иран, Ирак, большая часть Малой Азии (территории Турции), Закавказье и часть Афганистана.

Перечисленное в речи *Загалава* (1-я половина XIX в.) *признается*, в основных чертах, современным *востоковедением*. Так, например, в ходе борьбы придворных группировок, убиты были халиф ал-Хади (785-786) и халиф ал-Амин (809-813). При «соучастии» родного сына, будущего халифа ал-Мунтасира (861-862), убит был гвардейцами правоверный халиф ал-Мутаваккиль (847-861). Гвардейцами, которые не были этническими арабами, а являлись персами или тюрками

Оно стало как бы бесплодным, не дающим, то есть, никакого результата. Поэтому, если вы согласны, я хотел бы пригласить сюда хваршинца Загалава (*Загъалав*) – *муджтахид* нашего времени, особо крупного ученого нашей современности. Давайте-ка мы ему поручим это дело, вокруг которого разгорелся спор, и что важно, полностью подчинимся его решению! Пусть будет последнее, при этом, самым сладким для любого из нас или же самым горьким».

Ученые, которые участвовали в собрании, проводимом в Харахинской мечети, согласились с тем предложением имама Шамиля и тогда написал он письмо Загалаву Хваршинскому. Последний же, действуя тут согласно полученному тексту, прибыл к ним, то есть в Харахи, где и застал многолюдное собрание, состоявшее из выдающихся ученых. Увидел он тогда в названном селении также огромную толпу, подобную черной туче, представленную уже главарями и просто большими людьми из числа исла-

(*аджам*), убито было несколько халифов IX в. Из них убит был «в спальне» своей халиф ал-Мухтади (869–870). Что же касается аббасидского халифа-еретика, который внедрял кощунственную мысль о сотворенности Корана, то им был ал-Мамун, правивший с 813 г. по 833 г. – приверженец и пропагандист, *муттазилизма*. По его указу от 833 г., было создано «инквизиционное судилище», которое отпирывало в ссылку правоверных «кадиев, богословов и законоведов», не принимавших учение о «сотворенности Корана», а также была введена государственная цензура, контролировавшая труды в сфере исламской науки.

мистов. Вот они-то, все вместе, и изложили Загалаву суть дела, рассказав о том, что произошло в связи с присягой.

Загалав Хваршинский сказал тут лицам, собравшимся в Харахинской соборной мечети: «О ученейшие мужи! Вы допустили ошибку, которая идет от самого корня поднятой здесь проблемы. Потому-то *стрела* ваша в яблочко и не попала. Нынешние расхождения, возникшие между вами, исходят из того предположения, что речь здесь идет о присяге, которую дают мусульмане *величайшему имаму*, то есть халифу, продолжающему дело Мухаммеда – посланника Аллаха. Да будут над ним благословение и мир! Вы так и не поняли: в какое положение попадает та часть мусульман, которая, волей судьбы, оказалась оторванной от сил, находящихся в распоряжении величайшего имама. До людей этих не доходит ведь – в случае возникновения нужды, – помощь: в виде бесчисленных войск последнего – того, кого считаем мы халифом посланника Аллаха. Да благословит

В 1-й половине X в. возвысился в пределах Иранского нагорья иранский мусульманский род «Буиды», который занял Багдад. Эти шииты, выходцы из южного Прикаспия, «низвели» (после 945 г.), халифов – происходивших из династии Аббасидов – «до положения марионеток», что сделали они: «отняв» у последних «все, кроме морального и духовного влияния» на народ.

Карматы – представители религиозно-политического движения, рожденного, возможно, в среде «крайних шиитов» - практиковавших «ритуальные братские трапезы» и вносивших в казну, созданную ими, пятину от «своих до-

его Всевышний и да приветствует!»

Загалав, оскалившись, захохотал затем — по привычке своей — и сказал: «Всевышний обязал троих мусульман, когда выходят они путешествовать, чтобы двое из них сделали бы третьего своим повелителем». В таком именно смысле понимать следует нижеприводимый *хадис*, который выбран из числа иных и передается в устной форме, притом, что идет он от людей доверенных и богобоязненных. Звучит же он так: «Откуда можно найти им корейшита? О, люди! Да помилует вас Всевышний Аллах!» После произнесения всех этих слов встал Загалав Хваршинский, восхвалил Аллаха, взял руку Шамиля и затем — со смирением по отношению ко Всевышнему — принес ему свою присягу. В качестве поручителей достоверности данного акта выступили, при этом, участники заседания — того, которое проведено было тогда в Харахинской соборной мечети.

Затем сказал Загалав: «О, Шамиль! О, мой сын! Я не боюсь, что была здесь допущена ошибка, когда

ходов». К рубежу IX–X вв. создали они «жизнеспособное, богатое» государство с центром в историческом Бахрейне. Последнее просуществовало порядка двух веков, совершая все это время нападения «на караваны паломников», двигавшиеся в Мекку-Медину. Внутренняя «организация» карматского «государства» была, можно сказать, «коммунистической». Дело в том, что собранные государством (с низшего класса — с чернокожих рабов) налоги «распределялись» затем, как и иные государственные богатства, «среди» всех «членов карматской общины», которые были арабами-бедуинами. Делали это руководители кар-

совершалась мной присяга, — та, которая дана тебе. Я боюсь, однако, и причем, больше всего на свете, последствий того дела, которое ты творишь. Это ведь, в конце концов, прояснится:

тогда, когда десница твоя обретет силу, что произойдет благодаря войскам, которые заполнят окружающее нас пространство, и, как результат, станет многим тесно;

когда конница, являющаяся — в данном случае, — как бы воплощением человеческих судеб, помчится согласно твоим указаниям;

когда начнешь ты — там, где сможешь, — производить удержание и ставить свою подпись;

когда окажется в руках твоих вся полнота власти, а также — будет у тебя право назначать того или иного человека на должность и отстранять последнего от нее.

Ты можешь, конечно, считать в данное время, что все эти дела чисты и, соответственно, для личности твоей они как бы прозрачны. Знай, однако, что чистая вода может стать когда-то мутной».

матов, причем, «совершенно» с основными человеческими «потребностями», имевшими в Бахрейне место на тот момент. Как можно понять, читая труды западных ориенталистов, карматы «в своей религиозной практике не соблюдали общепринятых предписаний мусульманского культа». Доходило это до такой, причем, степени, что *представителей* названного здесь *карматского движения*, возникшего в VII в. в бедуинской среде — под влиянием «исмаилитской пропаганды», *нельзя считать мусульманами.*

Речь идет о тех выходцах с *Западного Кавказа*, которые, оказавшись в детстве на

Затем Загалав сказал: «Я знаю, что произошло с нашими предшественниками, которые были, между прочим, людьми разными – как благочестивыми, так и плохими. Я представляю все это себе так, словно бы вырос я среди них, а формирование частей тела моего произошло вместе с формированием этого у них.

Подробно говорить обо всем этом времени – к сожалению, – нет, но все же упомяну я здесь о событиях, знание которых удержит тебя от смут. О, Шамиль! Я делаю это, однако, не просто так:

для того, во-первых, чтобы ты – о, Шамиль! – не вынуждал бы рабов Всевышнего вкушать малоприятные испытания;

для того, во-вторых, чтобы не поручал бы ты дела, касающиеся [жизни] тех или иных людей кому-либо, а решал бы их сам;

для того, в-третьих, чтобы [настоящее] право отдавать приказы не передал бы ты в руки кого-либо из представителей твоей паствы (*райи*);

территории Египта (в качестве рабов), попадали там на военную службу – в качестве мамлюков, то есть гвардии султанов. Их государство, известное как подвластное мамлюкам-бурджитам, включало в свой состав, кроме собственного Египта: юго-восток Малой Азии, Сиро-палестинский регион, северную Африку – до Туниса включительно, северный Судан. Эти «бурджиты» также опекали территорию аравийского Хиджаза где стоят Мекка и Медина.

На протяжении долгого времени было суннитское государство «бурджитов», то есть Египет черкесских мамлюков, в состоянии «экономиче-

для того, в-четвертых, чтобы кровь мусульман, являющуюся как бы заповедником Всевышнего, проливал бы ты только с Его позволения и, соответственно, по судебному решению, которое тут исходить будет от ученых;

для того, в-пятых, чтобы не оказывал бы ты, — о, Шамиль! — предпочтения имуществу, забывая тут о людях».

Затем рассказал Загалав о правлении халифов из династии Омейядов, которое продолжалось до тех пор, пока насилий с их стороны не стало слишком много; имело место оно до тех самых пор, пока произвол со стороны Омейядов не увеличился чрезмерно. Как результат всего того, а также вследствие событий, которые произошли из-за действий ал-Хаджжа и Ибн-Зубайра, устранил всевышний Аллах данную династию от власти. Исполнил же он это мечом Аббасидов.

Теперь немного — сказал тут Загалав, — о династии Аббасидов, на последнего из которых, известного

ского благосостояния». В нем имел место тогда «расцвет» в таких сферах, как «обработка металлов», а также — «архитектура и гончарное производство». К концу XV в., однако, держава «черкесских» мамлюков стала «экономически» слабеть. В то же время усилилось там «давление податного пресса», что вызвало, как результат, — по мнению марксистской историографии, — «ненависть народных масс» к мамлюкам, верхушка которых происходила, в массе своей из кавказских «черкесов». Данные, а также иные, общественно-политические факторы «облегчили» Османам «завоевание» (в начале XVI в.), мамлюкского султаната с

как ал-Мустасимбиллах, напал тигран Хулагу-хан. Так вот, среди представителей данной династии оказались, в конце концов: такой Аббасид, которого убили из-за халифства; такой Аббасид, которого убил его собственный сын, опять же из-за халифства; такой Аббасид, которого убил *визирь* – после того, как, по причине [лени - ?], тот поручил ему решать дела своей державы; такой Аббасид, который принудил ученых говорить, что *Коран* – сотворен; такой Аббасид, которого убила его же родная мать; такой, наконец, Аббасид, который сделал своим девизом развлечения, после чего оказался, в конце концов, убитым персами (*аджам*) в собственной постели, и причем, по приказу собственного брата.

Примерно вот так и продолжали развиваться события в среде правителей, принадлежавших к династии Аббасидов. Имело же все это место до тех пор, пока не ограбило их жесткое время. Дело в том, что последнее стало крутиться против Аббасидов – подобно тому, как

центром в Египте, возглавлявшегося кланом воинов, который именovali «черкесы».

Западноевропейские и советские ориенталисты характеризуют *ваххабизм*, как «реформаторское религиозное движение», существовавшее среди аравийских мусульман XVII– начала XX вв., приверженцы которого «уничтожали» постепенно – после захвата в регионе политической и военной власти – «все надгробия на могилах» захороненных там мусульманских «святых».

Мнение Загалава Хваршинского (как и многих политически активных дагестанцев 1-й половины XIX в.), о *ваххабизме* сформировалась под влияни-

повернулось оно когда-то против тех, кто им предшествовали.

Затем упомянул Загалав о *карматской* смуте, которая произошла в эпоху правления все тех же Аббасидов. Он рассказал также на том собрании, произошедшем в селении Харахи, о гнусных делах, совершенных проклятым Абу Тахиром ал-Кармати. Речь шла о стремлении этого Абу Тахира к тому, чтобы испортить нравы людей, которое сохранялось вплоть до времени заключения его в кандалы, что произошло, в свою очередь, уже после того, как было им убито большое количество мусульман.

Затем упомянул Загалав, находясь в соборной мечети селения Харахи, о государстве *черкесов* — тех, которые правили некогда Египтом (*Миср*). Начал хваршинец тут с Буркука, а завершил Туманбаем — последним из черкесских правителей, при ком распространились в Египте насилия и злобность, исходя, причем, именно от черкесов.

В черкесское время плохие деяния, в конце концов, превысили хо-

ем нескольких, вероятно, факторов. В числе их были, несомненно, паломничество — (*хадж*) и контакты с Мухаммадали-пашой Египетским, который воевал с ваххабитами — по указанию Стамбула, громил их, а позднее вел переписку с кавказскими горцами. Сохранились документы Мухаммадали-паши, в которых он говорит: «повелеваю вам», обитателям гор и равнин Кавказа, «во всем» Шамилю «повиноваться». Кто будет в данном аспекте противиться, грозил названный албанец, тот «лишится головы».

Завоевав центральную часть Аравии и установив там (в конце XVIII в.) свою власть, войско ваххабитов заняло немного

рошие. Поэтому-то Всевышний и отстранил их от власти, ответив, таким образом, на мольбу людей обиженных, ибо «Аллах не любит насильников».

Выступая перед Шамилем, а также перед учеными и просто большими людьми, которые собрались в Харахи, упомянул Загалав затем и о смуте, которую породили ваххабиты (*ваххабийй*), сделавшие вздорные речи Мухаммада ибн Ваххаба как бы религией. Дело дошло ведь, в конце концов, до того, что вошли эти ваххабиты в два священных города, то есть с Мекку и Медину, и разрушили имевшиеся там купола. Имеются в виду те, которые возведены были над могилами особо крупных сподвижников Пророка, над могилами его жен, которых называют матерями правоверных, а также над могилами мусульманских шейхов. То бесчестие, однако, и унижение, которые поразили ваххабитов ныне, являются наказанием им – за их неверие (*куфр*) и откровенное беззаконие (*тугйан*).

Затем Загалав – возвращаясь ко

позднее шиитскую Кербелу (1802 г.), которая была тогда же «разграблена» ими. Затем были захвачены ваххабитами и «очищены от скверны», то есть от традиционного ислама, Мекка и Медина. После всего этого *двинулась на них египетская сила – по указанию турецкого султана*. Она с боями вошла вглубь Аравии, где находилась тогда столица главной военной опоры ваххабизма, известной как князь *Саудиты*. В конце концов, *командующий египетской армией, выступившей против ваххабитов, – паша Ибрахим – захватил всю, практически, территорию, которую контролировали раннее его противники*. Был захвачен, при

временам более ранним, чем те, когда действовали египетские черкесы и ваххабиты, — упомянул в речи своей о Фатимидах, происходивших от ал-Хусайна ибн ал-Каддаха. Они представляли собой — сказал он, — династию, которая в свое время также правила Египтом.

Дошел этот выходец из Хварши — в повествовании своем — вплоть до времени правления ал-Адидбиллаха, последнего из Фатимидов. Вот тут-то и вышел на арену истории — сказал Загалав, — Салах ад-Дин, сын Аййба. Этим Салах ад-Дином Фатимиды и были отстранены, в конце концов, от власти.

Прошли годы. Ушли в мир иной упомянутые здесь люди и уподобилось все как бы сновидению, ибо вечное царствование принадлежит только Аллаху. Он, однако, вернет назад — со временем — и нас, и наши деяния. Он воссоздаст тогда все — для того, однако, чтобы затем окончательно все уничтожить».

После этих слов воззвал Загалав Хваршинский ко Всевышнему и

этом, и их командир — эмир *Абдаллах ибн Сауд*, которого переправили в Стамбул, где затем и «казнили».

Когда Загалав проносил свою великую речь в дагестанском сел. Харахи, начали военно-политические лидеры ваххабитов обретать понемногу некоторую бодрость. В целом, однако, то время, но особенно последующие десятилетия XIX в., характеризовать следует как эпоху «тяжелую» для ваххабитской государственности.

Фатимиды — исмаилитская, то есть *стоявшая за пределами ислама, египетская династия X–XII вв.*, которая *объявляла себя*, при этом, *потомством Али ибн Абу*

сказал: «О Боже! Внуши Ты этому Шамилю, что надо быть справедливым и добрым по отношению к людям – рабам Твоим! Сокруши Ты шашкой Шамяля существующее ныне насилие, а также – упрямство и испорченность нравов! Сделай Ты – о, Аллах! – так, чтобы Шамиль мог бы в течение долгого времени отдавать приказы правоверным, чтобы делал он это до тех пор, пока не повзрослеют наши внуки!» Да сохранится данная ситуация до времени последнего воззвания Шамяля к Аллаху, вплоть до выхода в свет последнего из его поучений, обращенных к народу.

Имам Шамиль тут заплакал и этот плач его заставил плакать всех ученых и просто больших людей, которые собрались тогда в соборной мечети селения Харахи. Затем, впрочем, все как бы рассыпались и собрание, таким образом, закрылось. Хвала Аллаху, Господу Миpов! Здесь заканчивается мое сообщение о том, как давали присягу Шамилю.

В то время – до начала собы-

Талиба и Фатимы – дочери Пророка. Многие современники, однако, прежде всего сунниты Востока, считали эту династию, управлявшую одно время большей частью Северной Африки и Сирии, еврейской по происхождению. Они также обвиняли ее в поддержке первых крестоносцев, которые двигались на турок-сельджуков, являвшихся правоверными суннитами – врагами шиизма, во всех его проявлениях.

Салаях ад-Дин (1169–1193 гг.) был курдом, пришедшим в Африку. Он не просто отстранил Фатимидов от политической власти, но, главное, *возвратил суннизм в Египет и в соседние*

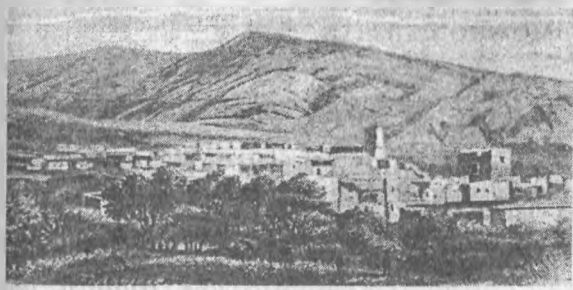
тий, которые позднее произошли *страны, в качестве* при Ахульго (*Ахлул гохI*), — в подчинении у имама Шамиля находилась *государственной религии.* уже следующая часть населения Дагестана: обитатели округа андийцев, гумбетовцы-баклулалы, койсубулинцы-хиндалалы, технуцальцы, чамалинцы, ункратлинцы (*ункъ-ракъ*), багвалинцы и тиндинцы. Все они были тогда с Шамилем, не считая, правда, небольшого количества *лицемеров*, принадлежавших к числу представителей данной части дагестанцев.

После того, как выскользнул Шамиль из Ахульго и обрел, таким образом, спасение, — от того, что произошло там позднее, — отправился он, вместе со своими немногочисленными товарищами, в Шатой (*Шубут*). Что же касается жителей всех тех округов, которые упомянуты здесь выше, — Андии, Гумбета, Койсубулу, Технуцала, Чамалала, Ункратля, Багвалала и Тинди — то часть их населения находилась теперь, после событий при Ахульго, в подчинении у Ахмадхана — о котором речь шла уже, в свя-

В кавказоведении утвердилось мнение, что Шамиль провозглашен был суннитским имамом Восточного Кавказа на собрании «самых почтенных лиц», а также ученых, проведенном на одном из отрогов горного массива Аракмеэр, неподалеку от сел. Ашильта. Имело место это, как считают, в 1834 г.

Как видно из приводимого Иманмухаммадом перечня аварских общин — тех, на большинство населения которых имам Шамиль считал возможным опираться в 1839 г., — выпали хунзахцы, которых он

зи с боями при Зоно и при Ачикоро, – того эмира, который сидел тогда в Хунзахе (*Авар*). Эти люди – время

Хунзах в ханскую эпоху (XIX в.)

от времени – ходили к нему с подношениями и *наградами* (*джауза*). Однако, часть жителей вышеупомянутых округов продолжала хранить клятву верности, данную имаму Шамилю ранее; люди эти – практически непрерывно – посылали ему письма, направляя их в Шатой, где находился тогда имам. Оставшаяся же часть населения – андийцев, гумбетовцев, койсубулинцев, технуцальцев, чамалинцев, ункратлинцев, багвалинцев и тиндинцев – ждала: в какое конкретно положение развернутся, в конце концов, дела имама Шамиля?

Ту зиму провел имам Шамиль в

считал ранее своими надежными сторонниками. Речь идет здесь о ситуации, которая имела место в горах в 1835 – 1836 г.

Шатой – часть горной Чечни, уже давно исторически связанная, причем политическими узами, с горным Дагестаном.

Речь идет, в тексте Иманмухаммада, об *Ахмадхане Мехтулинском* – авароязычном князе, которого генерал Ройт привел в Хунзах в 1836 г., в качестве «временного правителя Аваристана».

Речь идет об институте куначества.

Кенхи – аварское селение, лежащее в

Шатое. Жил он там у Бузур-Шабана, находясь у него в качестве *гостя*. Шамиль прекратил на то время отдавать приказы и издавать запреты – отбросил, можно сказать, дела эти в сторонку.

Рядом с собой, в Шатое, поселил имам тогда лишь небольшое число *товарищей*, а также некоторых членов своей свиты (*хасса*). Что же касается особо близкого друга своего, Ахбердиль Мухаммада Хунзахского (*Авари*), – храбреца стремительного в своих атаках, – то отправил Шамиль его туда, где находились по соседству два вышеупомянутых гигатлинца. Были лицами этими Кадиласул Мухаммад и ученый храбрец известный как Хаджар-дибир – человек, который выделялся своей отвагой.

Той зимой двое названных здесь гигатлинцев приняли Ахбердиль Мухаммада и поселили его, вместе с товарищами, в Кенхи (*Канха*). Разместили они его, при этом, в доме Мухаммада – сына Антиголава (*Антигъолав*).

Небольшое отступление, где

горной Чечне, в бассейне р. Шаро-Аргун. Кенхинцы платили ежегодную подать ханам Аваристана – в размере 21 головы «овец» (см. ФОД. С. 265).

С точки зрения искусства управление народом, *Шамиль поступил* тут, думается, *правильно*, когда *наказал смертью* кенхинского муллу – за *грязные слова*, произнесенные последним в адрес главы государства, *воюющего с мировой державой*.

Когда хан Авари ехал в Чеберлоевско-Веденскую зону Чечни (авар. *Бурти*), обязаны были ботлихцы доставить ему «шесть козлов» в качестве повинности (см. ФОД. С. 264).

рассказывается о том, что произошло тогда в Кенхи.

Муллой (*кади*) для жителей Кенхи является в то время ученый Ханжак-дибир Гигатлинский. В один из зимних дней он, то есть мулла по имени Ханджак (*ГъанжакI*), а также Ахбердиль Мухаммад, — находясь в бане (*хаммам*), которая имелась при кенхинской мечети, — совершали омовение. Тут упало вдруг ведро (*далв*), в котел, наполненный водой — той, которую использовали для омовения.

Ахбердиль Мухаммад, видя это, приказал было вылить воду, имеющуюся в том котле, сказав: «Она стала ритуально грязной (*наджас*), ибо столкнулась с ручкой ведра, к которой прикасались ладони людей, считающихся сбродом (*хилт*)».

Этот — покойный ныне — товарищ Шамиля, то есть Ахбердиль Мухаммад, не был, однако, большим ученым. Как говорят: если брать область науки, то можно сказать, что данного хунзахца слои штукатурки не покрывали. Что же касается муллы по имени Ханджак,

Речь идет о жителях Чеченской равнины (*Чачан-тала*), которые находились в XVII — XVIII вв. под властью князей хунзахского корня.

Это — территория, лежащая, примерно, между Грозным и чеченским сел. Атага, стоящим у входа в Аргунское ущелье.

Киялал // Кихалал — аварское название обитателей бассейна р. Шаро-Аргун, которые, кстати, платили ежегодную подать ханам Аварии. Подавляющая часть киялальцев говорила по-чеченски, но языком жителей некоторых шаро-аргунских общин был аварский.

то он запретил выливать ту воду, которую товарищ Шамиля назвал ритуально грязной, сказав: «Эта вода достигала количества равного двум кувшинам*, а поэтому сохраняет она свою ритуальную чистоту и в возникшей ныне ситуации». В ответ на это, сказал Ахбердиль Мухаммад Хаджак-дибиру: «Как то раз, когда находились мы в Чиркате, приказал Шамиль, чтобы в ситуации подобной этой, воду вылили бы из котла. А ведь он – имам – более знающий, чем ты». На это Хаджак сказал тут такое, что и упомянуть здесь неприлично.

После окончания той зимы, которая проведена была в Кенхи, собирав все же Ахбердиль Мухаммад имаму Шамилю: то, что сказал ранее Хаджак-дибир по адресу последнего, в связи с вопросами ритуальной чистоты – при их встрече, которая имела место своё как-то раз. Прошло некоторое время. Имам Шамиль прибыл однажды в Ботлих и тут приказал он своему палачу: казнить того кенхинского муллу, известного как Хаджак-дибир Ги-

Встреча Шамиля с Ключки фон Ключенау. Третий слева от генерала Ахверды-Магома (худ. Т.Горшельт)

Зумсой – населенная чеченцами территория, лежащая в верхней части Аргунского ущелья. Там же находится и «общество» **Мулкой**, где говорили и говорят почеченски.

Наказанием придорожному грабителю является, согласно шариату: либо отсечение правой руки; либо – смертная казнь, когда грабеж сопровож-

гатлинский.

Когда узнал Кадиласул Мухаммад о том, что приказал имам Шамиль, когда находился в Ботлихе, то поспешил он к последнему. Это гигатлинец, то есть Мухаммад, пал тут на колени перед данным лицом – перед имамом – и начал просить его: простить Хаджак-дибира, который сказал зимой нечто весьма неприличное о Шамиле. В ответ на это сказал имам Шамиль: «Хорошо, я прощаю его, но делаю это лишь ради тебя, – о, Кадиласул Мухаммад!»

Последний поспешил тут к вышеупомянутому палачу имама: сообщить ему о приказе, который дал сам имам. Когда, однако, он, гигатлинец, прибыл к палачу, то оказалось что Хаджак-дибир Гигатлинский – бывший кенхинский мулла – уже убит. Палач своё дело, таким образом, уже закончил – лишил жизни упомянутого здесь Хаджак-дибира. Да помилует его всевышний Аллах!

Когда зима – показав спину свою, – ушла, и, соответственно,

дался убийством; либо – огромный *дият*, то есть штраф.

Имам *Шамиль был*, как известно, *храбрым и мастером единоборства*. В данном случае, однако, *он поступил так, как подобало* настоящему полководцу или руководителю государства. Эта категория людей просто обязана беречь свою жизнь в интересах подчиняющихся им масс.

Местность **Ачинни** («общество» *Чин-?*), которую локализовать следует, по-видимому, в Аргунском ущелье (в Горной Чечне) подчинялась традиционно ханам Аварии. Даже в начале XIX в. хан, сидевший в Хунзахе, получал «по овце с

увела она своих могучих слуг, наступила, как результат, весна, которая принесла тут громовые залпы. Дело в том, что пришли тогда к имаму Шамилю посланцы от чеченцев. Они просили имама, чтобы он прибыл бы в их края и обучил бы людей: как принимать решения, следуя шариату. Шамиль-имам стал тут, однако, отговариваться фразами типа: «может быть» я приеду, но «как-нибудь позднее».

В конце концов, – после всяческих отговорок – имам решил все-таки пойти в сторону того края, который именуют Чечня (*Чачан*). Двинуться он решил туда, причем, не один, а вместе со своими *последователями*. Представлены были тогда последние людьми, выступившими из округа киялалъцев (*къигьалал*), а также из Шатоя, Чамалала, Багвалала и Тинди. Шамиль написал, при этом, письмо двум гигатлинцам, – ученому Хаджардибиру, великому храбрецу, и Кадиласул Мухаммаду – чтобы пришли бы они оба к нему, в Шатой. Вместе с ними, причем, должны

каждого двора», стоявшего в Ачинни/Ачинну (см. ФОД. С. 265).

Дышни (авар. *ришни*) – местность в Горной Чечне. Дышнинцы давали ханам Аварии небольшую подать – ежегодно (со всех общины –?) по одному быку и по 12 *курушей*, то есть рублей (см. ФОД. С. 265).

Этот **Мухаммадгази** был *отцом* известного *наиба Арсанукая*.

Как известно, институт *наибства* уже существовал в Имама-те, причем, еще до событий, имевших место при Ахульго. Поэтому здесь суть дела, по нашему мнению, в специфике термина «Дагестан». Гигатлинец Иманмухаммад

были прибыть к имаму и те обитатели дагестанских округов, которые считались *последователями* их обоих, а также Ахбердиль Мухаммад Хунзахский, сидевший тогда в селении Кенхи – особо близкий товарищ Шамиля.

употребил его, по всей видимости, в значении «горная территория» (дагъ «гора» + астан), имеющая, в данном случае, чеченское население.

Сабля Кадиласул Мухаммада

Жители «**Чичинака**», то есть **Чиннахоя** (?), платили традиционно небольшую подать ханам Аваристана, которые сидели в Хунзахе. Ежегодно они давали (от всей общины - ?) последним по одной корове и по 6 *курашей* (см. ФОД. С. 265).

Гехи – традиционный центр «Малой» Чечни, которая соответствует равнинным землям Северного Кавказа, лежащим к северу от р. Аргун. В XVIII в. «платили» гехинцы «подати» ку-

Хаджар-дибир и Кадиласул Мухаммад начали тут — со значительным старанием — направлять просьбы к своим *товарищам*, которые обитали в вышеупомянутых здесь округах. Это дело получилось. Сопровождать их обоим собралось тогда свыше ста мужей — из числа надежных лиц, которые, соответственно, были у них обоим в доверии. К Хаджар-дибиру и Кадиласул Мухаммаду присоединились, при этом, еще и два гакваринских героя, вместе с которыми прибыли уже и их *товарищи*. Были таковыми героями Микаиль и Кала-хаджияв (*Къала...*), которые считались людьми, испытанными в конкретных делах.

Все они — гигатлинцы, гакваринцы и другие дагестанцы — направились затем, вместе в Ахбердиль Мухаммадом Хунзахским и его *товарищами*, к имаму Шамилю, который находился тогда в Шатое. Оттуда двинулись они, однако, не в Чечню, а по направлению Зумсоевского округа и, таким образом, вошли, в конце концов, в селение Мулкой (*Мулкъи*).

мыкским князьям, сидевшим в Аксае.

Шали — ныне небольшой город, расположенный в равнинной части Чечни.

Горный чеченец
(XIX в.)

Тавзан — исторически существовавший территориальный участок с чеченским населением, соответствовавший части Ичкерии. Ныне это — Веденский район ЧР.

Там, в Мулке, проживал тогда зловреднейший *тиран* по имени Губаш (*Гъубаш*). Это был самый настоящий насильник – человек, восставший против установлений, которые идут от Аллаха, придорожный грабитель, который проливал кровь людей и отнимал у них имущество. У этого Губаша Мулкеевского был еще и брат – такой же тип, как и он.

Они оба принадлежали к числу тех, кто фактически не признают Аллаха и его посланника. Боясь двух этих могучих злодеев, то есть Губаша и его брата, жители селения Мулкой не вступали – первоначально – в число людей повинующихся имаму, то есть Шамилю. Поэтому вышеупомянутый шатоевец Бузур-Шабан, известный как *гость* имама Шамиля, и решил тут привести Губаша к последнему: применяя для этого мягкие фразы и употребив соответствующую ситуации хитрость.

Губаш, попав под влияние названных фраз, все же пришел тогда к Шамилю, причем вместе с братом,

Марган – бассейн р. Марган, текущей по чеченским землям и впадающей в Сунжу.

Речь идет о чеченском сел. **Дарго**, которое лежит к северо-востоку от Анди.

Горец с пленным офицером - возвращение с набега (худ. П.Соколов)

Беной (по-авар. *Баяниб*) – известная в кавказской историографии чеченская община, связанная, как и их соседи, с шамхальским родом. Расположена она в горной

хотя он, правда, в начале упирался и, как бы, отказывался. Дело в том, что он, опасаясь замыслов со стороны шатоевца Шабана, считал необходимым сохранение тут бдительности.

Был этот Губаш Мулкоевский теластатым мужчиной огромного роста. Вид его был отвратительным. Того человека, кто видел клыки названного здесь лица, то есть Губаша, охватывал прямо таки страх. На кого бы не оборачивался Губаш, на кого бы не обращал, таким образом, своего внимания, он показывал, что фактически не считается с этим человеком – демонстрировал, что последний, как личность, его не заботит. Говорил это Губаш, на своем – понятно, – языке, голосом столь грубым, что казался он сидящим на дне большого сосуда и оттуда разговаривающим.

Губаш, придя туда, где находились гигатлинцы, гакваринцы и иные *товарищи* из окружения имама, заговорил: «Кто из вас является главой этих людей?» Когда же увидел он имама Шамиля, то прибли-

части Нажауртовского района ЧР. По утверждению А. Бакиханова (стр. 90), беноевцы несли феодальные повинности в пользу кумыкских князей, сидевших в Эндирее.

Согласно шариату, «с любой военной добычи» обязано взять мусульманское государство одну «пятую». Часть этой пятинны идет на содержание: *сейидов*, то есть потомков Пророка, которых насчитывалось в пределах Сулакского бассейна (к середине XIX в.) порядка 40-ка семей, а также – вдов и сирот борцов за веру, и еще – бедных «странников».

Закят – столп ислама. В теории, он берется: в размере 2,5 % с домовладений, а

зился и сказал с откровенным презрением по отношению к последнему: «Это он что ли, тот человек, через которого пытаются проводить в жизнь распоряжения – касающиеся решений, имеющих отношение к сегодняшнему дню?».

Имам Шамиль понял: что именно задумал в глубине души своей этот мерзкий тип. Что же касается Муртазы Уркачинского и Мухаммадамина Харахинского, то захотели они тут убить Губаша Мулкоевского, а также – его брата. Шамиль дал им поэтому сигналами. Сам, при этом, приближаться к Губашу не стал, ибо имам боялся того вреда, который мог в данной ситуации произойти от последнего.

Люди, пришедшие в Мулкой вместе с Шамилем, видя все это, исхитрились. Делали же они это ради того, чтобы схватить Губаша и его брата – этих двух мулкоевцев, восставших против установлений, которые идут от самого Аллаха. В конце концов, их обоих они схватили. Губаша, причем, повалили – *товарищи*, которые входили в окруже-

также с торгового и ремесленного дохода; с лиц практикующих скотоводство допустимо поднятие *закята* – до 12 % дохода.

Уже в VII–VIII вв. часть его шла «на нужды государства», и лишь часть – на «благотворительные дела и на бедняков».

Согласно шариата, «имущество» вероотступника, который, кстати, должен быть казнен, «конфискуется в пользу» мусульманского «государства».

Башир-бек и Яхья-хаджи принадлежали к числу прямых потомков Чулак-Сурхая Казикумухского. Оба они упоминаются, причем многократно, в русских письменных источниках.

Муса из сел. Бала-

ние имама Шамиля, хотя и совершили они это с большим трудом. Ему они, а конкретно – Муртаза Уркачинский, Мухаммадамин Харахинский и еще кое-кто, выкололи тогда оба глаза. Что же касается брата Губаша Мулкоевского, такого же типа, как и последний, то его *товарищи*, прибывшие вместе с имамом, убили. Остальное – то, что произошло позднее – является общеизвестным. Описано это – в краткой, правда, форме – в тексте *Истории*, принадлежащей перу Мухаммадтахира Карахского, признанного установителя истины.

Сердца мулкоевцев охватил тут страх. Они покорно подошли теперь к имаму Шамилю.

После событий в Мулке, которые имели место в связи с Губашем и его братом, занялся имам Шамиль вскоре тем, что стал писать письма. Адресованы они были: во-первых, эмирам Зумсою – Маашу (*MagIash*), Дую и Акбулату; во-вторых, эмирам Ачинни (*ГПачинни*) – Чупалаву и Чага (*Чагъа*); в третьих, эмиру дышнинцев (*ришниял*), которым был то-

хани упоминается не однократно в русских источниках.

Хаджимурад убежал от русских, из Хунзаха, 22.11.1840 г.

Даниял-султан, феодальный *правитель* Елису, что соответствует части территории Закатальского округа. Он пришел к Шамилю летом 1844 г.

Шейх Джамалутдин пришел к Шамилю и, как результат, поселился на территории Имамата (в цумадинском сел. Хуштада - ?) в конце зимы 1842 г.

Даниял-султан и *мюршид* Джамалутдин Казикумухский зафиксированы в большом количестве источников разного

гда Мухаммадгази – сын Хахха (*Хахъа*).

Шамиль требовал от названных здесь эмиров, чтобы прибыли бы они к нему, причем не одни, а вместе со своими *последователями*. Прибыло, однако, - в ответ на письма имама – лишь два эмира. Это были Чупалав Ачиннинский и Мааш Зумсоевский, но, зато, явились они к имаму Шамилю вместе с кавалеристами, которые приведены были из двух округов, подвластных им обоим. Сидящие на прекрасных скакунах, которые вставали – время от времени – на дыбы, удивляли эти зумсоевцы и ачиннинцы людей взиравших на них. Они воздействовали на них также и своей великолепной одеждой, сшитой из мягких тканей, а также своим оружием, покрытым сверкающим серебром.

Имам Шамиль, когда увидел этих зумсоевцев и ачиннинцев, прибывших к нему, то к ним он вышел. Встретил их Шамиль тогда с почтением. Прославляя последних, он затем благодарил Всевышнего: за поведение, которое прояви-

происхождения, в том числе у русских авторов XIX в.

Хаджимурад покинул Аваристан и ушел к русским – по заданию имама Шамиля, как мы думаем, следуя тут мнению ряда авторитетных личностей из числа россиян XIX в., – через Чечню. Произошло это в конце осени 1851 г.

Часть перечисленных здесь чиркеевцев упоминается и в других, в том числе русских, источниках. Это такие деятели, как: **Амирхан-дибир**, **Раджабиль Мухаммад**, **Митльрик Муртазаали** и т.д.

Офицер императорского Генерального Штаба, немец по национальности, писал, что к началу 1841 г. Шамиль-имам, обла-

ли названные выше гордые эмиры, — зумсоевец Мааш и ачиннинец Чупалав — за то, что вошли они оба в ряды его *последователей*, чтобы помогать, таким образом, исламской религии.

Тут имам Шамиль совершил немаловажный акт. Он назначил Чупалава *наибом* в округ, именуемый Ачинни. Этот человек стал, кстати, первым *наибом*, — из числа горских (*дагьистан*) *наибов*, — кто получил [официальное] назначение от имама.

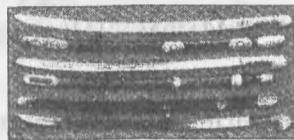
Затем назначен был *наибом* Мааш Зумсоевский. Он был направлен имамом в округ, именуемый *Зумсой и Чиннахой (Чичиннахъ)*.

Над Шатоевским же округом назначен был тогда *наибом* Батука (*Батукъа*).

Что же касается вышеупомянутого эмира Мухаммадгази — сына Хаххая, — человека, который был на тот момент эмиром Дышнинского округа, то он не пришел к имаму Шамилю. Мало того, этот Мухаммадгази задрал тогда нос свой, что имело место от его горделивости.

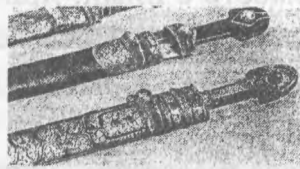
дая «неограниченной властью» в Чечне, имел также «большое влияние» на население Андийского участка и Гумбета, а также — иных частей Аваристана.

Данные события, обрисованные Иман-мухаммадом Гигатлинским, суть которых — это наведение административного порядка в Аваристане, как части Имамата (после событий при Ахульго и ухода Шамиля в Чечню), не описаны современными историками-кавказоведами.

Шашки из аула
Дарго
(XIX — начало XX вв.)

Тлох — селение в

Чеченские кинжалы
(XIX – начало XX вв.)

Орнамент, характерный для серебряных
деталей чеченского оружия и снаряжения
(до 60-гг. XIX столетия)

Имам Шамиль, находясь в Мулкое (?), приказал двум названным выше наибам: – имеются в виду Чупалав и Мааш – прибыть через десять дней в Шатой, вместе со своими *последователями*. Они оба, впрочем, после этого возвратились в родные места. Чупалав Ачиннинский, причем, обменялся тогда с имамом Шамилем одеждой и оружием, а Мааш Зумсоевский подарил последнему своего коня, отдав его вместе с седлом и уздечкой. Результатом же данных актов стало то, что превратился имам Шамиль в одного из самых великолепных рыцарей той эпохи.

Имам, покинув Мулкой и соседние земли, возвратился вскоре в

Буртунай – его жители, ходившие на Грузию (XVIII в.), вместе с чиркеевцами, отрядом в 700 человек, платили ежегодные повинности (продуктами питания, в том числе – баранами) князьям Каплановым-Аксайским и старшему князю Эндирея (см. Хашаев Х.М. стр. 202).

Аух – территория нынешнего Новолакского и частично Казбековского районов РД, населенная тогда исключительно чеченцами. Ауховцы плати-

Шатой, а затем туда прибыли – к нему – два упомянутых выше наиба. Вместе с ними, причем, пришли тогда в Шатой все всадники и пехотинцы, которые проживали в округах, находившихся под их – Чупалава и Мааша – управлением. После этого акцию совершил, в свою очередь, и имам Шамиль. Он выступил во главе многочисленного войска – состояло оно из киялальцев, шатовцев, чамалинцев, багвалинцев, тиндинцев, ачиннинцев, зумсоевцев и других – в направлении края именуемого Чачан. Это войско было как бы божье, ибо ему помогал сам Господь!

Когда Шамиль прибыл в Гехинский округ, встретили его там местные жители. Они приняли тогда Шамиля с приветственными речами в устах. Что же касается гехинских больших людей, то они прибыли тут прямо к этому имаму и дали ему клятву верности, после чего над ним был назначен наиб. Им стал особо верный товарищ Шамиля, а именно – храбрец, известный как Ахбердиль Мухаммад – хунзахец,

ли ежегодную подать князьям, сидевшим в Аксае и Эндирее.

Чеберлой – часть Горной Чечни, примыкающая к Ботлихскому району РД. По преданиям андийцев, дагестанские аристократические кланы боролись между собой (Шамхаловы Андийские и Турловы Гумбетовские) за возможность получать повинности натурой с чеберловцев.

Гидатль – участок на правом берегу Аварского Койсу, с традиционным центром в сел. Урада; в пределах Шамильского района РД. Хань Аварии считали гидатлинцев своими «воинами», служащими «за награды», но российский академик И.-А. Гильденштедт

который находился ранее при Шамиле, причем практически неотступно.

пишет, что «округ» Гидатлинский «полностью зависит от Ауархана» (стр. 245).

Горцы в бою (XIX в.)

Затем направился имам Шамиль в Шали, где остановился у Талгика (*ТалхикI*) – своего верного гостя. Это был, следует отметить, прозорливый храбрец, умевший проводить конкретные мероприятия. В Шалинский округ, поэтому, назначен был наибом именно он, причем произошло это после того как посетила Шамиля группа шалинских больших людей. Последние, при этом, присягнули тогда имаму, что сделали они, тесня друг друга.

То же самое, примерно, – то есть дача присяги имаму толпами

*Талгик-наиб
(чеченец,
с рис. XIX в.)*

Тлюрутль мукх – часть территории Шамильского района, лежащая на левом берегу Аварского Койсу. Аварский двор включал этих горцев в число «узденей» ханства со столицей в Хунзахе.

Анцух – северная часть Тляратинского района РД, зона слияния р. Джурмут и р. Хван-ор, выставляв-

больших людей, которые, при этом, как бы теснили друг друга, – происходило в каждом близлежащем краю, который посетил тогда Шамиль.

В рамках данного движения по [Чечне], назначил Шамиль наиба и, кстати, в Тавзанский округ. Стал же таковым ученый по имени Атабай – человек, погрузившийся в море знаний, которого именовали тогда *Чудом* своей эпохи. Связывал себя этот Атабай, причем, с местностью именуемой Марган.

Печать наиба Шуаиба
Даргонского

В Даргонский (*Даргъи*) округ назначил имам Шамиль наибом другого ученого. Был им Шуаиб Даргонский.

В Бенойский (*Баяни*) округ назначил Шамиль наибом Джавадхана Даргонского. Последний являлся,

шая 1000 воинов. Ан-
цухцы XVIII в., как,
может быть, и более
ранних времен, явля-
лись гвардейцами ца-
рей Восточной Гру-
зии.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Таш – населенные
аварцами земли, что в
низовьях Джурмута,
лежащие на правом
берегу названной ре-
ки.

Цунта – верховья
Андийского Койсу,
северная часть Цун-
тинского района РД.
Гильденштедт И.-А.,

кстати, вольноотпущенником (атик).

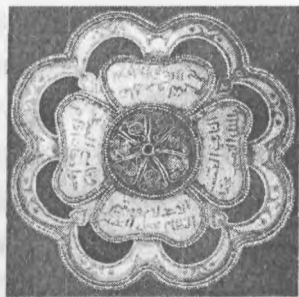
Сам имам Шамиль поселился тогда там же, то есть вблизи от Беноя, причем вместе со своими домочадцами и своими товарищами, которые считались теперь мухаджирами. Селение известное как Старое Дарго, после того как обосновался в нем Шамиль, - да еще с указанными здесь людьми, - стало, как результат, настоящим городом, причем городом счастливым. Дело в том, что в это Старое Дарго начали теперь стекаться великие богатства и, соответственно, формировалась там огромная казна. Создалось же все это:

за счет пятины (хумс), взимавшейся с военной добычи (ланима);

за счет мусульманского байтулмала, представлявшего собой харадж, который собирали с горных пастбищ, а также с иных земель, находившихся ранее в распоряжении Уммахана Великого, сидевшего в Хунзахе;

за счет хараджа, который причитался последнему, а собирался с

академик РАН имперской эпохи, писал, что Цунтинские земли, находившиеся ранее -

Орден Джаватхана Даргонского, наиба Шамля

подобно, кстати, Анцуху и бассейну р. Джурмут, - под властью христианской Кахетии, «освободились», ко 2-й половине XVIII в., «от кахетинского владычества», но «мусульманами» цунтинцы еще не стали. Поэтому сказать можно, что живут они «без какой-либо» авраамической «религии».

жителей некоторых селений Дагестана;

за счет хараджа, который причитался эмирам Кеди;

за счет хараджа, который собирали прежде с одних селений Дагестана в пользу других таковых же, то есть дагестанских, селений;

за счет подарков и иных связующих народ элементов (*сила*), поступавших от наибов и от других лиц;

за счет одной трети *заката*, собиравшегося с богачей (*майсур*);

за счет имущества тех, кто убегал в царство Русское;

за счет имущества лиц, которых казнили за *лицемерие* и вероотступничество (*иртидад*).

После всех тех событий и перемен умножилось у имама Шамиля число *товарищей*. Мало того, очень многие люди начали приходить к нему со стороны – в качестве мухаджиров. Теперь уже шамилевские войска стали, как результат, многочисленными.

К имаму Шамилю, покинув предварительно родные места, пе-

Рядовой чеченец в своем селении (XIX в.)

Антль-ратль соответствует, в данном контексте, бассейну р. Джурмут, то есть большей части Гляртинского района.

Тленсерух – южная часть Чародинского района, которая имеет своим традиционным центром сел. Ириб, выводившая (кон. XVIII в.) на поля боя с грузинами 1000 вои-

реехали – правда, в разное время – ученые и эмиры из различных округов Дагестана, тех которые продолжали оставаться под контролем

Даниял-бек Елисуевский
(XIX в.)

(хита) русского падишаха. Были среди них следующие, к примеру, личности: Даниял-султан Елисуевский, который был раньше генералом (янарал) у названного падишаха [на полях: *но стал он наибом – Т.А.*]; тарикатский наставник (муршид), Джамалутдин Казикумухский (Гъазигъумукъ), – да станут святыми его тайные знания! – святой шейх; еще четверо казикумухцев – эмир Башир-бек, [на полях: *который стал наибом – Т.А.*], храбрый

нов. По словам И.-А. Гильденштедта, данный «округ независим» от соседних князей, но при всем этом

Уммахан Великий

на его территории, в местности «Капуда» (Гъапуда «У крепостных ворот») имеет «свою резиденцию» Мухаммад-нуцал Аварский (стр. 244, 245).

Подчинение какой-либо территории мусульманскому государству после предварительного примене-

ученый Мухаммад-эфенди [на полях: *Гуйминский (Гъуйми) – Т.А.*], Нуратдин и Яхья-хаджи.

Прибыло к имаму также, в качестве мухаджиров, – это кроме тех, кто назван выше, – очень еще большое количество превосходных персон и видных личностей, которые, таким образом, покинули свои родные места. Среди них имелись, к примеру, фигуры – такие, как ученый Таймазхан Чиркеевский (*Чирки*).

[На полях: *Наибом стал Муса Балаханский – Т.А.*].

«Милиция» (XIX в.)

Нельзя не упомянуть здесь того факта, что к Шамилю перебрался, в качестве мухаджира, и такой испытанный в делах герой, как Хаджимурад. Этот хунзахец был раньше, кстати, как бы предводителем русских войск, или, если можно так

ния к ней «силы» (*ан-ватан ва кахран*), означает – согласно шариату, – «безусловную капитуляцию; сдачу на милость победителя».

В мусульманском праве термин «тирания» (*зулм*) имеет значение примерно такое: система управления народом, исповедующим ислам, которая несоответствует нормам шариата.

Андалал – часть территории Гунибского района, лежащая между Ругуджой, Согратлем и Чохом, откуда выходить могло на бой с грузинами (кон. XVIII в.) примерно 4 тыс. воинов. В сел. Ругуджа, при этом, как и в Согратле, налицо было – по свидетельству И.-А. Гильденштедта, – политическое влияние «Ауар-

сказать, их начальником. Шамиль и мусульмане – те люди, конкретно, которые находились тогда в его власти, – испытали в то время беспокойство из-за действий данного Хаджимурада. Они вкусили через эту особу горечь ущерб; в том, что преподносил им последний, была, конечно, своя сладость, но больше было все-таки мучений.

При всем том, однако, сохранил имам Шамиль уважение к храбрости Хаджимурада и поэтому назначил последнего наибом. Сначала Шамиль поставил его в округ, который называют Технуцал (*ТехИнусал*), а затем – в Хунзахский округ. Там-то и остался Хаджимурад на наибстве, что продолжалось, причем, до тех пор, пока не произошли известные события: между ним, с одной стороны, и имамом – с другой.

Покинув родные места, переселились к имаму Шамилю также и другие люди. Назвать можно в числе таковых чиркеевских храбрецов, которых было тогда около сорока мужей, пришедших, причем, вместе

хана» (стр. 246).
Телетль – селение в Шамильском районе.

Чох – селение в Гундибском районе.

*Мухаммад-эфенди
Гуйминский
(XIX в.)*

Голотль, Ассаб, Тлянуб, Цекоб и Ратлуб – селения в Шамильском районе.

Катех – древнее аварское селение в Белоканском районе Азербайджана.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Датгестанского НИЦ РАН

instituteofhistory.ru

со своими домочадцами. Были среди них следующие, например, лица:

*Хаджимурад в Тифлисе
(по Г.Г.Гагарину)*

*Голова погибшего
Хаджимурада
(рис. с натуры Г.Коррадини)*

*Ахбердиль Мухаммад
(с рис. XIX в.)*

Голода – древнее аварское селение, стоявшее над современным г. Закатала, в Азербайджане.

Нукуш – селение в Чародинском районе, на Тленсерухском участке.

Есть компетентное мнение, что в армии Шамиля – при подходе ее к Унцукулю, в начале весны 1843 г., находилось: 1040 хо-

Амирхан — ученый, которому рошо обученных «пехотинцев», 1500 кавалеристов, три пушки и 1025 «рекрутов», т.е. новобранцев.

Судя по всему, воины имама Шамиля получили тогда от унцукульцев — в качестве контрибуции — примерно 800 тюков травы и 800 мерок муки.

Среди тех чиркеевцев, — сорока храбрецов, которые переселились к имаму, — были, естественно, и другие лица, которые не упомянуты в данном перечне. Все они тут построили для себя жилища рядом с Шамилем и оказались, таким образом, на его хлебах — под воздействием того воспитания, которое шло от имама.

Когда имам Шамиль направился — после всего того — в Андийский округ, встретили его андийцы наилучшим образом. Они, оказав имаму уважение и почет, извинились за то, что имело место с их стороны когда-то. Имеется в виду, что воспрепятствовали они ему тогда — не дали имаму вступить в их город.

В армии Имамата, которая осадил в 1843 г. Унцукуль (там засело тогда не менее 1700 *лицемеров* из числа *аварцев* и 490 *русских* солдат) и взяла его затем за три дня, причем штурмом, было примерно 3700 *мюридов-воинов*.

Этого унцукульца 40-х годов XIX в., именуемого в тексте Иманмухаммада «**Шабанкади**», знают и другие дагестанские

Шамиль провел на земле Андийского округа несколько дней и за это время успел он пригласить к себе больших людей из числа андийцев. Имам сделал им, при этом, необходимые поручения, а также дал соответствующие наставления по вопросам шариата. Наибом для андийцев Шамиль поставил тут Рамазана Андийского.

Округом каратинцев имам назначил управлять ученого храбреца Галбац-дибира Каратинского – героическую личность.

Над округом Технуцал поставил имам Хаджиява Ботлихского.

Над округом чамалальцев поставил он известного храбреца Хаджар-дибира Гигатлинского, который пал позднее смертью мученика.

Над округом Ункратль и над Гакваринским ущельем поставил имам Микаиля Гакваринского.

Над багвалинцами поставил имам кванадинца Умара – сына Басхана.

Над Тиндинским округом поставил он тиндинца Хаджиумара –

источники.

Термином «переводчик» (*тилмач* авар. < тюрк.) обозначено в тексте Иманмухаммада, скорее всего, особое лицо. Занимаясь, главным образом, переводами с аварского на русский и обратно, оно громогласно озвучивало (для собрания воинов или массы) устные приказы имама, говорившего, согласно этикета, тихо.

Когда *генеральша* М.Н. Чичагова увидела имама Шамиля, тому было под 70 лет. Он был тогда, все равно, «высокого роста», – на фоне рослых русских дворян – «атлетического сложения... с правильными чертами лица». Поэтому Чичагова сочла себя

сына Турулава.

Что касается харахинцев, оротинцев и тлохцев, то они тогда находились как бы в промежутке. Означает же это то, что когда приходил какой-либо приказ от эмира Аваристана, то они – харахинцы, оротинцы и тлохцы – подчинялись ему, а когда приходил к ним приказ от имама Шамиля, то повиновались они уже ему.

Так вот теперь над этими людьми, что названы выше, и над жителями еще тех селений, которые расположены вокруг, назначил имам правителя. Сделан был таковым его старый товарищ – храбрец Мухаммадамин Харахинский.

Над Буртунайским округом назначил Шамиль тогда чиркеевца Хаджиява – сына Шахмандара.

Над Салатавским (*Салато*) округом назначил имам другого чиркеевца. Был это некий Исмаил – сын Джамала.

Данный акт оказалось, однако, неприятным для чиркеевских мухаджиров. Последние стали тут говорить: «Имам Шамиль предпочи-

вправе высказаться так: в «молодости» Шамиль «должен был быть *поразительно хорош*». Мало того, она приводит в своей книге характеристику, данную имаму одним из контактировавших с ней (?) дагестанцев. Оказывается, «*Шамиль отличался*» в молодые годы «*белизной лица, тонкостью кожи, замечательной красотой руки и ног*».

*Наиб Шамиля
(худ. Г.Гагарин)*

Согласно шариата, выходы за «границу»,

тает ныне *лицемеров*, вместо того, чтобы выбирать нужных людей из числа мухаджиров. Неужели делает он это потому, что отец Исмаила Чиркеевского, носящий имя Джамал, действует против нас в настоящее время – совместно с русскими?». На эти слова ответил имам Шамиль чиркеевским мухаджирам так: «Я назначил Исмаила наибом Салатавии совсем не потому, что считаю его *тарикатистом*. Поступил я так, потому лишь, что *язык собаки* – как говорят в народе, – *может служить лекарством, для того, кого она укусила, и излечить, таким образом, рану, которую она сама же и нанесла*».

[под строкой написано: *Над Аухом (Главухъ) назначил Шамиль наибом Ташава-хаджи Эндиреевского. Этот человек также входил в число мухаджиров – Т.А.*].

Над округом Чеберлой (*Чарбиял*) назначил Шамиль наибом Митльрика-Муртазаали Чиркеевского. Сделать это имам сумел, однако, лишь после того, как *измельчил* он чеберлоевцев, а затем

которую обозначил Аллах текстом Корана, «не могут быть прощены». Наказание тут обязательно.

Русские документы также говорят о том, что Шамиль-имам, подойдя к Унцукулю в 1843 г., «посылал» туда своих приверженцев – для ведения агитации. Они призывали унцукульцев переходить на сторону Имамата.

Надгробие Хаджиява Чиркеевского, сына Шахмандара

По русским источникам XIX в., часть жи-

ещё и *перемолол*.

В соответствующее время был взят войсками имама Унцукуль и, причем, разрушили они тогда крепость неверных, которая стояла там. Взяты были ими также и те крепости, принадлежавшие неверным, которые возведены были вплоть до Зирани – начиная от Хунзаха.

Известия обо всем том, что произошло при Унцукуле, а также о других победах, дошли вскоре до жителей ряда округов. Они достигли их ушей. Находились же в числе таковых следующие единицы: округ гидатлинцев (*гьид*), Карах (*Къаралал*), Тлюрутль-мукх (*Къурукъ мукъ*), Анцух (*Ансухъ*), Андалал (*Гандалал*), Тленсерух (*Къенсер*), Антль-ратль (*Анкъ-ракъ*), Таш и Цунта (*ЦунтIа*). Когда узнали они – гидатлинцы, карахцы, тлюрутль-мукхцы, анцухцы, андалальцы, тленсерухцы, антль-ратлинцы, ташцы (*ташал*) и цунтинцы – о том, что упомянуто выше, то у *лицемеров*, из числа их, сердца как бы подлетели в воздух; сила их превратилась тут в пыль. Данная человеческая катего-

телей Унцукуля, «напуганная» (1843 г.) агитаторами, еще до начала его осады «явно клонились» на «сторону» имама Шамля.

Генеральша Чичагова М.Н. пишет, во 2-й половине XIX в., причем со ссылкой на одного из находившихся в Калуге (?) дагестанцев, что «речь» Шамля – даже в годы его молодости, – была «поэтична и увлекательна». Из «глаз» имама суннитов Кавказа «брызжет» в нужных случаях «огонь», при том, что в других случаях «из уст» его «сыплются розы».

В XVIII в. унцукульцы и жители близлежащих аварских селений имели достаточно сильное

рия, то есть лицемеры, готова, вроде бы, уже была к тому, чтобы бежать из родных мест. Так бы они, наверное, и поступили, если бы только нашли помощников себе, но более сильных, чем Аллах!

Поэтому перечисленные выше единицы, — Гидатль, Карах, Тлюрутль-мукх, Анцух, Андалал, Тленсерух, Антль-ратль, Таш и Цунта — причем вместе со своими лицемерами, и обратились тогда с просьбой к Шамилю. Суть ее заключалась в том, чтобы ввел бы имам их под крыло своей милости и, наведя у них порядок, включил бы их в число своих подданных (*таби*). Шамиль принял эту просьбу — исходила она, как уже отмечалось, от гидатлинцев, карахцев, тлюрутль-мукхцев, анцухцев, андалальцев, тленсерухцев, антльратлинцев, ташцев и цунтинцев — и произвел тогда же соответствующие назначения.

Над гидатлинцами назначил Шамиль правителем телетлинца Кебедмухаммада (*Къебед...*).

Наибство в Андалале вручил он

войско, числом примерно в 4000 воинов. Эта горская сила получила тогда известность, воюя против иранцев (в том числе в ходе знаменитой Андалальской битвы), против грузин и против азербайджанцев.

В армии Имамата было тогда три, как минимум, пушки.

Это был отряд подполковника **Веселицкого**, являвшегося на тот момент командиром батальона и, одновременно, начальником Цатанихского гарнизона.

Русские потеряли в том бою примерно 360 чел. убитыми. «Спаслось» из указанного в тексте отряда «только несколько человек». Это были люди, которые смогли переправиться «вплавь через

Инкав-хаджияву
(Гинкъав - ...).

Над Тлюрутль-мукхом, — не включая тут, правда, Голотль (Гъакъал), — а также над Ассабом (Гассал), Тлянубом (Лъанал), Цекобом (Цеклал) и Ратлубом (Ригъикъ), поставил тогда имам одного человека. Это был мулла (кади) Шуаиб Батлукский.

Над карахцами поставил имам Умариль Мухаммада Карахского.

Над Анцухом поставил Адалава Анцухского.

Над цунтинцами поставил Ибрахима Мококского (Мокъокъ).

Над Антль-ратлем и Ташем поставил Шамиль катехского (Китлихъ) мухаджира по имени Мухаммадали — голодинца (гъолода), который был сыном Батрака (БатIракъ).

Над Тленсерухом поставил тленсерухца Абдуллу Нукушского (Нукъуш).

После всего того, число шамилевских набов поднялось до тридцати пяти человек. Так получается, если считать следующим образом:

Чохскому Аварскую Койсу».

Шатели — селение в Хевсуретии, в той части верховий Аргуна, которая является ныне частью Грузии. Шатильцы XX—XXI вв. считают себя грузинами и говорят только лишь на грузинском языке.

Галгайцы — горные ингуши, обитатели верховий р. Асса.

Хевсуры — часть горных грузин, которая обитает у истоков р. Аргуна, а также на прилегающих грузинских землях.

Вапийцы — нахцы, то есть чечено-ингушское племя («Вапи», по-осетински «Макарл»), которое обитает, как писал в XVIII в. академик И.

начиная от наиба Чупалава Ачан-
нийского и вплоть до наиба Абдул-
лы Нукушского.

*Наибы имама Шамиля
(после августа 1859 г.)*

Всего же получили назначение
от имама — за всю шамилевскую
эпоху — сто пятьдесят два наиба.
Были среди них, причем, как такие
мужи, которые происходили из пре-
делов государства (*мамлака*) Ша-
миля, так и мужи из числа *мухад-
жиров*. Да помилует их всех Аллах!

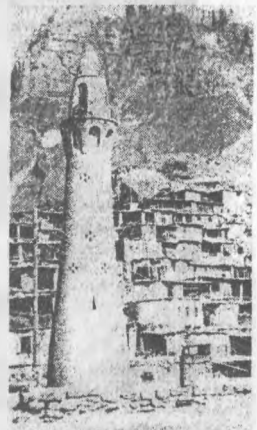
А. Гильденштедт, в
горной части правобе-
режья Терека, по бере-
гам одной из бурных
рек, впадающих в
последний.

Акко — горная часть
Малой Чечни, праро-
дина большинства да-
гестанских ауховцев.

Этот Саадулла-
наиб зафиксирован в
русских письменных
источниках XIX в.

Это — Мухаммад-
мирза Анзоров, за-
фиксированный в рус-
ских и арабских ис-
точниках эпохи Кав-
казской войны.

Черкессия — совре-
менная Кабарда.

Минарет в с. Батлух

Каранай – аварское селение Буйнакского района РД, где жили аристократы-карачи, считавшие себя выходцами из Хунзаха.

Чанкаали – зафиксирован и в иных письменных источниках.

Названный гоцатлинец Мухаммад – сын Худаната – известен из письменных и устных источников. Принадлежал он к местному аристократи-

ع كمان الی كمانا چاوان دوشی

قسم	نمبر	منازل	اشخاص	منازل
قسم شيخ ناشي كمانا	1	100	230	550
قسم مشايخ ناشي دلو د مجيد	1	400	250	450
قسم كمانا ناشي كمانا	1	240	270	580
قسم اوج ناشي كمانا	1	200	240	500
قسم مسعود ناشي كمانا	1	140	170	300
بيان سكان الجبل من الجبل وقرى وقرى وقرى	0	860	1420	2270
قسم شيخ ناشي كمانا	1	200	100	750
قسم مشايخ ناشي كمانا	1	200	200	500
قسم انظر ناشي كمانا	1	140	220	470
قسم مشايخ ناشي كمانا	1	100	240	280
قسم جمال ناشي كمانا	1	100	200	400
قسم محمد ناشي كمانا	1	200	270	570
قسم يحيى ناشي كمانا	1	200	250	450
قسم محمد ناشي كمانا	1	200	200	500
قسم ابراهيم ناشي كمانا	1	100	200	300
قسم محمد ناشي كمانا	1	250	200	450
بيان سكان الجبل من الجبل وقرى وقرى وقرى	0	2410	2140	2950
قسم شيخ ناشي كمانا	1	100	250	500
قسم مشايخ ناشي كمانا	1	100	250	500
قسم محمد ناشي كمانا	1	200	250	500
قسم ابراهيم ناشي كمانا	1	200	250	500
قسم محمد ناشي كمانا	1	100	150	250
قسم محمد ناشي كمانا	1	250	200	450
قسم محمد ناشي كمانا	1	200	270	550
قسم محمد ناشي كمانا	1	100	250	500
قسم محمد ناشي كمانا	1	200	250	500
قسم محمد ناشي كمانا	1	100	250	500
بيان سكان الجبل من الجبل وقرى وقرى وقرى	0	2470	2190	2970
قسم شيخ ناشي كمانا	1	140	180	400
قسم محمد ناشي كمانا	1	200	200	500
قسم محمد ناشي كمانا	1	100	200	300
قسم محمد ناشي كمانا	1	100	200	300
قسم محمد ناشي كمانا	1	250	200	450
قسم محمد ناشي كمانا	1	100	200	300
قسم محمد ناشي كمانا	1	200	250	500
بيان سكان الجبل من الجبل وقرى وقرى وقرى	0	1490	1420	1770

Список наивов Имамата в 40-гг. XIX в.

*Орден имама, данный наибу,
Абакархаджи Акушинскому*

Когда был на глазах имама Шамиля захвачен город Унцукуль, а русская крепость, которая стояла там, была разрушена, – произвели это, причем с применением соответствующей силы (*анва*), – то издан был приказ. Согласно ему, обязал тогда имам унцукульцев:

во-первых, кормить (*тарбийя*) все его войско в течение трех дней;

во-вторых, приказал Шамиль унцукульцам, чтобы собрали бы они с каждого дома по одному тюку травы и по одной мерке (*кайл*) муки, а также выдали бы они его воинам трех быков;

ческому роду, претендовавшему на происхождение от Аббасидов кумухского корня.

Асса – река, протекающая по территории Ингушетии и впадающая в Сунжу, с правой ее стороны. Нахское, то есть чечено-ингушское население, обитавшее по берегам Ассы, считалось традиционно, поданными Кабардинских князей.

*Наиб имама Шамиля
(Мухаммадамин
Гонодинский)*

Карта государства Имамат

*Наиб имама Шамиля
(чеченец Идиль, с рис.
XIX в.)*

в третьих, приказал Шамиль унцукульцам, чтобы провернули бы они то, что сказано выше, привлекая своих собственных ослов;

в четвертых, чтобы унцукульские мужи находились бы вместе с войском имама – куда бы последнее не развернулось.

Наибом над унцукульцами назначил Шамиль тогда Махаджиява Кудутлинского (*Къудукья Махла...*), но также определил он на ту должность (*вазифа*) и одного унцукульца. Был таковым некий Кебед-хаджияв (*Къебед-хIажияв*).

Тут один из унцукульцев (*ан-*

*Наиб имама Шамиля
(Курбанилав Бацадинский, в центре)*

Назрань – местность в современной Ингушетии, где стоит г. Назрань.

сал) сказал вдруг имаму Шамилю: «Почему ты творишь насилие по отношению к нам? Почему ты – о, Шамиль! – обременяешь нас этими тяготами? Мы, между прочим, расцениваем это как несправедливость (зулм), исходящую с твоей стороны».

Лицо имама, когда услышал он данные фразы, покраснело. Он разозлился и сказал: «Эй, мужик! Ты кто будешь –?». Унцукулец ответил: «Я такой-то, сын такого-то».

После произнесения этой фразы, стал данный унцукулец, отвернув лицо своё от Шамиля, смотреть на тех, кто стояли вокруг [послед - ?] него. Имам сказал тут: «Вы разве не слышите того, что говорит этот человек? Да если бы он не был тем, который лезет всегда вперед, то я показал бы ему, приведя соответствующие оговорки, что такое несправедливость».

Так вот слушайте! Унцукульцы являются моими соседями. Это – по той земле, которая принадлежит нам, то есть гимринцам. Данная причина, в свою очередь, создает

Дибир Инквачилав

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

между мной и ими родство, причем, реальное, а также – особую близость. Не взирая на это, однако, они, – то есть унцукульцы, – после организации однажды небольшой вечеринки, отдалили меня от себя. Поступили они так, сказав следующую фразу: «Не должно быть прикосновения к этому человеку». Мало того, постарались они тогда сбросить меня в какую-то яму, а также – разрушить фундамент мусульманской религии.

instituteofhistory.ru

Шамиль на молитве перед боем, в конном строю его муртазеки (XIX в.)

Так в какую же сторону был я тут направлен –? Там – как вы понимаете, – налицо были явный вред и козни, исходившие от унцукульцев. Так в каком же месте я, в конце концов, присел –?

Да и вообще, злые дела и хитрые уловки этих унцукульцев возымели завершение свое тогда лишь, когда крики их ослов – тех, которые привезли тогда на Ахульго провиант для неверных, а также их вещи (*мата*), – забили мне все уши. Получилось так, что я, находясь там, не мог слышать грохота русских пушек!

А вот теперь, когда приблизили меня к ним чуждые для их города силы, – те, которые подняли меня к небесным облакам, дав, таким образом, надлежащее могущество, – совершен мною шаг. Учиняя некоторое насилие, я отклонил в сторону – согласно своему, причем, желанию, – *волшебных коней, которые несут предопределение и судьбу*, и, как результат, стало тесно тут на *бескрайних просторах пустынь и в окружающем нас космосе*. Случилось же все это из-за моих полков, разбросанных повсюду.

Я, Шамиль, захватил ныне город Унцукуль, хотя и был я к данной акции, по сути дела, принужден. Не является тайной для вас,

Мухаммадтахир Карахский – историк Шамиля (XIX в.)

*«Шамиль в кольчуге, в шлеме – как-будто закованный в железо, вышел за пределы Ашильта».
(Мухаммадтахир Карахский)
(XIX в.)*

моих собеседников, также и то, что вызвала она у унцукульцев чувство ненависти ко мне.

Я, при всем том, закрыл глаза свои на мерзкие поступки мужчин и женщин Унцукуля. Дело в том, что я пытаюсь ныне возродить ту родственную близость, которая размота была ранее прыжками этих унцукульцев – совершенными в ненужные стороны, а также их ненавистью.

Я, Шамиль, однажды сказал этим унцукульцам: – также, между прочим, как сказал в свое время посланник Аллаха, да будут над ним молитвы и приветствия! – «Вы люди веселые, в поведении своем ничем не связанные». Унцукульцы же меня привязывают из-за этого к понятию несправедливость и к возникшим ныне волнениям. Нельзя ведь, однако, ожидать, что тень будет прямой, притом, что дает её кривая палка. Аллах, Аллах! Я, Шамиль, ищу у него прощения – как лично для себя и для этих унцукульцев, чей город я захватил, так и для всех мусульман. Делаю я это из

Русские солдаты на Кавказе (XIX в.)

Шамиль-имам и его телохранители (худ. Е. Лансере)

للعالم العلماء انهم لم يروا قريش في مكة

علم بانها الدين ارشدت الله الى دهنه المشين ان دياره غلبت دار نشته
 وقت دو قتل ونهب وغنائم وشادهم جميع اهلها فدخلت طاعة احد محبين
 بجايته محروكين تحت رايه وريشه بل كان في كل قريشه ميثق ورسيا جكرنا بالرم
 الخلف للشرعية الغرل ولم يكن لهم حافه للامانة من الظلمة للمظلومين وناش
 الانجاب للغرل وانسابهم ولا يسيل الى شكايه رجل الى احد من غير نية فلو كان
 من صدين على احد من غير نية لا يوده اليه الي ان يأتي احد من قريشه من عليه الدين
 الى قريشه من له الدين ويترول به على مضعفه ولما ارشدك طريقه ويبلغ الى فاخذ
 الى التملك باخذ من له الدين منه مثلا وكفله ويقول له اني دينا على ذمركم
 فلان قد هب ذلك الواحد الى قريشه وعاشرك مكفله مثلا في هذا اخذت نية
 اسكوا الى رسا قريشه فيحضرون لديهم ذلك المدينين وبارؤونه ان ياتي بالملك
 الذي اخذ لاجل نصيبه وتكفله فلم يكن له مجال من ان يشره المكفله باء او
 ما عليه لدايته او ياتي بالدين ايله الجمعه الى قريشه مدينه وينزل على نسب
 الغرل في تلك القريشه على وجه الضمانه ويختصي بذلك الى ان يجمع الجماعة المسجد
 لصلوات الجمعه في هذا فعل السج والجماعة في انصلاء ف يرجع الى بيت المصنف
 ببعض نعال الجماعة في حين فرغ من الصلاة ولم يجردوا نعالهم يتخصون عن
 ثيابنا فيقول مضعفه ان في بيتي فلانا من قريشه فلان يسه ويوبول له له على ذمته
 رجلا فلان دينا فعله اخذ نعالهم في يوم الجماعة على ذلك الرجل الذي عليه
 له وفي ان يشره نعالهم باء ما عليه له ان كان مغرلا والباقيتم دعوا وباد
 ما ياتي القاعد بين يصل المظلوم الى مضعه والالم يكن في قريشه في اغتسان من
 يسكن المظلوم عنده بالكانا القريا الكبار والبلدان بظلمون من هو اليهم من
 القريا القناب والارباغ ويهتفون بهذا حيث مشاوا وقد كان في قريشه

ذلك

уважения к нашему Господу и к господину всех пророков»?

Итак, Унцукуль был завоеван войсками имама, с приложением тут, что немаловажно, соответствующей силы. Крепость же неверных, которая упомянута выше, подверглась тогда разрушению.

После этого дал имам Шамиль разрешение войти к нему, сделав сказанное: по отношению к видным лицам из числа унцукульцев. Были же тогда в числе их следующие ниже личности: Кебед-хаджияв, который являлся на тот момент русским офицером (*аписар*); ученый Али-хаджи, о котором сказано в данной связи, [но под строкой - Т.А.], что когда *покойный ныне Хусайнид, носивший имя Мухаммад, был учеником в Унцукуле, то ходил он к данному лицу, то есть к Али-хаджи, для того, чтобы читать книгу под названием Хадаик, опираясь на текст которой, проводил последний для него соответствующие уроки; ученый Хусайн-хаджияв;*¹⁹² ученый, который был известен как Шабанкади.

وكانه بعد هربه الى الروم نائبا واميرا على كافة نواب خيلك محمد بن
 هذيل بن النخعي وكان ظلوما غشوقا فسيهي في ارضهم بالفتاد ومن
 ظلمه لعيند وقبوره الشديد اية الشاغل امره قدامه فقتل كل بالغ منهم
 ومثله وانفذ دماهم وسفك دمهم اذ رجع ارضهم من ملكة الروم
 عزليه الامام وجدد نياحه ارضهم في كتابه ثانيا وكنت لم يزل الامام
 يحن اليه الى ان اهلكه ولي غازي محمد بالغا اياها برحلة رفاشه في
 شهر نيران يقال له غايه قضى ببلد مغفورا وكان الله عليهما مغفورا
 بعد ان اضر ما ردنا نخله وتلخيصه من تاريخ هذا العالم المبني
 ببيع ذرية امام محمد ولد قد لفضل محمد السدي ولم ننقل من جامع
 غزوات ذلك الامام المجاهد الغازي شريك ورفاقه قديرا لانا في
 تاريخ الحنفية الطائفة محمد طاهر الغزالي المذكور باوض وانها مما هبنا
 وكنت ذكرنا بعض ما اهلته ومنه الغزوة التي وقعت في سنة ١٩٥
 ذكرنا ما يجله ما وجدنا فيه كون ذلك الحنفية اتمل ذكرها بالكلية
 مع اشارة مشهورة بيننا فهذا والسلام الى اخوان الدين من هذا الغزوة
 النافل المستنم السبب الحاج محمد بن السيد غازي محمد السهلي
 الحسيني غزواته ولوانديه ولجميع من ذكر في هذا التاريخ من النواب
 وجهوشهم المجاهدين ولذنبك العالمين المؤثرين ورزقنا ومن
 اراد الصلوة والحق بركة منى لائمة الثلثة المجدد غازي محمد وجزء
 الشهيدنا والامام الاعظم الغازي شريك وسمى من ايمان لهم في اعزاز
 دين الاسلام والحمد لله رب العالمين امين وكتبه ١٩٥
 بيد شيخنا محمد الحسيني السهلي الانواعي تذكروا

له كتب لم

علم الدين ابو بكر الشيعلوي
 وفقه الله تعالى

Пришли все они к Шамилю с выражением покорности. Находились тогда перечисленные унцукульцы – офицер Кебед-хаджияв и три ученых, которых звали Али-хаджи, Хусайн-хаджияв и Шабанкади – в состоянии, причем, подавленности, боясь упреков со стороны имама. Они были тогда прямо таки охвачены стыдом.

Когда подошли перечисленные выше унцукульцы к шатру Шамиля, к ним он не вышел. Мало того, в течение примерно часа к имаму их также не вводили, давая, таким образом, знать, что они, то есть все эти четыре лица, находятся ныне в состоянии унижения и позора. Затем, однако, Шамиль все же организовал заседание для пришедших к нему унцукульцев; ими были, как уже говорилось выше, один русский офицер, Кебед-хаджияв, и три ученых, которых звали так: Али-хаджи, Хусайн-хаджияв и Шабанкади. Тогда же призвал он и своих *товарищей* – видных ученых, а также своих *наибов*, представленных мужами, которые были *свободны* духом

*Битва в горах в 40-е
годы XIX в.
(XIX в.)*

(? – Т.А.).

Устами *переводчика* приказал Шамиль тут всем, кто явился к нему, будучи призваны на заседание, чтобы они расселись. Затем он сам вышел к ним.

Имам Шамиль был подобен тогда полной луне. К тем видным унцукульцам, которые находились перед его шатром, подошел он без всяких приветствий и каких-либо благопожеланий. Затем сел он между ними, держа рукой за свой чуб, и замолчал. Продолжалось это в течение достаточно долгого времени.

В конце концов, повернул Шамиль лицо свое к Кебед-хаджияву, при том, что образовал он на лбу своем, как бы узелок, свидетельствующий о гневе и ярости. Дело, в том, что Шамиль тут представил себе: все то, что случилось в прошлом – то, что уже ушло. Затем он сказал: «Я подобен мускусу. На той земле, которая не является вашей, я исчезаю сам по себе, но находясь рядом с вами, я все вокруг уничтожаю!»

После того Шамиль сказал:

«Эй, Кебед Унцукульский! Вы обьязаны были – тогда, когда расположились мы на вашей земле, – вступить в сражение с неверными, которые построили крепость в вашем селении. Вы должны были делать это до тех пор пока не искорените их, но, как говорится: тот, кто долго сидит в клозете, не чувствует запаха испражнений.

Вы, унцукульцы, сделали этих неверных своими близкими людьми, а в *Коране* – между прочим, – говорится: «Вы перешли ныне все границы и, таким образом, выходите из повиновения Аллаху».

Есть в *Коране* и такой аят: «Не делайте людьми близкими тех, кто является Моим и вашим врагом». Вы же, унцукульцы, от данной позиции отвернулись и, таким образом, погрузились в пучину мятежей. Как результат, превратились вы в тех, которые будут видеть: как их давят, – вместо того, чтобы видеть победу.

В отношении таких людей как вы, унцукульцы, существует следующий коранический текст: «Жи-

*Русские в Казикумухе
(XIX в.)*

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ло село спокойно. Отовсюду поступали туда жизненные блага, но тут встало оно на путь неверия, не признавая божественных милостей. За это поведение надел Аллах на жителей данного селения одежду, сотканную из страха и голода».

Итак, я, имам Шамиль, направил вам в начале благородных ученых, которые должны были прочитывать вам соответствующие аяты, идущие от всезнающего Владыки, а также хадисы Его посланника, — да благословит его Аллах и да приветствует! — но, увы! Согласились тогда вы, унцукульцы, лишь на то, чтобы сражаться со своими братьями по религии — делая это, причем, до тех пор, пока не будете вы в глазах народа такими же, каким раньше увидели его вы сами. Одни из вас, как результат такой позиции, погибли ныне, а из числа нас, ваших братьев по религии, вышло, соответственно, некоторое количество мучеников. Сколько же людской крови, которая является, — как известно, — фактором для чужака запретным, пролито ныне на унцу-

Воин Имамата
(XIX в.)

кульскую землю. А ведь произошло это из-за неправильных, можно даже сказать, плохих убеждений, засевших в сердцах ваших ученых! Сколько же всего запрещенного для нас Аллахом нарушено нами! – ради того только, чтобы попортить ваши тайные, унцукульские, намерения, касающиеся, причем, вас же самих. Прав был – клянусь! – поэт Абу-Таммам, когда сказал:

Меч дает гораздо больше информации, чем книги. На лезвии его обозначена ведь граница между серьезностью и игрой.

Так закончились упреки имама Шамиля, высказанные по адресу унцукульцев, которые пришли к нему во главе с Кебед-хаджиявом после падения их города.

Тут следует обратить внимание на то, что унцукульцы и русские находились тогда в согласии друг с другом – в словесном, по крайней мере, ибо была уже – и в радости и в горе – расколота между ними обоими... Мало того, в центре города Унцукуля стояла в это время русская крепость.

*Воин Имамата
(Юнус Чиркеевский,
известный сподвижник
Шамиля
XIX в.)*

В том году, когда встал имам Шамиль лагерем на унцукульской территории, находились там, вместе с ним, понятно, и войска. Были они сформированы из андийцев, гумбетовцев, технуцальцев, каратинцев, чамалинцев, багвалинцев и ункратлинцев.

Шамиль, первым делом, отправил к унцукульцам ученых мужей своего войска, чтобы попросили бы они последних прийти к нему – к имаму – и добровольно подчиниться. В ответ же на поучения, которые пошли из уст тех ученых, обращенные к унцукульцам, последние нагубили им. Этим представителям войска Шамиля они сказали: «С нашей стороны увидит сейчас названный вами смутьян, – гимринец по имени Шамиль, который все вокруг портит, – только одно. Это будет сабельный бой, а не пустой обмен словами!»

После того как данные фразы довели те ученые до имама Шамиля, перешел он к действиям. Подстрекнув соответствующим образом воинов своих, направил их имам на

*Русские и их
сторонники
(XIX в.)*

Унцукуль, а также на имеющуюся там русскую крепость. Он, причем, сказал этим воинам – андийцам, гумбетовцам, технуцальцам, каратинцам, чамалинцам, багвалинцам и ункратлинцам: «Вступите в бой с унцукульцами. Сражайтесь с ними, ибо они – даже более чем неверные тушинцы, – достойны того, чтобы проливали их кровь мусульмане».

Воины Шамиля, окружив город унцукульцев и, таким образом, подвергнув его осаде, стали искать затем пути к взятию его. Этим же занялись они тогда в отношении еще и русской крепости, которая находилась на краю названного *города*. Воины имама – андийцы, гумбетовцы, технуцальцы, каратинцы, чамалинцы, багвалинцы и ункратлинцы – щедро отдавали тогда души свои ради дела Аллаха. Поступая так, они, – действуя тут с внешней стороны города, – засыпали Унцукуль дождем из пуль и ядер. Что же касается унцукульских храбрецов, то они также разожгли тут огонь войны, действуя, однако, с внутренней стороны своего города.

*Русские солдаты
в марше
(XIX в.)*

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Усердно старались воины Шамиля, которые перечислены выше, показать в бою силу свою. В конце концов, они таки проявили её.

Обе названные группировки, то есть унцукульцы и воины имама Шамиля, продолжали оставаться в том же положении, что описано выше – под дождем пуль и ядер, в огне кипящей войны. Сражение, которое имело место между ними, таким образом, не прекращалось.

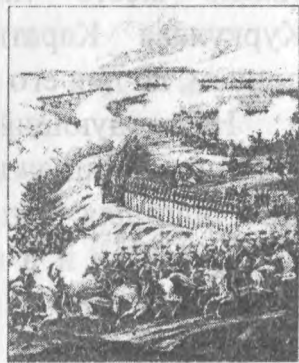
В какой-то день появились вдруг русские – со стороны Хунзаха (*Авар*). Они продвигались оттуда для того, чтобы оказать поддержку жителям города Унцукуля, а также – дать помощь тем неверным, которые охраняли вышеназванную крепость. Что же касается тут имама Шамиля, то он направил к Унцукулю своего наиба Куркулава (*Къуркъулав*), которого называли Каратинский. Сделано было это для того, чтобы данный кровожадный лев – действуя при помощи своего войска, – оказал бы противодействие русским, которые шли тогда со стороны Хунзаха.

*Наиб Шамиля
Халид Каратинский
(XIX в.)*

С приходом упомянутого каратинца, то есть шамилевского наиба Куркулава, неверные, которые шли тогда от Хунзаха к Унцукулю, обратились в бегство. Они показали тут воинам Куркулава свои спины. Последние же начали рубить этих неверных саблями и продолжалось это до тех пор, пока не был убит последний из числа их. Никто из них, — тех, кто продвигались со стороны Хунзаха, не сумел выскочить с отмеченного побоища.

Вечером того же дня наиб Куркулав возвратился к имаму Шамилю. Его воины тащили, при этом, добытые трофеи — оружие, которое было снято с неверных, а также их пушки, причем вместе с ядрами и порохом. Имам, при виде этого, поцеловал Куркулава в лоб, — между глаз — а затем сказал данному наибу, который был подобен свирепому льву, следующие слова: «Как же похож был блеск сабель ваших, подобных лучам солнца, которые обнажали вы сегодня, на блеск сабель товарищей Халида. Я имею в виду здесь Халида ибн Валида, — да бу-

Боевой порядок русской армии на Кавказе (XIX в.)

дет доволен им Всевышний! – того, которого в день битвы при [сирийском - ?] Окопе назвали мечом Аллаха, обнаженным против неверных. Ты, – о, наиб Куркулав! – воистину, наиболее достоин сравнения с тем Халидом ибн Валидом – воителем ревностным в атаках. Да будет доволен Аллах этим Халидом! Ты – о, наиб! – больше всех ныне заслужил данное имя!

В тот день дал имам Шамиль Куркулаву Каратинскому второе, таким образом, имя – *Халид*. Под ним, то есть как Халид, и был известен этот каратинец позднее. Имело место такое именование Куркулава Каратинского вплоть, причем, до дня его смерти.

На следующий день появились вблизи от Унцукуля русские, которые шли для того, чтобы оказать помощь. Как и в предыдущий раз, двигались они в направлении названного селения из Аваристана. Что же касается имама Шамиля, то направил он против этих русских наиба Чамалала, предварительно подбодрив его соответствующим

*Эпизод боя на Кавказе
(худ. А.Дмитриев-Кавказский)*

Оружие Хаджар-дибира, наиба Шамиля

образом. Был же этим наибом тогда Хаджар-дибир Гигатлинский – уникальная личность своей эпохи, детеныш славных ученых, испытанный в деле храбрец.

Названный неустрашимый ученый выступил тут против русских, которые продвигались тогда в направлении Унцукуля. Сделал Хаджар-дибир данный шаг вместе со своими воинами – чамалинцами. Сопровождал же его тогда наиб Микаиль Гакваринский, управлявший округом Ункратль и Гакваринским ущельем, – ревностный в делах человек, храбрый как рыкающий лев – и воины последнего.

Оба наиба, которые названы выше, то есть Хаджар-дибир Гигатлинский и Микаиль Гакваринский, выполняя тут поручение имама Шамиля, выступили из-под Унцукуля, вместе со своими воинами. Шли они не обращая, причем, внимания на приближавшихся к ним неверных, как говорится: *прикрыв веки глаз своих*. Затем, однако, ринулись на последних эти двое – Хаджар-дибир вместе со своими

чамалинцами, и Микаиль. Выглядели они тогда подобно соколам. Налетали так, как нападают те на обычных птиц. Как результат, два названные сборища, то есть воины наибов и русские, встретившись в некоем месте, смешались между собой.

Через какое-то время русские, которые двигались к Унцукулю со стороны Аваристана, почувствовали свою слабость. Терпение у них стало исчезать. В результате оказались эти русские разбитыми, в конце концов, на отдельные группы, а вскоре уже и раздавленными. Они повернули тут задницы свои, а мусульмане – воины Хаджар-дибира Гигатлинского и Микаиля Гакваринского – стали преследовать их с саблями в руках и, наконец, заставили вкусить горечь смерти.

Вечером того же дня оба наиба, Хаджар-дибир Гигатлинский, правитель Чамалала, и Микаиль Гакваринский, правитель Ункратля и Гакваринского ущелья, вернулись к имаму Шамилю. В руках у них были тогда трофеи – снятые, причем, с

убитых ими неверных, личное оружие последних, а также их пушки, вместе с определенным запасом пороха.

Имам Шамиль вышел тут на встречу Хаджар-дибиру и Микаилу. Передвигался он пешком, показывая, таким образом, что эти два наибо дороги для него! Выказывая им обоим своё уважение, произнес он тогда, причем, следующую фразу: «Если хорошенько потерять кинжал о пробный камень, то чистота его металла станет видной, несомненно, почти для всех. Точно так же о качестве сабельного клинка узнают, в первую очередь, в тесном бою – в том, который ведут настоящие мужи, имеются в виду придерживающиеся единобожия и сражающиеся, при этом, против многобожников».

В один из тех дней, когда имам Шамиль стоял вблизи Унцукуля и осаждал его, произошло небезынтересное событие. Столкнулись в унцукульских садах две личности. Одной из них был некий Тутумилав – человек, которого считали тогда

*Имам Шамиль
(XIX в.)*

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

львом селения Унцукуль, а в качестве другой личности явил себя вышеупомянутый наиб Микаиль Гакваринский – человек в своих делах ревностный, правитель Ункратля и Гакваринского ущелья. Вместе с последним был там, следует отметить, его опытный *товарищ* Мухаммад Гигатлинский, храбрец – сын Ханикал Умара.

Тутумилав Унцукульский и Микаиль Гакваринский принадлежали к числу наиболее кровожадных личностей того времени, любящих бесчестить другого человека. Они оба были тогда в числе наиболее усердных убийц и губителей человеческих душ. Поэтому при встрече, которую считают имевшей место в унцукульских садах, бросились эти двое друг на друга – с саблями в руках.

Что касается конкретно Тутумилава Унцукульского, то он ударил там Микаиля саблей своей по темени. В результате, содрал он большую часть кожи с головы этого гакваринца и как бы спустил её к затылку. Микаиль тут упал, потеряв

– от такого удара – силу воли, а Тутумилав залез на грудь к этому человеку, наибу Шамиля – назначенному управлять Ункратлем и Гакваринским ущельем. Поступил он так с намерением: убив упавшего Микаиля, отрезать ему голову.

На Тутумилава Унцукульского напал тут, однако, *товарищ* Микаиля, который известен, как Мухаммад Гигатлинский. Был последний, кстати, сыном Умара. Итак, гигатлинец Мухаммад ударил саблей своей по плечу Тутумилава, который сидел тогда на груди у Микаиля Гакваринского, и, как результат, оказалась у того разрубленной главная вена. От такого удара, в свою очередь, Тутумилав – свирепый человек подобный льву – перестал вскоре двигаться и даже стоять.

Гигатлинец Мухаммад, – сын Ханикал Умара – лишив убитого им Тутумилава одеяния, а также его оружия, повернул затем из унцукульских садов и двинулся назад. Что же касается раненного наиба Микаиля Гакваринского, то тащил

его тогда этот Мухаммад – с названного выше места, где произошла битва со «львом» Унцукуля, – на спине своей.

После всех описанных здесь событий, возвратились воины имама в обители свои. Что же касается раненного наиба Микаиля, которого имам назначил управлять Ункратлем и Гакваринским ущельем, то его, в конце концов, принесли тогда – при помощи носилок – на площадь (*саха*) Гигатля. Тут, однако, этот раненный наиб отправил весточку к Мухаммаду Гигатлинскому – к человеку, который убил того, кто нанес рану этому гакваринцу, – и стал требовать от него одежду и оружие, которые снял тот с убитого Тутумилава. Микаиль утверждал, при этом, что последнего убил именно он.

Что касается Мухаммада Гигатлинского, то он – услышав те речи Микаиля, – бросил вниз одеяния Тутумилава Унцукульского, которые являлись трофеем, а также его оружие, и произнес фразу. Суть ее была такова: «Даже задница Ми-

кайя Гакваринского знает, кто именно убил унцукульца Тутумилава».

На следующий день произошел уже другой бой. Имел он место между войском наиба Хаджимурада, с одной стороны, и жителями селения Унцукуль, подобного городу, — с другой. О данном бое, кстати, сказать можно, в первую очередь, то, что самим Хаджимурадом — храбрецом подобным льву, а также войском его, предан был убийству унцукульцев характер, по настоящему, отвратительный. Воины названного здесь наиба вызвали тогда — при Унцукуле — практически страшное потрясение, которое сравнимо разве что с землетрясением. Дело в том, что число только лишь убитых унцукульцев достигло в тот день семидесяти мужей.

Указанные выше бои дали знать жителям города Унцукуля, а также хранителям русской крепости, стоявшей рядом с последним, что спастись от бедствия, которое вот-вот грядет, и, соответственно, от избие-ния душ своих — практически не

возможно. Как результат, сломалась тогда мощь сопротивления. Касается это как унцукульцев, так и русских, сидевших в крепости – они потеряли теперь свою силу. Вот тут-то и попросили эти люди – унцукульцы и русские – у имама Шамиля мира и пощады: как, причем, для себя лично, так и для своих домочадцев.

Имам согласился на это, то есть на мир и предоставление пощады, но поставил перед ними условие: первыми должны подойти к нему русские, а затем пусть приближаются видные унцукульцы. Русские так тогда и сделали. Они подошли к Шамилю первыми – повесив фуражки на дула своих ружей и имея во главе четырех офицеров (*аписар*), как было то принято у них.

Когда увидел имам Шамиль русских, которые приближались во главе со своими офицерами, то повел он себя тут весьма скромно. Если сказать образно, то *одел он на себя халат скромности и покорности*.

Шамиль, первым делом, пал то-

*Русские на
Кавказе
(XIX в.)*

*Наиб имама Шамиля
(чеченец Эски, с рис.
XIX в.)*

гда в ниц и поблагодарил всевышнего Аллаха за то, что после трудного положения, в котором пришлось находиться ранее, одарил Он его богатством и обширной территорией. Затем, встав, обратился имам к проблеме офицерства. Действуя согласно *хадису*, который гласил: «Ты рассаживай людей на их места», а не на другие, решил тут Шамиль поднять достоинство (*кадр*) русских офицеров. Поэтому приказал имам людям, чтобы расставили бы они палатки для русских офицеров, которые пришли из крепости, стоящей вблизи Унцукуля – во главе солдат, повесивших фуражки на дула своих ружей. Для них подготовлена была тогда хорошая пища и, мало того, взяв у унцукульцев двух быков, Шамиль передал последних русским, чтобы те порезали бы их для себя.

Что же касается унцукульцев (*ансал*), которые подошли тогда к имаму Шамилю, то дал он им – вслед за русскими – возможность вкусить все то, о чем упоминалось выше. Речь идет здесь о следующих

*Наиб имама Шамиля
(чеченец Дуба, с рис.
XIX в.)*

*Талгик-наиб и его
пушки
(XIX в.)*

лицах: о русском офицере Кебед-хаджияве, об ученом Али-хаджи, об ученом Хусайн-хаджияве и об ученом Шабанкади, а также о прочих жителях города Унцукуля. Хвала Аллаху – господу миров!

§ 7. Наступил тот год, когда отправил имам Шамиль людей к селению Шатели (*Шадил*), которое входит в состав округа вапийцев (*вапня*), лежащего между округом галгайцев (*гьалгьаял*) и округом хевсуров (*химсурал*). Были среди отправленных тогда имамом следующие лица: храбрец Ахбердиль Мухаммад Хунзахский – наиб Гехинский, особо любимый *товарищ* имама Шамиля, человек который стремительно атаковал; Килика – наиб Аккоевский (*ахъаял*); Батука – наиб Шатоя; храбрец Хаджар-дибир Гигатлинский, ставший позднее мучеником за веру – известный ученый, который был тогда наибом Чамалала; сын Кадиласул Мухаммада Гигатлинского по имени Маллач – наиб киялальцев (*кьигьалал*); Арсанакай (*Арсанакъай*) – наиб Дышинский, человек, который являлся

Чеченец со щитом

сыном эмира Мухаммадгази, сына Хахха.

Шатильцы, как и прочие вап-пийцы, не придерживались тогда никакой религии, но было у них, при этом, сделанное из меди изображение (*сура*) человека. Вот дан-ному-то изображению все эти вап-пийцы и служили, веря в то, что по-следнее будет их божеством, когда вновь наступившая эпоха станет *во-нючей*.

У шатильцев, которые являются частью ваппийцев, существуют, о чем следует сказать специально, диковинные порядки, вызывающие у нас откровенный смех. Так, на-пример, у них есть охраняемый лес, который называют *Лес божествен-ной милости*. Каждый совершенно-летний шатилец, который обитает в пределах округа ваппийцев, — будь он мужского пола или женского — заходит один раз в году в этот лес, посвященный божественной мило-сти. Делает шатилец это в один, причем, строго определенный день, который известен.

Первыми заходят туда, то есть в

Батуко-наиб
(чеченец, с рис. XIX в.)

Шамиль и его мюриды
(худ. X. Мусаясаул)

названный лес, шатильки – местные представительницы женского пола, одев на себя, при этом, самые великолепные одежды. Их они затем, однако, снимают, берут в руки и кладут под то или иное дерево, стоящее в указанном лесу. После этого заходят туда же – в место, где уже находятся женщины, – представители мужского пола селения Шатиль. Первая же представительница женского пола, которую увидит тот или иной шатильский мужчина, вошедший в *Лес милости*, должна *стать* там же *его женщиной*. Данное состояние, причем, продолжаться должно весь день.

Возможно, при этом, что окажется последняя – та, кто сидит в лесу, – матерью шатильского мужчины, подходящего к ней. Не исключено также и то, что увиденная представительница женского пола окажется его дочерью или его сестрой, или же, наконец, его супругой. В любом случае мужчина этот, вошедший в *Лес милости*, должен там совокупиться с той женщиной, которую он увидел в названном лесу

первой. После этого они все, шатилейцы, которые оказались тогда в *Лесу милости*, возвращаются в свое селение – вечером, совершив обозначенную форму совокупления.

Селение Шатили, входящее в Вапнийский округ – то, которое упомянуто здесь, – крепкое. Проистекает это из того обстоятельства, что его окружают со всех сторон высокие горы. Войти в Шатили можно, соответственно, лишь по одной единственной дороге.

Было раннее утро, когда наибы Шамиля – ими были тогда: Ахбердиль Мухаммад, Килика, Батука, Хаджар-дибир, Маллач и Арсанакай – подошли к названному селению Вапнийского округа. Приблизились они к нему вместе – понятно, - со своими войсками. Что же касается шатильцев, то были на тот момент относительно не внимательны и поэтому упомянутые здесь наибы сумели войти туда.

На улицах (сук) Шатиля, на которых ставились в другое время базары, вспыхнуло тут же сражение – между местными жителями и вои-

нами тех наибов, которые названы выше. В обеих группах, ведущих бой, появились, как результат, свои убитые. К рассвету следующего дня, однако, бой этот закончился, что обозначить можно фразой «война сбросила с плеч ношу свою». Последствием данного акта стало тут заключение мира.

Сделать это было, конечно, не просто. Дело в том, что шатильские мужчины укрывались тогда в замках, имевшихся там. Что же касается их детей, то они остались сидеть в своих домах, причем находились там же, то есть рядом с ними, и мусульманские воины.

Наибы имама Шамиля, которые вошли в селение, – наиб Гехинский, наиб Аккоевский, наиб Шатоевский, наиб Чамалальский, наиб Киялальский и наиб Дышнинский – старались тогда обмануть шатильских мужчин. Речь идет о людях закрепившихся, как уже говорилось, в местных замках. Они просили последних – в жесткой, правда, форме – спуститься оттуда, заключив мир с ними, то есть с теми мусульмана-

ми, которые дали присягу имаму, что позволяло бы им, то есть шатильцам, обрести через это *пощаду*, обозначаемую термином *аман*.

Шатильцы, сидевшие в своих замках, отвечали наивам Шамиля, что согласны они на то, что просили у них последние: в названной выше форме. Тут, однако, наступило время заката и, соответственно, вечерней молитвы. Несмотря на это, обе названные здесь группировки, то есть мусульмане и шатильцы, пребывали в прежнем положении. Вопрос мира и *пощады* решен пока ещё не был.

Повелителем (*амир*) селения Шатели и, соответственно, главарем шатильцев являлся в те дни некий Георгий (*Гевурги*). Он, в надлежащее время, пришел к двум упомянутым гигатлинцам – к сыну Кадиласул Мухаммада и к наibu Хаджар-дибиру. Сделал же Георгий это для того, чтобы поговорить с ними о заключении мира.

Относительно сути последнего акта был ему зачитан тут соответствующий текст. В конце концов, они

— два названных гигатлинца и Георгий, который считался повелителем и главарем шатильцев, решили: либо шатильцы отдаляются от нас, мусульман, то есть уходят из своих мест, либо дают они выкуп. Совершено было это для того, чтобы поскорее закончилась война, чтобы последняя, как говорится, *опустила бы на землю свои мешки*.

После окончания вечерней молитвы наиб Арсанакай Дышнинский побежал вдруг из селения Шатили. Сделал же он это повернув оттуда назад. Дышнинцев — как самого наива, так и его воинов, — не коснулась тогда, причем, никакая причина, побуждающая к бегству. Не было там ни удара, ни чего-либо иного.

Что касается других мусульманских воинов, то когда узнали они о бегстве дышнинцев, пришли мысли их из-за этого в расстройство. Они задумались по некоему вопросу, суть которого в том, как говорят, что *он сам изувечил свой короткий нос*. Язык же изложил тогда положение их следующей фра-

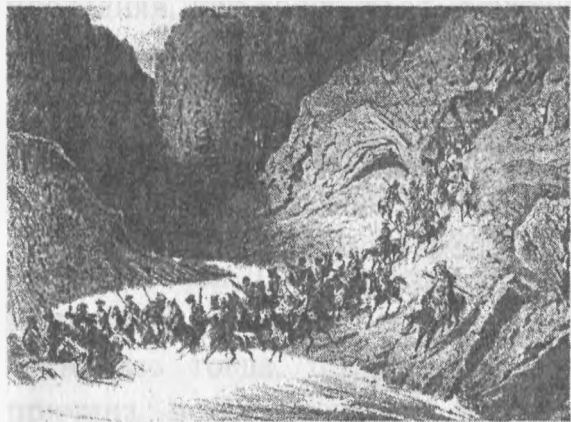
Орнамент, характерный для серебряных деталей чеченского оружия и снаряжения, до 60-гг. XIX столетия

зой: «Если бы не было тут факторов, вызывающих беспокойство, то куропатки не бросили бы землю, на которой они спокойно спали». Результатом всего того стало, в конечном счете, то, что мусульманские войска вышли из селения Шатили.

То событие происходило темной-темной ночью. Дорога, по которой из Шатиля двинулись наибы Шамиля и их воины, представляла собой очень узкую тропу. Неверные шатильцы, однако, при всем этом, не начали, тогда какого-либо сражения – в тылу уходящего войска. Имело же место, это по той, прежде всего, причине, что их повелитель, Георгий, находился в руках у двух известных нам гигатлинцев – наиба Хаджар-дибира и сына Кадиласул Мухаммада. Этот Георгий был тут для мусульман как бы пленным и, соответственно, руки у него были тогда связаны за спиной.

Когда уже прошли мусульманские войска часть своего пути, ведущего из Шатили, поразила вдруг Ахбердиль Мухаммада свинцовая

пуля, выпущенная из ружья. Она попала в тело этого известного храбреца, неоднократно испытанного в конкретных делах. Кто же именно поразил данного наиба, которого назначил Шамиль в Гехинский округ, кто был тем стрелком — узнать не смогли.

Горцы в походе (XIX в.)

Смерть, которая, как известно, вызывает тление, в конце концов, призвала к себе гехинского наиба Ахбердиль Мухаммада и тогда он ответил ей: «Вот, я стою перед тобой». После этого он двинулся навстречу Господу своему, который милосерден! Этим проявил данный хунзахец, известный как Мухаммад, — да помилует его всевышний Ал-

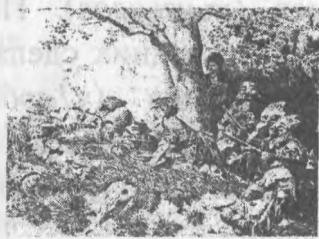
лах! – сын Ахберди, благочестие своё!

После ухода в мир иной храбреца Ахбердиль Мухаммада Хунзахского *ворочал делами наибства*, соответствующего Гехинскому округу, некий Саадулла. Позднее, однако, назначен был наибом Гехинским – на место Ахбердиль Мухаммада – эмир Мухаммадмирза, черкесский мухаджир. Произошло данное событие после возвращения имама Шамиля из Черкесского округа.

Есть разговор, – с полной ясностью, однако, знает о произошедшем лишь Аллах! – имеющий отношение к изложенному выше. Согласно ему, то есть тому, что говорят, наиб Арсанакай Дышнинский, являвшийся сыном эмира Мухаммадгази, взял тогда взятку с жителей селения Шатили. Что же касается последних, то дали её с тем-де условием, что возвратит он с их земли воинов, подчинявшихся наибам Шамиля: гехинцев Ахбердиль Мухаммада Хунзахского, аккоевцев наиба Килики, шатоевцев наиба Ба-

*Саадулла-наиб, чеченец
(с рис. XIX в.)*

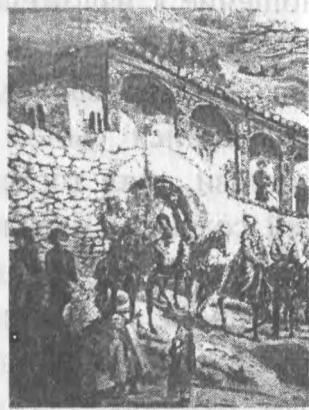

*Казачи в ночном секрете.
(худ. А. Дмитриев-Кавказский)*

туки, чамалинцев наиба Хаджардибира, киялальцев наиба Маллача и своих дышнинцев. Что же касается брата наиба Арсанакая, - того, который носил имя Джанта, - то в Ахбердиль Мухаммада - согласно тем разговорам, - выстрелил из ружья именно он. Было это тогда, когда свинцовая пуля поразила названного наиба, возвращающегося из похода на Шатиль.

Эти разговоры доходили, причем неоднократно, до ушей Шамиля. Вследствие именного данного обстоятельства, он, в конце концов, отправил в Дышны наибов киялальцев (*къигьалал*). Повелителем же для последних сделан был наиб чеберловцев (*чларбиял*), каковым был тогда чиркеевец, известный как Митлрикил (*МикърикIил*) Муртузаали.

Шамиль, в той ситуации, приказал киялальским наибам: во-первых, убить наиба Арсанакая Дышнинского и брата его, которого звали Джанта; во-вторых, сжечь их усадьбы; в-третьих, возвратиться после этого назад, захватив с собой

Выезд горцев из аула

имущество убитых. Имам, при этом, направил – предварительно – к тому Арсанакаю каранаевца (*хъарани*) по имени Чанка-Али и Мухаммадхаджиява Зубутлинского, чтобы обманывали бы они оба названное лицо. Должны они были делать это до тех пор, пока не подойдут к названному дышнинцу киялальские наибы.

Чанка-Али Каранайский и зубутлинец Мухаммадхаджияв, явившись в Дышны, зашли, в конце концов, в местопребывание наиба Арсанакая. Сделали они это не просто так, а приводя в качестве повода то, что прибыли, мол, они оба, то есть Чанка-Али и Мухаммадхаджияв, для сбора подати (*джизья*), которая причиталась имаму с жителей Дышнинского округа. Дело в том, что у Шамиля был как бы обычай: отправлять ежегодно их двоих для выполнения указанного здесь дела.

Шамиль-имам, отправляя в Дышнинский округ двух названных лиц, Чанку-Али и Мухаммадхаджиява написал тогда же письмо наибу Арсанакаю. Текст его был следующим:

*Ахбердиль
Мухаммад
(рис. XXв.)*

«От повелителя правоверных Шамуиля брату своему Арсанакаю!

Привет тебе!

А далее.

Я отправил к тебе, для сбора подати, двух верных людей – каранаевца, известного как Чанка-Али, и зубутлинца по имени Мухаммадхаджияв. Они же, кстати, и будут теми, кто доставит тебе мое письмо.

Ты, наиб Арсанакай, прислушайся, пожалуйста, к словам их обоих, а затем отправь их напрямиком ко мне – повелителю правоверных. Пусть, после этого, приходят ко мне два названных здесь верных человека, со всем тем, что они соберут в Дышнах. Все!».

На третью ночь, после прихода к Арсанакаю двух человек, упомянутых выше, - Чанка-Али Каранаевского и Мухаммадхаджиява Зубутлинского – появились у его местопребывания киялальские наибы, повелителем которых был тогда Муртазаали Чиркеевский. Они окружили тут селение дышнинцев. Что же касается тех двоих – каранаевца и зубутлинца, присланных

Чеченец.

*(худ. Г.И.Пашков,
1887г.)*

имамом Шамилем, то находились они на тот момент в доме наиба Арсанакая.

Когда последний почувствовал, что он окружен, и догадался, что те двое мужей – пришедших в Дышны якобы для сбора подати, - коварно обманули его, то молчать не стал. Он тут обругал их обоих сильнее-шим образом. Мало того, повернувшись к последним – к каранаевцу и зубутлинцу, которые сидели в Дышнах, упомянул Арсанакай тогда и имама Шамиля. Да так было это сказано им, что и повторять-то не прилично.

Арсанакай отправил затем из селения дышнинцев тех двоих: каранаевца Чанка-Али и зубутлинца Мухаммадхаджиява, дав им, таким образом, дорогу, а после этого началось там сражение. Происходило оно между ним, с одной стороны, и пришедшими в его округ наибами киялальцев – с другой. Речь идет о тех людях, повелителем которых являлся тогда наиб Чеберлоя по имени Муртазаали.

Все близкие люди Арсанакая

*Казачий сторожевой
пост с вышкой - на
Кавказской линии
(худ. Л.Е.Дмитриев-
Кавказский)*

укрылись – после прихода наибов имама Шамиля в замке названного наиба. Как результат, стал долгим тот бой, который разгорелся между группой, состоявшей из укрывавшихся в замке, с одной стороны, и воинами тех наибов, которых отправил в Дышны имам Шамиль – с другой.

Наступила ночь, разделившая две дерущиеся стороны, но бой продолжался. В таких-то вот условиях и сбежал Арсанакай из Дышны, причем вместе со своими близкими. По прошествии же некоторого времени – после этого – прибыл он в пределы Русского государства (*мамлака*).

Когда Арсанакай Дышнинский, находясь в пределах названной территориальной единицы, явился к величайшему командующему (*сардар*), тот проявил уважение к нему. Он даже усадил тогда Арсанакаю – вместе со всеми его товарищами, – за свой стол. Мало того, командующий сделал подарок: как этому дышнинцу, так и его упомянутым здесь товарищам, которых было

«Командующий»
(М.С. Воронцов,
XIX в.)

Дворец наместника
(XIX в.)

там, кстати, 15 человек. Он преподнес каждому из них золотые часы. Что же касается супруги командующего, то преподнесла она тогда вышеупомянутому Джанте – тому брату наиба Арсанакая, о котором говорили, что именно он выстрелил в наиба Ахбердиль Мухаммада, когда возвращался последний из похода на Шатиль, – стакан (*истакан*), сделанный из красного золота. Она при этом сказала дышнинцу Джанте: «Тебе, как личности, приличным будет пить из подобных вещей – таких, которые сделаны из золота».

При всем том, однако, что оказан был тогда Арсанакаю вышеописанный приём, – со стороны величайшего командующего – сердце этого дышнинца не успокаивалось. Уверенным чувствовать себя мог он, то есть Арсанакай, только лишь под дланью имама Шамиля, а это означало – находясь в общении с единобожниками и истинными приверженцами исламской религии. Поэтому-то и бежал, в конце концов, этот Арсанакай из Тбилиси (*Тифлис*).

Арсанакай, убежавший с территории Русского государства, зашел к имаму Шамилю – совместно, причем, со своими товарищами. Дышнинец показал имаму – во время той встречи – подарки, которые преподнесены были им: командующим и другими великими людьми, принадлежащими к окружению последнего.

Что касается имама Шамиля, то оказался он тут перед проблемой. Дело в том, что после бегства Арсанакая к русским назначил он наибом и, одновременно, повелителем всех наибов Киялала гоцатлинца Мухаммада. Речь идет о том, который был сыном Худаната.

Этот Мухаммад Гоцатлинский был человеком несправедливым (залум) и грубым. На землях киялальцев распространял он *порчу* многого из их традиционного быта, постоянно творил насилия, был чрезмерно жесток.

Таким же, кстати, показал себя данный сын гоцатлинца Худаната и в отношении эмиров Кединских. Дело в том, что перебил он среди

Старый Тбилиси
(рубеж XVIII-XIX вв.)

Хаджимурад со
своими воинами
(худ. Е.Лансере)

них всех совершеннолетних лиц мужского пола. Было же это осуществлено им так: обесчестив (*хатака*) первоначально названных эмиров, наиб Мухаммад – сын Худаната Гоцатлинского – объявил затем, что кровь любого из них, то есть кединцев, обладавших ранее правом отдавать приказы, может быть пролита безвозмездно. Позднее же, как результат, он сам пролил её.

Когда Арсанакай Дышнинский возвратился из пределов Русского государства, сместил имам Шамиль названного несправедливого грубияна, то есть Мухаммада. На место же данного гоцатлинца – сына Худаната, назначил он теперь Арсанакай. Последний, таким образом, заново оказался на наибстве.

Имам Шамиль не прекратил, однако, прибегать к ухищрениям в отношении Арсанакай Дышнинского. Продолжалось это до тех пор, пока не был тот, в конце концов, лишен жизни. Совершил же данный акт, конкретно, Газимухаммад, – сын Шамиля – который, используя тут своих *товарищей*, сбросил

Газимухаммад – сын
имам (XIX в.)

Арсанакая в Назраньскую реку, ту которую называют Асса (*Гайс*).

Получив божественное прощение, пошел он после этого своим путем. Аллах – кроткий ведь и всепрощающий!

Это – последнее, из того, что я, Хусайнид по имени Мухаммад, захотел взять со страниц уже существовавшего исторического труда. Речь идет здесь о том, который написал глубококопающий ученый Имаммухаммад Гигатлинский.

Я, Мухаммад – сын Газимухаммада Гигатлинского, не стал, правда, переписывать из упомянутого труда изложение всех военных походов имама Шамиля, а также – иных событий из жизни последнего.

Дело в том, что походы и прочие события, которые здесь упомянуты мной, описаны уже в историческом труде выдающегося ученого Мухаммадтахира Карахского – установителя истин. Там изложено все это Мухаммадтахиром в объеме гораздо большем, чем имеет то место в труде Имаммухаммада Гигатлинского.

*Имам Шамиль
(XIX в.)*

Мы, однако, то есть Мухаммад Хусайнид, и, соответственно, Имаммухаммад, упомянули здесь о походе предпринятом, к примеру, против Шатиля. Дело в том, что названный выше установитель истин — Мухаммадтахир Карахский проявил определенную небрежность, когда писал он текст своего исторического труда, доступного нам во всей его полноте.

Все!

Привет братьям по религии от бедняги Мухаммада-хаджи Гигатлинского — сына Газимухаммада Хусайнида. Да простит Аллах этого переписчика — сейида, который сильно влюблен во Всемогущего!

Да сделает Он добро в отношении его родителей, а также всех наибов и прочих единобожников, кто упомянуты в историческом труде Имаммухаммада Гигатлинского. Да простит Аллах и ученых-историков — тех, которых я, Мухаммад-хаджи Гигатлинский, назвал выше.

*Шамиль и его сын
Газимухаммад
(XIX в.)*

Да одарит Аллах нас – так же, как и всех тех, кто желают истины и правды, – благодатью, которая идет от устремлений трех наших имамов: от обновителя веры и религии Газимухаммада, который пал мучеником – да обретут святость его тайные знания; от имама Хамзата, который, в свое время, также пал мучеником; от величайшего имама Шамиля-гази!

Сказанное касается и той благодати, которая идет к нам от устремлений помощников трёх названных имамов. Имеются в виду наибы и прочие люди, под которыми подразумеваются *мюриды*, которые действовали на благо возвышения исламской религии.

Хвала Аллаху, Господу миров! Да будут молитвы и мир над Мухаммедом – главою пророков и посланников Аллаха, а также над его родом, над его сподвижниками, над его супругами и над его помощниками – над всеми вместе.

Аминь!

Написана эта драгоценная история рукой сейида Мухаммада-хаджи Гигатлинского, который завершил работу свою 18-го мухаррама 1331 года, что соответствует, если считать по-христиански, 1912 году.

Господи! Прости Ты их и нас!

Аминь!

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МАГОМЕДОВ М.З.

ПРЕДКИ, ПОТОМКИ И РОДСТВЕННИКИ ИМАНМУХАММАДА ГИГАТЛИНСКОГО

(*семейные предания*)

*Магомедов
Магомед Зулгуджаевич*

Селение Гигатль (Гъигъаль), где я родился и вырос, числящееся в составе высокогорного Цумадинского района Республики Дагестан (РД), расположено в согреваемой зимой солнечными лучами, а летом хорошо орошаемой, и поэтому плодородной местности. Лежит последняя на одном из северо-восточных отрогов Снегового хребта, идущего от горы

четырёхтысячника, известного картографам как «Диклосмта» (4285м), которую называют аварцы *Дагъалда*. Ближайшие к моему родному селу горные вершины имеют высоту 3308м и 2737м.

Земли Гигатля, расположенные в основном на горах ($\approx 1700\text{м}$), простираются до самого берега реки Андийское Койсу ($\approx 800\text{м}$), где находились традиционно прекрасные сады гигатлинцев и их хутора, сохранив-

шиеся и поныне, которые розданы в последнее время потомству прежних владельцев. Граничат земли этой аварско-чамалинской общины с землями селения Годобери, лежащего в пределах Ботлихского района РД, а по названному выше горному хребту – с братской Чеченской республикой (ЧР). В прошлом, причем, в XVI-XVII вв. (?), гигатлинские земли находились и в бассейне р.Шаро-Аргун, где преобладает чеченский язык.

Позднее, в XVIII в. как минимум, под покровительством ханов Аварии, возникли там – на территории современной ЧР – самостоятельные аварские селения, оказавшиеся на пути горцев в Равнинную Чечню (*Чачантала*). Это были: **Кенхи**, в создании которого участвовали, наряду с гигатлинцами, кванхидатлинцы и чохцы (*чIахъал*); сел. **Бути**, жители которого говорят «по-ансалтински», и **Чадири** (по-чеченски *Чайра*). Жители последнего, попав в высылку и оказавшись, таким образом в Средней Азии, перешли в послевоенные годы на чеченский – по большей части – язык, хотя по происхождению своему большинство чадиринов являются гигатлинцами, а поэтому могут говорить, хотя и с некоторым трудом, по-чамалински и даже на литературном аварском языке, то есть на *бол мацI*.

Опираясь на ресурсы, которые предоставила великодушная природа, гигатлинцы вели с успехом свое нехитрое хозяйство. Имея вокруг села (*росу*) многочисленные весьма благоустроенные хутора (*кули, мархьу*), они занимались испокон веков земледелием и особенно

скотоводством, при этом, однако, стада крупнорогатого скота и овечьи отары заводить в само селение запрещалось местным правом (*баль*). Это для того, чтобы они не пачкали сельские улицы. Практиковали жители Гигатля также садоводство и виноградарство. Последние два направления сельскохозяйственной деятельности процветали, в прочем в местности достаточно отдаленной – прежде всего, на тех гигатлинских хуторах, которые расположены по левому берегу «Большой реки» (*Клудияб глор*), т.е. Андийское Койсу, которые сейчас трансформируются в селения небольшой и средней величины.

За обильные – по меркам горного Дагестана – урожаи зерновых и за их стабильность, характеризовали горцы-цумадинцы гигатлинские земли (*мегъ*) как *зональную*, если можно так выразиться, свою *житницу* или, как говорили в прошлом, «Малую Чечню» (*ГъитIинаб Чачан*).

Гигатлинцы славились издавна как отличные воины и считались, поэтому, одной из главных региональных опор Аварского ханства. Сферой их военно-политической ответственности были в далекую от нас ханскую эпоху пределы горной зоны современной ЧР – аварские и чеченские земли, находящиеся в бассейне реки Шаро-Аргун. Оружия из своих рук гигатлинцы XVIII-начала XIX вв. практически не выпускали. Причина – они либо сами ходили в набеги (*чабхъен*) на Кахетию (*Кахет*), соответствующую части Восточной

Грузии, либо вынуждены были защищать, причем чуть ли не ежегодно, дома и семьи свои от враждебных горцев, не принадлежавших к числу мусульман. В первую очередь, угрожали покою гигатлинцев того времени христиане, говорившие на грузинском и ингушском (*ванти*) языках, приходившие с верховий Андийского Койсу. Это были воины, которых аварцы называли *туш-мосок*, то есть «тушино-бацбийцы».

Гигатлинцы всегда были гостеприимны. У них часто останавливались, чтобы передохнуть перед длинной и тяжелой дорогой, те или иные отряды хана Аварского, когда шли в свой очередной закавказский поход или же возвращались оттуда домой – в родные горы. В каждом селении Центрального Аваристана бывали у гигатлинцев, поэтому надежные кунаки (*тIохол гьобол*). Имелись среди людей разных социальных уровней – они среди простых воинов (*озден*) и знатных военачальников (*цевехъан, белади*), потомственных аристократов (*нуцаби*) и рядовых мулл (*дибир*).

Предводители Гигатлинской общины, которую соседи называли «Рудником мусульманских наук» (*гIалимзабазул магIдан*), хорошо знали думы и чаяния всего аварского народа. Имело место это во многом по той причине, что знатные сыны Гигатля, держали в своих руках общий контроль над связью между земляками и целой сетью их верных кунаков (*гьалбал*), живших в XVII – начале XVIII вв. в различных селениях Аваристана – как в пределах Дагестана, так и Восточ-

ном Закавказье (*Цлор*). Известно также, и это совершенно точно, что среди жителей Гигатля были чиновники ханов Аварских, чьим местопребыванием был Хунзах (к примеру, сборщики ханского налога с жителей при-шаройских аулов), и даже кровные родственники последних. Другая сторона вопроса – в Гигатле было всегда много высокообразованных людей, знатоков арабского языка и книг по шариату, т.е. мусульманскому праву, а поэтому для лидеров данного цумадинского селения, стоящего на границе с Чечней, не были секретом приемы управления сельскими и городскими общинами, и даже целыми государствами, методы руководства хорошо дисциплинированным войском и бунтующими народными массами т.д. Речь идет здесь, конечно, о тех приемах и методах, которые практиковались в средневековых государствах мусульманского Востока, а также в Османской империи XVII-XVIII вв.

Далее, устная традиция наших гор и дагестанские арабоязычные хроники говорят, причем со всей ясностью, не только о храбрости и решительности гигатлинцев, но и о существовании в Гигатле мощных воинских традиций, также о выдвижении крупных горских военачальников из среды гигатлинцев ханской эпохи. Это обстоятельство, кстати, нашло себе яркое продолжение в эпоху шариатских имамов.

Все это вместе взятое, давало гигатлинцам, в свою очередь, возможности и законные основания к тому, чтобы занимать важное место в общеаварской политике

ханской эпохи, осуществляемой в пределах Восточного Кавказа, а также в проведении военной и административной линии имамов Дагестана и Чечни.

Древняя история Гигатлинской общины не изучена до сих пор, имею в виду – в надлежащем тут объеме. Имеет место это, по той-во многом-причине, что на гигатлинской территории не проведены до настоящего времени археологические раскопки. А делать это, думается, необходимо: с учетом значимости Гигатля, как поселения (на его территории найдена бронзовая статуэтка, объединяющая в себе пять объемных фигур – женщина и четыре воина мужского пола), для общей истории западной зоны горного Дагестана.

Высказанная мысль не является плодом местечкового патриотизма. Об исторической важности данного цумадинского селения, с точки зрения дагестанской родовитой элиты XVIII-XIXвв., говорит то, хотя бы, что во второй половине XVIIIв. переселились в Гигатль курахские сейиды кумухского корня, т.е. потомки пророка Мухаммада (с.л.г.с.), осевшие в давние времена на лакской земле. Такая категория людей, пользующаяся почетом в мусульманском обществе, не переходит на жительство из мест благодатных и цивилизованных куда попало. Имеется в виду уход сейидов из их родных мест в местность гораздо менее благоприятную для проживания, какой является в данном случае Цумада – на фоне предгорных земель лежащих относительно недалеко от Дербента. Они, представители социальной

категории мусульманского общества, пользующейся изначально почетом и уважением со стороны окружающих, идут: либо туда, где жить лучше и легче, либо в местности менее благоприятные по климату и не совсем удобные для проживания, но зато имеющие военно-стратегическое, можно сказать, геополитическое значение. Это главное мое объяснение причин переселения в глухие аварские горы предков сейида Ротол Мухаммада (*Хлусайнияз Мухламмад*), – автора публикуемой здесь редакции сочинения Иманмухаммада Гигатлинского – которые ушли из благоустроенного лезгинского селения Курах, лежащего в относительной близости от приморской трассы и торгового города, на границу с Чечней и Тушетией – в ту, подверженную набегам врага высокогорную местность, где стоит Гигатль.

Старики наши рассказывают, что в давние времена главное поселение гигатлинцев, называвшееся «крепость Ичикан» (*Ичихъан хъала*), стояло на (примерно) 2км западнее нынешнего Гигатля – на той горе, являющейся отрогом Снегового хребта, на склоне которой стоит последний, т.е. метров эдак на пятьсот выше. Это по-моему, не выдумка, идущая от какого-либо текста по истории Дагестана, написанного в 60-70-е годы XX в.; жизнь и любовь к прошлому убедили меня, что многие так называемые «предания», которые старательно собирают и аккуратно цитируют историки наших дней, являются всего лишь порождением *Истории Дагеста-*

на (вузовский курс), написанной Расулом Магомедовичем Магомедовым, а опубликованной в 1961 г. Дело в том, что, как доказывают авторитетные эпиграфисты, которые неоднократно обследовали гигатлинскую территорию, старейшие памятники арабского – да и вообще любого-письма, имеющиеся в пределах последней, находятся как раз-то в городище Ичикан (место, где в древности был город или укрепленное поселение). Представляет собой данный исторический материал, имеющий значительную ценность, надгробия мусульман, которые жили там – на высоте двух примерно тысяч метров в XII-XIII вв.

Предания, не связанные с *Историей Дагестана* Магомедова Р.М., то есть идущие от наших предков, рассказывают, что первым миссионером, начавшим активно действовать на поприще распространения ислама среди населения гигатлинской территории, был пришелец из Египта. Мы его помним как «Ганжука Мисрижуна» (*Гъанжук Мисрижун*), сподвижника Абулмуслим-Шейха, и, причем, есть основания полагать, что действовал этот Ганжук во 2-й половине XI- начале XII вв.; судя по имени собственному, он не был арабом, а принадлежал к числу представителей какой-то другой национальности. Он то и есть наш предок-основатель гигатлинского рода «Кадиевых» (*Къадила*), который является ныне одним из наиболее многочисленным в селении Гигатли и имеет большую родню в Чечне. Наши предки, как рассказывают, приняли уча-

стие в «оживлении» (вырубка леса, очистка местности от камней и т.д.) восточной части Чеченской равнины (*Чачан-тала*), действуя там совместно с нахцами (*буртиялгин шубут*), приходившими из Ичкерии и Шатоя, то есть с гор и из предгорий. По данной причине у нас имелись на названной равнине - к западу от Грозного - свои собственные хутора, которые были либо уничтожены во время войн XIX в., либо были включены, вместе с их обширными землями, царскими властями в селения чеченцев. Это была известная политика империи, суть которой - укрупнение населенных пунктов северокавказцев, превращение их *многотейповые*, для облегчения и насаждения агентуры и, соответственно, полицейского контроля над территорией.

В эпоху Ганжука Мисрижуна, а затем его сына Али, по мере укрепления позиций ислама в цумадинской зоне Аваристана, наметился среди членов гигатлинской общины раскол. Появились отъявленные враги мусульманства, которые перебрались постепенно: как на горные территории, контролируемые Багратионами, то есть грузинскими царями, и их окружением (*таваталгин азнагьурзаби*), так и в Кахетию. Находясь там под покровительством грузинской аристократии, не разрывала данная часть гигатлинцев - враги ислама - связей и с частью хунзахской (по происхождению) знати, которая, оставаясь в христианстве, была вынуждена покинуть родной город.

Старики рассказывают, что в те далекие времена стоял во главе гигатлинских мусульман Бачухан, который враждовал со своими земляками, оставшимися вне рамок ислама, и с родственниками нуцала Сураката, изгнанным шейхом Абулмуслимом из Хунзаха. Объединив свои силы с силами Баяра – потомка Сураката Хунзахского, который возглавлял тогда хунзахских христиан, изгнанных из родных мест, «неверная» часть гигатлинцев подкралась однажды к крепости «Ичикан», центру их общины, и хитростью захватила ее. Вскоре, однако, местные мусульмане отвоевали Ичикан у своих соперников и поставили там отряд мусульманских воинов из числа гигатлинцев и пришельцев из других частей Дагестана. Им то и принадлежат надгробные камни с арабскими надписями восьмисотлетней примерно давности, которые до сих пор стоят на развалинах Ичикана.

Прошли годы и, можно сказать, целые века. Изменился климат – стал он, как рассказывают, более холодным, а с другой стороны – в Дагестане кяфиров уже не осталось, как и вообще сил настроенных враждебно; остались лишь личные враги того или иного гигатлинца, его кровники, должники и т.д. Эти обстоятельства, в свою очередь, вынудили членов Гигатлинской общины решиться на то, чтобы начать покидать Ичикан. Эту крепость своих предков, стоящую в местности обдуваемой ветрами, они оставляли и спускались в нынешнее месторасположение селения Гигатль – туда, где го-

раздо теплее и ближе к полям, хуторам и садам. Как полагает мой земляк Исаев Ш.М., профессиональный историк, работающий на юридическом факультете ДГУ, совершилось это переселение примерно триста лет тому назад, т.е. в пределах XVII- начала XVIII вв.

Наш род, из которого вышли «товарищи» (*гьалмагъ*), то есть верные сподвижники, шариатских имамов эпохи Кавказской войны, а также их наибы, имеет свою родословную. В изустной передаче имеет она следующий вид:

1.Ганжук I Мисрижун (*Гъанжук Мисрижун, Египеталдаса вачIарав*).

2.Али I (*ГIали*).

3.Ганжук II.

4.Али II.

5.Ганжук III.

6.Магомед I (*МухIамад*).

7.Али IV.

8.Магомед II.

9.Кади I (*Къади*).

10.Магомед (*Къадилосул МухIамад*) – военачальник эпохи Кавказской войны, сподвижник Шамиля, упомянутый в сочинении Магомедтагира Карахского.

11.Кади II (*Къади ИманмухIамадил эмен*).

12.Иманмагомед (*ИманмухIамад*) – историк, автор оригинальной по содержанию книги о Кавказской войне, написанной на арабском языке, краткий вариант текста, который приводится ниже.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

СЕМЬЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОТОМСТВО ИМАНМАГОМЕДА

1. **Сиражудин** сын Иманмагомедов окончил кадетское училище, был офицером, умер в молодости.

Надгробие Сиражудина

2. **Абдулатип** сын Иманмагомедов окончил Ставропольскую сельскохозяйственную гимназию, пользовался большим авторитетом среди горцев Нагорного Дагестана.

3. **Сайпудин** сын Иманмагомедов уехал из страны, последние известия получили со Стамбула (сестра Анисат получила посылку в виде деревянной шкатулки с отрезами и платками).

4. Малач — сын Иманмагомеда.

5. Нурмагомед сын Иманмагомеда погиб в Газавате в с. Батлук.

6. Атабей — сын Иманмагомеда.

7. Асадула — сын Иманмагомеда.

8. Деньгамалач сын Иманмагомеда умер по болезни в юном возрасте по вине знахарей.

9. Патимат дочь Иманмагомеда.

10. Анисат — дочь Иманмагомеда.

Внуки Иманмагомеда:

Джалалудин внук Иманмагомеда.

Иманмагомед внук Иманмагомеда участник штурма Берлина в апреле-мае 1945 г., чемпион Вооруженных сил Северного Кавказа по метанию гранаты, работал директором школы с. Агвали.

Долик внук Иманмагомеда один из первых организаторов строительства Советской власти в с. Гигатли,

Иманмагомед

расстрелян Органами внутренних дел в 1929 г., а в последующем реабилитирован.

Нурасмагомед внук Иманмагомеда.

Малач внук Иманмагомеда.

Правнуки:

instituteofhistory.ru

Магомедов Зулхаджа Алиевич

Магомедов Зулхаджа Алиевич полковник юстиции, кавалер ордена Мужество.

Магомедкеримов Хайбула Гасанович работал председателем Цумадинского райисполкома, начальником государственной налоговой инспекции.

Магомедов Али Алиевич Заслуженный художник Республики Дагестан, Заслуженный художник Российской Федерации.

Дибирасулаев Магомед Набиевич заслуженный учитель Республики Дагестан, отличник народного просвещения Российской Федерации.

Алиев Абдулкадир Магомедович работал председателем Яснополянского сельского совета.

Магомедов Магомед Зулгуджаевич полковник полиции, кавалер ордена Мужество, заслуженный работник правоохранительных органов Республики Дагестан.

Малачов Магомед Асадулаевич адвокат.

Магомедов Саидахмед Зулхуджаевич мастер спорта СССР, Директор спортивной школы, тренер по вольной борьбе.

Гамзатгаджиев Магомед Идрисович окончил Дагестанский мединститут, врач-невропатолог, умер (2003 г.).

Магомедов Иманшапи Зулгуджаевич начальник МОБ ОВД по Цумадинскому району, майор милиции.

Магомедов Ахмеднаби Зулгуджаевич бизнесмен.

Малачдибиров Саадула Саадулаевич окончил Аварское педучилище с отличием, 1962 г. окончил филологический факультет ДГУ. Работал завучем и директором Гигатлинской средней школы, умер 1970 г.

Магомедов Абдулатип Алиевич работал секретарем парткома, главой администрации, председателем колхоза в с. Гигатли.

Магомедов Магомеднаби Зулгуджаевич сотрудник ДТУ (таможня).

Алиев Магомедсултан Темирханович кандидат экономических наук, вице президент федерации боевого самбо России, заместитель Руководителя Западно

Каспийского территориального управления росрыболовства России.

Магомедов Магомед Темирханович бизнесмен.

Иманмагомедов Джалалудин работал председателем колхоза с. Ясная Поляна Кизлярского района.

Иманмагомедов Сиражудин.

Малачов Магомед Малачевич кандидат медицинских наук г. Петербург.

Мухтаров Магомед Магомедович адвокат.

Внуки и правнуки Иманмагомеда

Мухтаров Залумхан Магомедович президент по собачьим боям Дагестана.

Анваров Магомед Анварович окончил аспирантуру при ДГУ, заслуженный учитель РД.

Магомедов Магомедзагид Анварович кандидат экономических наук.

Хажаров Магомед Хандулаевич, профессор, доктор философских наук г. Оренбург.

Хажаров Расул Хандулаевич кандидат юридических наук.

Малачдибиров Убайдула Саадулаевич, зам. начальника отдела межрайонной налоговой инспекции.

Алиев Гаджимурад Абдулкадырович глава администрации «село Ясная Поляна».

Дибирасулаев Хайруланам Магомедович главный врач Цумадинской районной центральной больницы, лауреат премии «лучший врач года России 2005 г.».

Джаватханов Гаирбек, ученый-арабист, мулла (дибир) в с. Гигатли.

Гаирбеков Ахмадула Гаирбекович

Магомедов Асильдар Абдулатипович начальник Гигатлинского ПОМ ОВД по Цумадинскому району майор милиции.

Имангазалиев Магомед Имангазалиевич учитель.

Ахмедов Омарасхаб Имангазалиевич.

Нурасмагомедов Владимир Абдулкеримович подполковник.

Нурасмагомедов Иманмагомед Хасбулаевич.

Магомедов Маиндур Абдулатипович чемпион России, чемпион Европы, победитель кубка мира, второй призер мира по боям без правил, *чемпион всемирных олимпийских игр по боевым искусствам (Пекин, 2010 год)*.

Магомедов Магомед Саидахмедович - Мастер спорта международного класса по вольной борьбе.

Магомедов Магомед Алиевич скульптор.

Многие другие потомки Иманмагомеда являются заслуженными людьми разных, причем специальностей. Среди них есть: учителя, врачи, инженеры, агрономы, зоотехники и т.д., они работают не только в Дагестане, но и во многих регионах РФ и странах ближнего и дальнего Зарубежья.

Биография историка Иманмагомеда

*(как представляют ее себе мои родственники – представители рода **Кадилал**)*

Иманмагомед родился в 1828 году в селении Гигатль в семье местного ученого Кади – сына Кадиласул Магомеда Гигатлинского, известного по арабским хроникам сподвижника имама Шамиля. Иманмагомед приходится внуком Кадиласул Магомеда.

Первоначальное исламское образование Иманмагомед получил в семье – у своего отца и в сельском медресе. Позже Иманмагомед обучался у известного дагестанского ученого Загалава (настоящее имя **Курбанали**) из селения Хварши.

Иманмагомед был отличным учеником, выделялся среди своих сверстников природными способностями и обретенной эрудицией.

В последние годы освободительной войны горцев Дагестана и Чечни многие старые наибы имама Шамиля уже пали в боях, а некоторые перешли на сторону царской администрации. У имама возникла нужда в но-

вых наибох молодых, грамотных, способных, преданных.

Имам Шамиль при решении глобальных вопросов и в тех или иных критических ситуациях всегда советовался с великим ученым и мудрецом Загалавом из Хварши. Обратился имам Шамиль и в данной ситуации с вопросом: кого из твоих учеников назначить наибом? Загалав ответил по - аварски: «*Беглерун гьитлинаб глацтли битланин, Дагъистаналда гъаракъ раглize буго*», - сказал он об Иманмагомед – (перевод: « я выпустил на свет наточенный топорик, о чем в ближайшее время будет услышано во всем Дагестане»).

Документально подтверждается, что Шамилем в последние годы были назначены наибоми Иманмагомед из Гигатля и Шамхал из Аргвани. Иманмагомед был наибом имама Шамиля в Батлухе (**Бакълъухъ**) и в других местах с 1853г.

После окончания освободительной борьбы против царизма Иманмагомед, как способного администратора и большого ученого назначают ответственным работником в канцелярию генерал-губернатора Дагестана, располагавшуюся в Темир-Хан-Шуре.

Иманмагомед написал несколько книг на арабском языке: *Гъарибул гьиман, Кашафул гъуюб, История о Шамиле* и др.

К восстанию горцев, начавшемуся 1877 году, Иманмагомед относился отрицательно. Как ученый и общественный деятель он прекрасно понимал, что это

восстание неизбежно потерпит поражение. Горцы не были подготовлены к восстанию: были плохо вооружены, их руководители (*церехъаби*) не имели общего плана восстания. В результате поражения горцев несколько руководителей были повешены. Многие активные люди были сосланы в Сибирь. Иманмагомед, пользуясь своим авторитетом, защитил тогда многих знатных и простых горцев от кары царской администрации. В числе таковых были Дибирасулав и Халакав из Гигатля, Денгавмагомед из Гаквари и другие.

По преданиям Иманмагомед был мужчиной высокого роста, широкоплечим, с правильными чертами лица. Он прекрасно владел арабским, аварским и чеченским языками, знал русский, даргинский и кумыкский. Был человеком высокообразованным и эрудированным, большим ученым. Неплохо знал теорию военного дела, искусно владел саблей и шпагой, был мастером верховой езды.

Иманмагомед имел большую семью восемь сыновей и две дочери. Потомки Иманмагомеда, как мы видим, являются людьми достойными своего предка и его рода.

Иманмагомед имел земельные угодья в с. Гигатли и Гигатли-Урух, которое расположено на трассе. В настоящее время они находятся, по большей части в руках у его наследников - в количестве более 8 (восьми) гектаров.

Последние годы жизни Иманмагомед провел дома, находясь на пенсии, но и тогда занимался научной и литературной деятельностью.

Умер Иманмагомед, как говорят, в 1918 году. Похоронен в селении Гигатли Цумадинского района.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Иманмухаммад хвараб мехаль гъабураб назму

Имамасул наиб сапараль индал,
Галимзабаздехун дагъав кIалъазин.
Гелмуялъул ралъад къанабахъ лъедал,
Къадидаб судехун гаргар гъабизин.

Гъарибул гъиман гъаримги гъабун,
ГъалбацI къокъарабищ къваридаб хабаль.
Загъбул малукалда мусруги ретIун,
Сапар гъабурабищ чIегIераб ракъуль.

Дуда къанал чIвараб чIегIераб къояль,
ЧIегIер ретIичIодай гIалимзабаца.
Дуда тIад ракъги бан нахърусунелъул,
Сабру гъабунадай гъигъальдерица.

Кашатул гIуюнги зигардула тун,
ГъалбацI бачун ана ахираталде.
ЖамгIул жавамигIги гIодулаго тун,
Вачун аравила эв барзахалде.

Жами магIанальги магIу лъун буго,
Ишкалал ричIуллеб кIул анин абун.
ТавхIид гIакъайдги къваридго буго.
Къуззатазул устар дунял тун индал.

Гелмуялъул магIдан сукI-сукIунелъул
Сидраталда ругел сагъвиллъичIодай.

Гаруз-назмуялъул мусаннипасул
Сипат хисулелъул Хизри щвечIодай.

Тавхид такранасул тату холелъул,
Тапазирни чаги гIагарлъичIодай.

Машаихзабазул силсилаталгун,
Сайпудин вачинчиш салам къун духъе.
Самаалда ругел хIурулгIиналгун,
ХIабиб тIаде швечиш берал тIупизе.

ГIалимзаби квегъулеб керен сунелъул,
БетIергъанас рази гъавун ватила.
Сапараль мун ине заман гIунтIидал,
Бадруялда ругел боял рачичиш.

ЦIарал къоял тIагIун, къадар щолелъул,
УхIудалда ругел рухIал гIунтIичиш.
Гъарзаяб дур чорхол чара холелъул,
Чабхъен гъабиладай шугъадааца.

ШаргIальул каранде кутак щолелъул,
РещтIунел ратила будалаал духъ.
Меседилаб дур рухI босун унелъул,
Босун канлъи инчиш яс Анисатил.

Маргъалодул лага молода лъедал,
Лъай-гIакълу дагълъичиш яс ПатIиматил,
ГIелмуялъул магIдан ракъулъе индал (лъедал),
Тавхид гIелмуялъул тагуго хвана.

Тавхид гIелмуялъул кIулал ричIулев,
Чияр сулукалъул керен куцарав,
ХIабибулагъ вецун хIалхъичIев лачен,
Квер босун батила Расулуллагъас.

Сулайманил асхаб асипа гIадин,
Гуллие керен кьун, кивго вагъарав.
Расуласул гъалбацI ГIалица гIадин,
ГIурусазул аскар сорозабурав.

Сирру рабаналъул асарал цIалун,
Пачаясул аскар кодоб босарав
Имам Шамилица мугъзаль квер лъурав,
ГъалбацI ГIалил бугин гIабигIатилан.

Дунялалъул къадру къвалани шварав,
Бал чармилаб хвалчен хамиль жемидал,
Хунзахъ начальникас чIегIер бан буго,
Чармил къолденалда къо гIаде шведаль.
ХIухъел пун шапила къиралзабаца.

Гуржи-чачаналъул чуял рахъарав,
Чодул къолода гIад къалда ругъунав,
Даргъоб хъалаялда хъазахъ гъурарав
Сотнида вукIарав (гIурав) Гъуни магIарда.

Шамил имамасул аскар хъихъарав,
Сали гавуразул сурсат бахъарав,
ГIарабустаналъул гIалимзабигун,
ГIодов чIун ватила Пирдавусалда.
Макка-Мадианалъул мурсалиналгун,
ЦIадахъ ккун ватила мун Кавсаралде.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие.....	3
2. Перевод сочинения и пояснения на полях.....	19
3. Предки, потомки и родственники Иманмухаммада Гигатлинского (текст Магомеда Зулхуджаевича Магомедова).....	182

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

instituteofhistory.ru

Тимирлан Магомедович Айтберов

Юсуп Усманович Дадаев

Хроника Иманмухаммада Гигатлинского – текст XIX в. об истории Имамата

**Учебное пособие
для студентов очного и заочного отделений
исторического факультета**

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Формат 60x84 1/16. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 13,0. Заказ № 164-10 Тир. 500 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева Р.Х.
г. Махачкала, ул. Батырая, 149. 8 928 048 10 45

“ФОРМАТ”